
ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1990
ISSN 0131–0097
СОЛИДАРНОСТЬ И НАДЕЖДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 12 (3270)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

17 — 24 марта

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Митинг в Москве.
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 23.02.90. Подписано к печати 13.03.90. А 09419. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1964. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

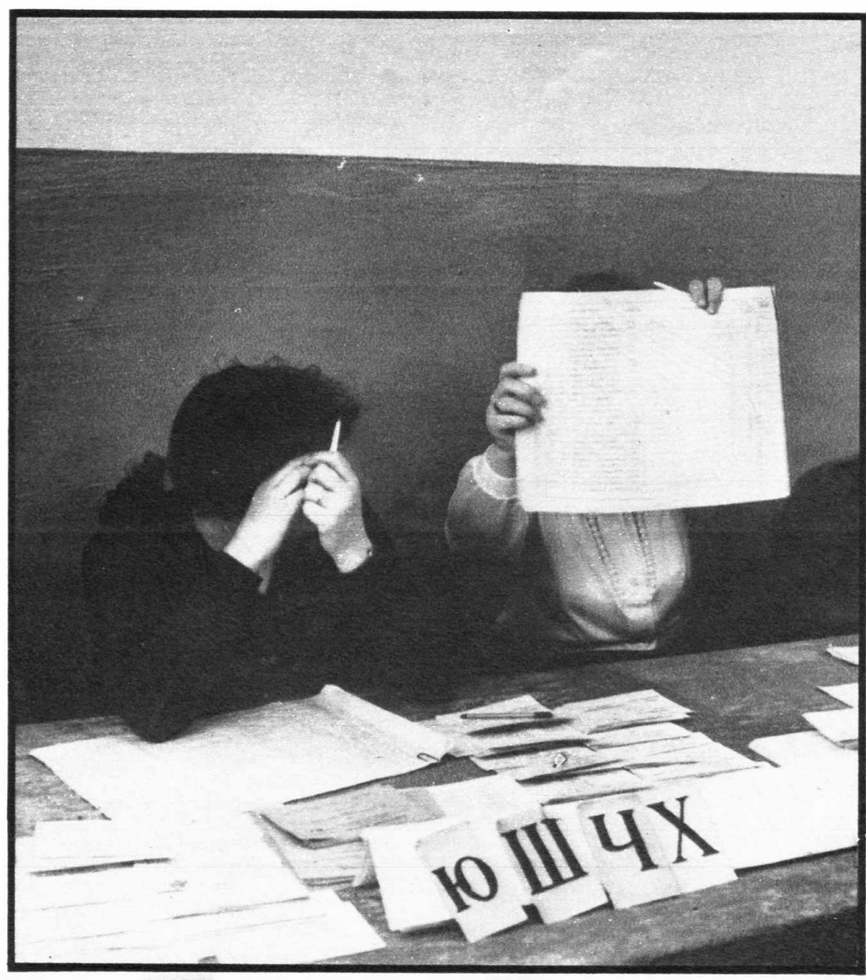
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Александр БОЛОТИН, Сергей ПЕТРУХИН (фото)

ПРАЗДНИК В САМОДУРОВКЕ

Серые просторы России, изрешеченные словно пулями мокрой весенней поземкой, грустно дремлют сегодня в ожидании лучших времен. Даже в самых глухих, как принято говорить медвежьих, углах Отчизны в людях теплится надежда, что жизнь круто повернет к радости и спокойствию, солнцу и счастью, миру и благополучию... Но на безмолвных просторах страны, увы, это приходится видеть, во всем своем первозданном величии торжествует и властвует выпестованное эпохой, насаждавшееся десятилетиями, проверенное временем... чувство страха. Это страх рядового хлебороба перед райкомовским уполномоченным, страх председателя колхоза перед влиятельным партийным чиновником — традиционный страх слабого перед сильным. Не на него ли делали ставку те высокие представители власти, которые на прошедших выборах в республиканские, областные и местные Советы выдвигали свою кандидатуру не только в безальтернативных, но и в глухих, отдаленных от больших городов, округах.

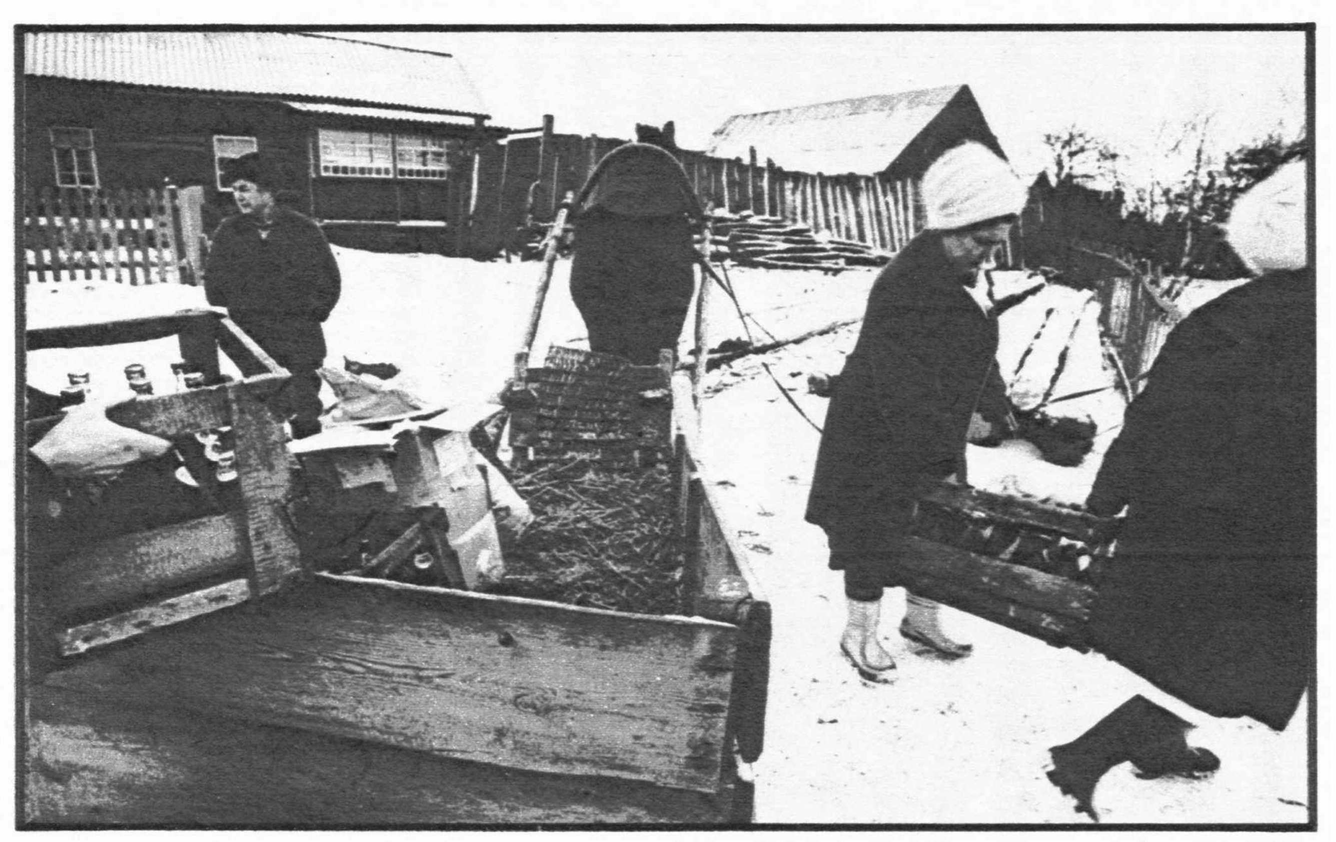
Это лишь первое впечатление от 4 марта; анализ атмосферы, царившей на прошедших выборах, еще впереди. Но, согласитесь, грустное, малоприятное впечатление... Ранним воскресным утром мы сошли с поезда в Моршанске и через пару часов оказались



в самой глубинке Тамбовской области, где расположен избирательный округ, которому предстояло выбрать единственного депутата областного Совета — первого секретаря Тамбовского обкома КПСС Евгения Михайловича Подольского.

Если кто-то сочинял сценарий этого эпохального в областном масштабе события, тот может быть спокоен: все намеченное свершилось. Рано проснулись тихие моршанские села — Канада, Дьячи, Вановье, Старотомниково, Новотомниково, Самодуровка... Загремели музыкой громкоговорители, установленные на сельских клубах, по растоптанным и мокрым от талой воды тропинкам потянулись к избирательным участкам дисциплинированные старушки... Один из местных старожилов долго уверял нас, что средний возраст жителей этого округа — аж под семьдесят лет. Памятуя правила игры, в том плане, что любая агитация в день выборов запрещена, мы все-таки полюбопытствовали у одной бабушки: за кого она голосовала? «Не знаю, не знаю, милок,— последовало в ответ,— все бумаги, которые дали, опустила...»

Мы подумали: как много несовершенного в нашей жизни, и если первый секретарь обкома партии боится своих городских земляков, то не целесообразнее ли ему быть не во главе областной партийной организации, а руководить здесь, на центральной усадьбе, местной сельской



ячейкой. Во всяком случае, быть ближе к своим избирателям. Или по такому же принципу Председателю Президиума Верховного Совета России Виталию Ивановичу Воротникову возглавить Адыгейскую автономную область, где он, как говорят, на выборах прошел «на ура». Мы подумали также, что, к великому счастью, есть примеры иного рода. И если член Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Антонович Ивашко, имевший огромное поле выбора, предпочел баллотироваться в одном из самых «трудных» избирательных округов Киева, рабочем Дарницком районе, вступив в конкурентную борьбу еще с одиннадцатью кандидатами, то нам уже как-то не очень важно, выиграет он или не выиграет мандат — авторитет и уважение этот человек, безусловно, себе обеспечил.

...Со страхом смотрели на нас члены избирательной комиссии и в селе Новотомниково, и в деревне Вановье... А в Самодуровку мы не доехали — десять километров по бездорожью одолеть впору только трактору. Поэтому, прости нас, грешных, Самодуровка, что не попали мы в твои заоблачные дали, что не посмотрели твои заколоченные избы, не увидали твой народ, который сегодня робко ждет перемен к лучшему.

ОБРАЩЕНИЕ

Распорядительного совета Советского благотворительного фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» к Верховному Совету СССР и правительству страны

Распорядительный совет общественного благотворительного фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД», созданного при журнале «Огонек», вынужден обратиться к вам с заявлением о катастрофической ситуации, сложившейся в стране в связи с надвигающейся эпидемией СПИДа.

Больше года назад умер первый советский больной СПИДом, а к настоящему времени вирус унес уже 14 жизней. Если два года назад вирусоносителей в нашей стране было меньше 50, то сегодня их уже почти полтысячи. По данным Минздрава СССР, обнаружено 440 человек — носителей вируса. Большинство из них — дети.

К концу 1990 года, согласно компьютерному прогнозу, сделанному советскими учеными, вирусом иммунодефицита человека будет инфицировано более 1600 человек, в 1991-м — 6 тысяч 200, в 1992-м — 23,5 тысячи, в 1993 году — 89 тысяч человек. К концу десятилетия в стране ожидается от 1 до 1,5 миллиона инфицированных и более 30 тысяч тяжелых больных.

Однако даже эти страшные цифры следует рассматривать как оптимистические оценки: по мнению целого ряда специалистов, количество инфицированных вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) в нашей стране в эти годы будет значительно больше. Кроме того, качество выпускаемых у нас тест-систем для проверки на СПИД не позволяет утверждать, что мы сегодня знаем истинные цифры.

По долгосрочному прогнозу, сделанному сотрудниками научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи АМН СССР, если государство не предпримет срочных мер, эпидемия примет следующие масштабы: пик инфицирования ВИЧ населения будет пройден в СССР в 2006 году — число вирусоносителей составит около 50 миллионов человек. С 1989 по 2010 год в СССР от СПИДа может погибнуть до 20 миллионов человек; ежегодные прямые расходы на обслуживание эпидемии СПИД в СССР после 2000 года могут превысить 3 триллиона американских долларов, то есть превысить валовой национальный продукт СССР 1989 года. Высокая заболеваемость СПИДом может вызвать дезорганизацию в экономике страны к 2005 году. В первую очередь ВИЧ будет поражать молодежь и детей. После 2010 года станет реальной угроза вымирания до 40 процентов молодого поколения страны.

В основе этого страшного прогноза — наши отечественные реалии. В отличие от цивилизованных стран мира, где главный источник инфекции — наркоманы, гомосексуалисты и проститутки, у нас рассадником болезни стали медицинские учреждения. Вдумайтесь: почти все зараженные вирусом дети получили его в стационарах!

Кто-то скажет: причина — халатность медработников! Да, и халатность тоже. Но, судя по письмам, которые фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» получает из больниц разных регионов Советского Союза, резко ухудшилось обеспечение больниц даже многоразовыми шприцами, в некоторых больницах их практически нет. А ведь многоразовых систем для переливания крови, многоразовых внутривенных катетеров в принципе не существует и не должно существовать. Чудовищно, но медработники подчас вынуждены из-за острого дефицита многократно использовать одноразовые шприцы, одноразовые системы для переливания крови, одноразовые внутривенные катетеры.

Дефицит одноразовых медицинских изделий — это запланированные человеческие жертвы. Это массовые заражения в больницах. Но... В прошлом году Минздрав СССР получил 500 миллионов одноразовых шприцев, в этом году наша промышленность произведет 650 миллионов. А лишь детским медицинским учреждениям необходимо 2 миллиарда шприцев. Потребность страны в целом — 6 миллиардов.

И через пять лет, когда в стране уже будут десятки, если не сотни тысяч инфицированных, промышленность предполагает выпустить всего 3 миллиарда 450 миллионов одноразовых шприцев — почти вдвое меньше потребности.

Не лучше — много хуже! — положение с одноразовыми внутривенными катетерами, с системами для переливания и контейнерами для хранения крови. В 1990 году промышленность предполагает выпустить таких контейнеров в 80 раз, систем для переливания крови — в 4,1, внутривенных катетеров — в 5,5 раза меньше потребности.

Вообще не выпускается многое необходимое оборудование, например, одноразовые стоматологические боры. Таким образом, стоматология в нашей стране — один из главных возможных путей распространения инфекции.

В стране тяжелейший дефицит отечественных тест-систем диагностики СПИДа — на импортные не хватает денег, а выпускаемые отечественной промышленностью дают такой высокий процент ошибок, что, можно считать, не работают. При этом разработаны отечественные высококачественные тест-системы, но их промышленный выпуск не налажен. Это значит, что сотни, если не тысячи носителей вируса не знают о своем горе и продолжают заражать других. Это значит, что «проверенная» донорская кровь абсолютно не может считаться проверенной. Наконец, это значит, что истинных цифр — сколько у нас инфицированных — эти цифры нам знать не дано.

В стране острейший дефицит одноразовых обычных хирургических перчаток, совсем нет кольчужных перчаток и других средств защиты врачей. Это значит, что ежедневно хирурги и лабораторные работники подвергаются смертельной опасности.

Совершенно не защищена от СПИДа советская молодежь. В аптеках почти нет презервативов. На что же мы надеемся? На то, что под разговоры о нравственности да под призывы к возрождению патриотического духа сексуальные отношения вообще исчезнут из обихода советского человека? Уже понятно, что своим лицемерием мы неотвратимо обрекли на заражение тысячи ни в чем не повинных людей.

Благотворительный фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» за первые месяцы своего существования получил в качестве благотворительных грузов из разных стран несколько миллионов одноразовых шприцев и направил их в детские больницы разных регионов страны. Мы собрали около полумиллиона долларов, на которые начнем закупку одноразовых медицинских изделий для детских больниц, чтобы хоть немного ослабить дефицит в детских больницах и роддомах на этот год.

И тем не менее благотворительный фонд — это всего лишь фонд. Уменьшить масштабы надвигающейся эпидемии под силу только государству.

Государство обязано принять экстренные меры.

Чтобы не осуществился страшный прогноз, экстренные меры необходимо принять в течение **двух лет.** Потом будет поздно. Эпидемия хлынет на нашу страну.

Необходимо:

1. Создать общенациональную государственную комиссию (в США аналогичный орган создан при Президенте), которая сможет принять срочные чрезвычайные меры по предотвращению глобальной эпидемии СПИДа в СССР.

2. Поручить видным медикам и экономистам страны составить реалистический прогноз потерь — как человеческих, так и экономических, которыми грозит в ближайшее десятилетие СПИД.

3. Разработать и осуществить национальную программу по предотвращению глобальной эпидемии СПИДа в СССР. Придать этой программе один из высших государственных приоритетов.

4. Срочно разработать и осуществить конкретные подпрограммы в педиатрии, службе крови, хирургии, стоматологии, гинекологии и т. д., направленные на предотвращение массового заражения ВИЧ-инфекцией, полностью перекрыть "объективные" пути заражения ВИЧ — в больницах, поликлиниках, роддомах.

Самые неотложные меры программы — следующие:

а) Необходимо внедрить в производство высококачественные отечественные тест-системы для проверки на СПИД. На период внедрения — закупить необходимое количество импортных тест-наборов.

б) Срочно изыскать валютные средства на закупку линий, производящих одноразовые медицинские изделия, с тем, чтобы «парк» производственного оборудования в СССР мог полностью обеспечить страну одноразовыми медицинскими изделиями. Для этого нужно, по приблизительным подсчетам, 284 миллиона инвалютных рублей.

А пока закупленные линии будут установлены и на них будет налажено производство — на это время необходимо закупать за рубежом столько одноразовых медицинских изделий, чтобы в них не было дефицита. На это нужно в 1990 году 580 миллионов инвалютных рублей. Если за год не сумеем линии купить и «запустить», придется и на 1991 год осуществить аналогичную закупку.

в) Срочно нарастить «парк» оборудования для производства презервативов, а тем временем закупать их за рубежом в достаточном количестве. Одновременно необходимо широко пропагандировать среди молодежи «безопасный секс».

г) Наладить производство защитных средств для хирургов и других врачей — кольчужных перчаток, длинных акушерских перчаток и т. д. Пока производство не налажено —необходимо все это закупать.

д) Наладить производство одноразовых стоматологических инструментов. А пока закупать их в необходимом количестве. Для стерилизации инструментов многократного применения оснастить стоматологические кабинеты специальными стерилизаторами, которые не портят стоматологический инструментарий.

5. Резко интенсифицировать фундаментальные научные исследования и создать на их основе принципиально новые методы и средства диагностики, профилактики и лечения СПИДа. Для этого необходимо создать сеть специально оборудованных для работы с опаснейшими вирусами комплексных базовых центров, модернизировать имеющиеся лаборатории, обеспечить их необходимыми реактивами и приборами. А главное — привлечь к этой работе наиболее одаренных и продуктивных ученых и создать им условия финансирования, как это было сделано при разработке атомного проекта И. В. Курчатовым, А. Д. Сахаровым, Ю. Б. Харитоном.

Все эти затраты не покажутся чрезмерными, если принять во внимание тот факт, что в США, где есть и одноразовая продукция, и собственные диагностикумы, и собственный азидотимидин, на лечение и обслуживание одного больного СПИДом (с момента постановки диагноза) затрачивается 150 тысяч долларов. Общая сумма затрат на лечение и экономический ущерб из-за будущих смертей десятков тысяч людей в начале 90-х годов оценивается в США в 1000 миллиардов долларов. А годовые бюджетные «расходы на СПИД» в здравоохранении США в 1996 году превысят военные расходы.

Если не пойти на требуемые затраты в сотни миллионов сегодня, то завтра не помогут и сотни миллиардов.

Наша экономика не в состоянии будет функционировать в условиях столь глобальной эпидемии.

Сама страна окажется под угрозой вымирания.

Повторяем: завтра будет поздно.

Распорядительный совет Советского благотворительного фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД»



■

В своем выступлении на втором Съезде народных депутатов первый секретарь Витебского обкома КПБ В. В. Григорьев говорил: «Разве не беспочвенны заявления людей, которые пытаются утверждать то, чему уже не найти подтверждения в реальной жизни: будто партийные комитеты по-прежнему всеми повелевают и всем диктуют...»

Уважаемый товарищ В. В. Григорьев, догадываюсь, что реальная жизнь коммуниста и члена ЦК КПСС отличается от реальной жизни беспартийного и рядового кинорежиссера. Если вас интересуют реалии нашей жизни, то вот они. В конце декабря минувшего года на церемонии вручения национальных кинопризов «Ника» представление призеров сопровождалось показом эпизодов из их картин. И только я (номинация в разделе «Лучший документальный фильм 1988 года») раскланивался на фоне пустого экрана. Ведущий зачитал телеграмму из Минска, сообщавшую о том, что, мол, фильм «Театр времен перестройки и гласности» предоставить невозможно, так как он давно находится «на хранении» в г. Дзержинске. «Лучшего места для арестованной картины не придумаешь»,— пошутил ведущий.

Так по чьей же вине без малого два года длится арест? Оба Союза кинематографистов — и белорусский, и «большой» — яростно сражаются «за»! Профессионалы сказали свое слово, вручив два приза на Всесоюзном фестивале. Пресса? Как подсчитал мой коллега, режиссер В. Дашук,— 50 публикаций в центральной прессе в поддержку фильма. Может, бюрократы из Госкино? Да нет же, борются плечом к плечу, шлют телеграммы. Значит, перестроечный конфликт «художник командует художником»? Опять нет! Худсовет решительно за завершение картины.

Чье же мнение перевесило весь этот хор профессионалов и интеллектуалов, кто произнес роковое «закрыть»? Вы не поверите, тов. В. В. Григорьев, но это был... партийный комитет киностудии «Беларусьфильм». Я понимаю, что причиняю боль вам и, возможно, некоторым другим членам ЦК КПСС, но, увы... Боюсь, что перестройка партийных комитетов еще не вырвалась за пределы Центрального, а если и вырвалась, то неравномерно охватила регионы, и мы с вами оказались по разные стороны ее границы. На киностудии «Беларусьфильм» все еще «повелевают и диктуют».

А. РУДЕРМАН
Минск

■

Минувшая предвыборная кампания была столь ненавязчива, что избиратели, можно сказать, голосовали вслепую. Почему так делается — нам объяснили, сославшись на дороговизну агитации, на необходимое равенство возможностей кандидатов. Теледебаты были фрагментарны, а это самое, на мой взгляд, активное знакомство избирателей с кандидатами: и задать вопрос можно, и сравнить позиции. Тут уж все на виду. (Может, оттого и отказались от них?) Нас призвали ходить на встречи с кандидатами и самим добывать о них информацию, говорили даже о нашей гражданской пассивности. А вот это, мне кажется, совсем некорректно по отношению к людям, замотанным очередями в магазинах и прачечных, толчеей и давкой в городском транспорте. Просто у многих не оказалось для этого ни сил, ни времени.

И результаты сказались: в Москве почти везде пройдут перевыборы или повторные выборы. Стало быть, предвыборная кампания обойдется и России и местным Советам дороже по крайней мере в два раза. Скупой, и правда, платит дважды. Только наш скупой не из своего кармана заплатит, а из нашего, кармана налогоплательщика.

Закон о выборах народных депутатов РСФСР предписал избирательным комиссиям проводить агитацию централизованно, чтобы все кандидаты были в равном положении, запретив использовать дополнительные средства организаций и частных лиц для предвыборной борьбы. Принцип социальной справедливости и уравниловки соблюли.

Но слаб человек. Те команды кандидатов, где народ заинтересованный и активный, все-таки вывешивали у подъездов и лифтов листки с программой претендентов. Но что это за листки! Стандартного формата, безликие, серенькие, с плотно втиснутым текстом, который не очень-то удобно читать.

Однако дня за три до выборов жители Пролетарского района нашли в почтовых ящиках роскошные листовки огромного формата — 40,5 на 25,5 см, напечатанные на прекрасной бумаге, которой так не хватает для художественных изданий, с красивыми шрифтами и броским заголовком «К духовному возрождению России!». На обеих сторонах не только тезисы предвыборной кампании Нины Борисовны Жуковой, зам. министра культуры РСФСР, и строки из ее биографии, но и рекомендации известных в нашем обществе людей: митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (по орфографии листовки «метрополита»), народного артиста СССР В. Ланового, рабочего-наладчика ЗИЛа В. И. Шишкарева.

Возможно, несколько сот голосов с помощью этой листовки Нина Борисовна набрала. Но все-таки, думаю, ее команда «подставила» и ее, и весьма уважаемых людей, принявших участие в акции, противоречащей Закону. Интересно, как все это расценит Центральная избирательная комиссия?

А. К. КРАСНИКОВА,
ветеран труда
Москва

■

Комиссия ЦК КПСС разработала и опубликовала проект «Порядка избрания делегатов на XXVIII съезд КПСС». Из проекта видно, что почти все предложения членов КПСС, парторганизаций и парткомитетов разного уровня — обеспечить почти для всех коммунистов равное право выбора делегатов на съезд — учтены.

Почему «почти для всех коммунистов» и «почти все предложения»? А потому что мы, коммунисты-военнослужащие, глубоко оскорблены предлагаемым порядком выборов для коммунистов Вооруженных Сил.

В свое время, еще до февральского Пленума ЦК (1990 г.), от наших первичных парторганизаций, насчитывающих много более, чем сто членов партии, были посланы в ЦК КПСС — непосредственно в приемную и через наши политорганы — письма-обращения с предложениями прямых, тайных, на альтернативной основе выборов по партийным округам. Насколько нам известно от коммунистов ближайших к нам организаций, предложения другого характера в ЦК не направлялись. Тогда почему же комиссия сочла нужным в очередной раз сделать исключение из общего порядка выборов и почему именно для армии? Мы что — коммунисты другого сорта или другого вида? Почему нам предложена двухступенчатая (а по существу многоступенчатая) система выборов, уже давно изжившая себя и отвергнутая для всей партии?

На предполагаемые конференции округов, флотов и т. д. надо будет сначала избрать делегатов от первичек. Здесь сразу встают вопросы: кто и как определит порядок и нормы выборов на эти конференции? А до окружных конференций, видимо, пройдут еще и конференции частей, учреждений, соединений. Затем делегаты, которые впервые встретятся на конференциях округов, будут избирать делегатов на съезд. Из проекта неясен так же порядок выдвижения, обсуждения и избрания делегатов на съезд на самих этих конференциях, ведь для ВС и такой порядок является новшеством.

Мы вновь требуем предоставить нам, армейским коммунистам, право прямых выборов делегатов на XXVIII съезд КПСС по партийным одномандатным округам. Нам есть что сказать на съезде!

Коммунисты-военнослужащие:
В. КИРПИЧЕВ, В. ВЕРБИЦКИЙ,
С. БУХАРИН, В. ПОДОБНЫЙ
и другие (всего 30 подписей)

■

Крупнейшие национальные книгохранилища России в бедственном состоянии. Задыхается от нехватки помещений Государственная публичная научно-техническая библиотека, в жалком положении «Историчка», но особенно катастрофическая ситуация с Библиотекой имени В. И. Ленина: требуется срочный капитальный ремонт с перемещением основной массы фондов; в этом случае будут закрыты читальные залы. Приостановление, хотя бы временное (речь идет о нескольких годах), нормальной деятельности этой крупнейшей библиотеки мирового значения стало бы подлинным бедствием для национальной культуры. Фонды предполагается перевозить в отдаленные места, на окраину города, поскольку в историческом центре — вблизи нынешнего библиотечного комплекса — нет якобы помещений.

Да полно, хорошо ли искали? И все ли здания в ближайших окрестностях «Ленинки» используются по здравому смыслу? Конечно, такая мелочь, как особняк напротив Пашкова дома, ныне занятый музеем М. И. Калинина, погоды не делает, но все же... Чем, спрашивается, заслужил существование такого музея этот персонаж сталинской истории? И не цинично ли до сей поры водить сюда детей с барабанами и знаменами? Впрочем, ненамного дальше от библиотеки роскошные здания иных ведомств, никогда не испытывающих затруднений ни в площадях, ни в средствах, ни в фондах. Не так давно у Арбатской площади как очередной вызов обществу выросло гигантское новое здание Генштаба. Старого, тоже внушительных размеров, нашим борцам за разоружение мало. Строительство примерно таких же масштабов только что завершили на Лубянке наши доблестные чекисты — как раз возле прозябающей «Публички». Ущерб, нанесенный этим ведомством нашей культуре,— физическим уничтожением ее лучших людей, преследованиями, неусыпной идеологической опекой,— конечно, не возместить. Но можно и должно потребовать хотя бы некоторого возврата долгов, употребив их на сохранение материальных ценностей культуры.

Словом, наши предложения таковы: передать новое здание Генштаба главной библиотеке страны. Функционально оно для этой цели вполне пригодно, а с некоторой архитектурной безвкусицей придется примириться. Новому же составу Московского Совета следует предать гласности сведения о том, какие здания занимают сегодня упомянутые «сверхведомства» — их, поверьте, еще немало,— и вместе с москвичами решить вопрос о дальнейшем использовании.

М. Г. ГОЛЬДФЕЛЬД,
доктор химических наук,
член правления Союза ученых СССР
В. И. ДАЙНЕКО,
член Центрального совета
творческого союза учителей СССР

■

С моей точки зрения, острый политический кризис, в котором находится наша страна, связан главным образом не с тем, что происходит развал унитарного государства, сопровождаемый острыми национальными конфликтами; не с тем, что КПСС исчерпала кредит доверия у народа и поэтому власть ее становится все менее эффективной. И не с тем даже, что партия, теряя власть, решительно не хочет отдавать ее в руки Советов различных уровней, а это приводит к анархии во всех областях жизни страны. Но с тем, что мы пережили и, возможно, уже пережили момент, когда реформаторское руководство партии и государства могло бы еще сделать решительный шаг в сторону диалога с демократическими организациями страны и с Межрегиональной депутатской группой. В рамках этого диалога можно было бы эффективно искать решения наиболее острых проблем, стоящих перед обществом.

Вместо этого продолжается непризнание политической оппозиции, формирующейся в стране. Оппозиция, желая добиться своего призна-

ДЛЯ КОГО ЗАКОН НЕ ПИСАН ●
«ТЕАТР ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ И ГЛАСНОСТИ» ●
ПАШКОВ ДОМ НА МЕСТЕ ГЕНШТАБА ●
ДОРОЖЕ ЛИ ЗОЛОТО АСФАЛЬТА? ●

ния, все чаще вступает на путь привлечения широких масс населения к так называемой митинговой демократии. Этот путь, бесспорно, не является универсальным.

Ту же тактику властей мы наблюдали и в ходе предвыборной кампании. Кандидатам в народные депутаты ограничен доступ к средствам массовой информации. Гостелерадио практически отказалось предоставить канал для ознакомления москвичей с кандидатами в народные депутаты и их программами.

На вопрос — сильны мы или слабы сейчас? — следует ответить: да, мы сейчас организационно слабы. Но мы сильны тем, что за нами стоят широкие движения, возникшие по инициативе снизу.

У руководства страны может появиться соблазн придерживаться прежней тактики: не замечать Движения «Гражданское действие», не предоставлять ему места в средствах массовой информации, дискредитировать его в глазах общественного мнения. Тогда для нас будет открыт только один путь — апеллировать к мнению широких народных масс, выступая инициаторами митингов и демонстраций.

Но есть и другой путь — путь конструктивного диалога. Мы за этот путь. Несмотря на нашу организационную неоформленность, уже сейчас многие из нас содействуют стабилизации положения в стране, способствуя проведению некоторых переговоров и участвуя в них.

Лев ПОНОМАРЕВ,
член правления
общества «Мемориал»

■

Российское бездорожье — беда старая. В последнее время немало говорится и пишется о том, в каком ужасающем состоянии находятся не только наши сельские, но и городские дороги. То, что сейчас творится в Москве, не снилось в самом кошмарном сне ни в одной столице мира. Свернешь с центральной улицы на боковую, а она, как после артобстрела, вся в рытвинах и ухабах.

Оправдывая бездействие, местные власти жалуются на нищенский бюджет Советов. Минфин обложил автолюбителей двойным дорожным налогом, якобы на ремонтные нужды.

Но при том, как ведется ремонт, никаких денег не хватит. В начале марта, когда в Москве после сиротской зимы вдруг пошел снег, в разных районах города (на улице М. Расковой и проспекте Андропова, например) начали латать дороги, ссыпая горячий асфальт прямо в грязь и снег. На следующий день такое покрытие уже снова можно было восстанавливать: неровное, с проплешинами, хоть начинай все сначала.

Можно ли сравнить это с тем, как работали прошлым летом западные немцы на магистрали, ведущей в аэропорт Домодедово? Сначала снимали старое полотно, а потом уж настилали новое, и основой его был тот же асфальтовый лом. Ни лишних людей, ни вредных испарений.

А при нашей бесхозяйственности и золотого бюджета будет мало.

Е. МИЛЮКОВ,
рабочий

■

В № 46 за 1989 год прочел статью о проблемах инвалидов. Так как «Огонек» занимается этой темой, то хотел бы через ваш журнал обратиться к читателям: может быть, кого-то заинтересует предложение американской компании «Пенсильвания Шип Сапплай» о строительстве небольших протезных фабрик по английской, западногерманской и израильской технологии.

Возможно создание совместного предприятия.

Компания в настоящее время сотрудничает с Черноморским и Дунайским пароходствами, «Интуристом», Агропромами Прибалтики, России, Украины и с другими организациями в СССР, является членом советско-американско-австрийского СП в Симферополе.

В. А. БЕСКИН,
представитель фирмы в СССР

■

Начала выходить еженедельная газета «Московский церковный вестник». Но подписки на нее пока нет. Прошу всех, от кого это зависит: дайте нам, тем верующим, кто скоро уйдет в иной мир, еще один глоток возвращенной веры, а тем, кто молод,— возможность познать и укрепить духовные и нравственные начала, сеять зерна добра и любви к ближнему.

В № 15 газеты «МЦВ» сообщено, что Совет по делам религий при Совете Министров СССР не удовлетворил просьбу митрополита Питирима — разрешить подписку на газету. А ведь это просьба народного депутата СССР от имени и верующих, и неверующих.

Сейчас появляются все новые и новые газеты — значит, есть бумага.

72 года верующие не имели своего печатного органа, и вот «ребенок родился» — так дайте же ему жизнь. Помогите нам и себе.

В. А. СТЕЛЬМАХ
Одесса

■

Три года назад за доверенность для внука на право пользования принадлежащим мне автомобилем с меня в нотариальной конторе взяли пошлину в сумме 2 рубля.

Сейчас за подобную услугу требуют 50 рублей. При этом объясняют, что если бы доверенность выдавалась сыну, то взяли бы 15 рублей, а уж если внуку, то нужно уплатить пятьдесят.

Вот такая родственная расценка услуг в период перестройки и усиленного контроля за ценами на товары и услуги.

Это уже не просто плата за услугу, а открытый ведомственный рэкет.

Ю. П. МАЛОГОЛОВЕЦ
Свердловск

■

Хочется смеяться, да не до смеха. Для начала справка. Получил человек на работе травму, составляется акт. Получил бытовую — тоже акт нужен. Касаемо первого — здесь претензий быть не может. А вот как быть со вторым?

Случилось члену нашей бригады в нерабочее, причем темное время суток, упасть, поскользнувшись. Вышеупомянутому товарищу по причине травмы выдали больничный лист. Однако ввиду отсутствия акта начисление по нетрудоспособности не производится.

Оказывается, люди, издающие такие постановления, не без юмора. Ведь в этом самом акте должны быть две или три подписи свидетелей, видевших происшедший несчастный случай. Однако где взять свидетелей на безлюдной вечерней улице? Наш товарищ, конечно, возмущался, да что толку. А мы, ободряя, пытались шутить: не мог, мол, ты заранее, прежде чем упасть, позвать кого-нибудь в свидетели или упасть на людном месте. В том-то и дело! Если бы знать, где упасть...

Г. ЛОПАРЕВ
с. В. Усинское Красноярского края

■

Г-н Юровский из Иерусалима! В № 52 «Огонька» за 1989 год вы, полемизируя со мной, писали: «Ваш Виленский имеет наглость (и глупость) утверждать, что таких, как он, то есть отрекающихся от своего народа, среди евреев больше 80 процентов — все говорящие по-русски евреи Советского Союза!»

Не знаю, как в Иерусалиме, а в Москве, г-н Юровский, ругань — не аргумент. Есть и более существенная разница между нами: вы стоите на сионистских позициях, а я — на естественно-ассимиляционных. Да, я убежден, что родной язык — решающий, объективный признак фактической национальности. Тем более если человек не религиозен. Вы, вероятно, верите в такие фантомы, как «голос крови», «родовая память», «генетический язык», а для меня это полнейшая антинаучная мура, выдумка националистов. Человек рождается языково и культурно пустым, как пуст стакан, в который еще ничего не налили. Затем окружающая культурно-языковая среда наполняет клетки мозга ребенка. Тут-то и возникает реальная, а не паспортная национальность.

Вы упоминаете некие «причины, побудившие его (то есть меня) переделаться из еврея в русского». Нет, г-н Юровский, я не переделывался. Каким я был, таким остался. Я родился, учился, женился и живу в Москве. Родители говорили между собой и со мной по-русски. Не считая плохо выученного английского, никаким другим языком, кроме русского, не владею.

Найдите американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» за 10 февраля 1986 года, и там, на странице 69, вы прочтете, что «треть всех американских евреев сейчас вступает в брак с неевреями, в процентном отношении это втрое больше, чем было в середине 50-х годов». У русских евреев процент смешанных браков не ниже, а скорее выше. И, по-моему, грех мешать этому процессу. В нем, на мой взгляд, лучшее «окончательное решение» еврейского вопроса. По-моему, проще и приятнее обниматься с землячкой любой национальности, лишь бы любовь, общие язык и взгляды у себя на родине, чем ехать за тридевять земель в Израиль и перед тем, как зачинать своих детей, стрелять в палестинских, хотя бы и резиновыми пулями.

Однако, желая быть искренним до конца, вынужден порадовать вас, г-н Юровский,— сегодня у меня на родине не лучшее время для межнациональных объятий. Три известных вам (сужу по вашей ссылке на «Наш современник») московских журнала и их краснодарский подголосок регулярно публикуют материалы, пропитанные злобной антиеврейской тенденциозностью. Люди, напуганные и оскорбленные их рычанием, пополняют ряды эмигрантов. Тем самым упомянутые издания работают непосредственно на дорогую вашему сердцу сионистскую идею. Довольны ли вы такими союзниками?

М. ВИЛЕНСКИЙ



Правление, дирекция и сотрудники совместного советско-американского предприятия в области информатики «ПараГраф», являясь преданными читателями вашего журнала, желая содействовать журналу в привлечении новых авторов, ищущих смелые, нетривиальные пути выхода нашей страны из кризиса, решили учредить три годовые премии:

— автору лучшей публицистической статьи — 5000 рублей,

— автору лучшей экономической статьи — 5000 рублей,

— сотруднику журнала «Огонек», автору лучшей публикации года,— 5000 рублей.

Премия будет присуждаться правлением СП «ПараГраф» с учетом мнения читателей, редакции журнала и вручаться лауреатам на торжественной церемонии.

С уважением,
члены правления СП «ПараГраф»:
председатель правления,
ректор Академии народного хозяйства при Совмине СССР
академик А. Г. АГАНБЕГЯН,
директор ЦЭМИ,
член-корреспондент АН СССР
В. Л. МАКАРОВ,
президент Международной ассоциации гроссмейстеров
Г. К. КАСПАРОВ,
президент фирмы «Матрикс» (США)
Скотт КЛОСОССКИ,
Филлис КИРК, юрист,
генеральный директор СП «ПараГраф»,
кандидат физико-математических наук
С. А. ПАЧИКОВ.

«Огонек» благодарит «ПараГраф» за учреждение премий. Надеемся, дорогие друзья, оправдать ваше доверие.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ЦК КПСС «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ» БЫЛА ЗАКРЫТА ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ОТ 23 ИЮЛЯ 1989 ГОДА.
В САМОМ ЭТОМ ФАКТЕ НЕ БЫЛО БЫ НИЧЕГО ПРИМЕЧАТЕЛЬНОГО: В КОНЦЕ КОНЦОВ ИЗДАТЕЛЬ ВОЛЕН РЕШАТЬ СУДЬБУ СВОИХ ИЗДАНИЙ ПО СОБСТВЕННОМУ УСМОТРЕНИЮ, НО РЯД ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ И СОПУТСТВОВАВШИХ ЭТОМУ СОБЫТИЮ, ВЫНУЖДАЕТ НАС ВЗЯТЬСЯ ЗА ПЕРО.



Рисунок Олави ВАГЕРА (Тарту)

Сергей ПАНАСЕНКО,
Елена ЧЕРНОВА

ЛОЖКА ЗАСТОЯ В БОЧКЕ ГЛАСНОСТИ

Надо же когда-нибудь наконец вынести сор из избы, именуемой «Партийное руководство печатью». И не о нашей персональной судьбе речь: мы-то, слава богу, устроены (чего, однако, нельзя сказать о всех сотрудниках ликвидированной газеты), но мы боимся, что в попытках остановить или хотя бы замедлить развитие событий будут еще сломаны судьбы многих газет и журналистов,— и об этом надо непременно знать и помнить, обсуждая, в частности, проект Закона о печати.

Давайте сперва вчитаемся в документ, поставивший точку в двадцатилетней истории «Социалистической индустрии». Здесь сказано: «В связи с реорганизацией ЦК и с переходом его от отраслевого деления к политическому реорганизуются и отраслевые издания». Вроде бы логично, но... Как объяснить, почему «Экономическая газета» и «Социалистическая индустрия» считаются отраслевыми, а «Сельская жизнь» и «Учительская газета» — нет? И почему одну отраслевую газету достаточно просто переименовать, а другую надо обязательно закрыть?

Впрочем, и с двумя закрытыми — «Социалистической индустрией» и «Строительной газетой» — тоже в конечном счете обошлись неодинаково. Хлопоты народных депутатов и коллектива редакции «Строительной газеты» увенчались неожиданным успехом: газету не закрыли, а формально вернули прежнему владельцу, у которого забрали несколько лет назад,— Госстрою СССР. Правда, вернули своеобразно: расторгнув с издательством «Правда» договор об аренде типографии и здания. «Строительная газета», таким образом, превратилась в нечто небывалое, на бумаге она существует, но не выходит, ибо нет типографии и нет помещения. Коллектив, естественно, потихоньку разваливается, так что, когда появится «жилплощадь», возникнет проблема кадров.

Что же касается «Социалистической индустрии», то ни коллективное письмо на имя Генерального секретаря М. С. Горбачева, ни заступничество членов Верховного Совета СССР, ни предложения «выкупить» газету у ЦК или отдать более заинтересованному издателю не возымели эффекта.

Сравнивая судьбу двух закрытых газет ЦК, невольно приходишь к выводу: дальнейшее существование «Строительной газеты» реформаторам было просто безразлично, а вот к «Социалистической индустрии» они относились куда ревностнее и внимательнее...

Корни этого «особого отношения» в многолетней истории конфликтов и примирений газеты и ее издателя. Возникшая на излете предыдущей, «косыгинской», хозяйственной реформы, «Социалистическая индустрия» пережила родительницу. И как бы ни корежило газету, куда бы ни швыряло ее, в те «застойные» годы она в общем-то числилась в «левых» (в «левых» той поры, разумеется). К этому обязывало ее звание «реформаторской газеты». Правда, по нынешним меркам та «левизна» была малопродуктивна. Критиковали нерадивых министров за отдельные упущения, отдельные предприятия за срыв отдельных заданий и так далее, но то, что эту роль «Социалистическая индустрия» исполняла ревностнее многих иных изданий, ей, понятно, друзей в высших эшелонах власти не прибавляло.

Ладно, про удушливую атмосферу тех десятилетий нам теперь все известно. Парадокс, однако, в том, что отношения ЦК и газеты начали стремительно портиться уже в перестроечную эпоху, когда мы, журналисты, всерьез восприняли лозунги демократизации и гласности.

Вот всего несколько примеров.

Многотысячный коллектив Павлодарского тракторного завода обратился в газету с просьбой помочь им грамотно организовать выборы директора. Об этом прослышали в бывшем Минсельхозмаше. Сперва посыпались звонки из министерства, редакцию просили не идти «на поводу», а когда журналисты не поддались на уговоры, потому что хорошо знали реальное состояние и отрасли, и предприятия, в дело включились партийные руководители высокого ранга. В результате выборы, объявленные редакцией, были скомканы, а статья обо всем этом так и осталась ненапечатанной...

Особенно «влетало» газете за ее экономическую тематику. В череде звонков по «вертушке» и устных «неудовольствий» в кулуарах, как два пика в горной цепи, выделяются два совещания (если это можно так назвать) в ЦК. Первое состоялось в 1987 году в Отделе пропаганды, куда «на ковер» была вызвана в полном составе вся редколлегия. Годом позже главного редактора газеты, его заместителя и редактора отдела экономики пригласил для беседы заведующий Экономическим отделом В. Шимко. «Собеседников» со стороны ЦК было больше дюжины, а поводом стала публикация нашумевшей статьи В. Селюнина «Темпы роста на весах потребления», а также проведенная газетой дискуссия «План или рынок». Тогда же у газеты, помимо традиционного куратора из Отдела пропаганды, появился и спецкуратор из Экономического отдела ЦК.

— У нас к газете никаких претензий! — соблюдая политес, повторяли нам идеологические руководители. И чем настойчивее это подчеркивалось, тем нам, профессиональным собирателям информации, умеющим делать выводы даже из умолчания, становилось яснее: хитрят товарищи!

— Вы же прекрасно понимаете, за что вас прикрыли! — сказал в лицо одному из наших коллег недавно заведующий отделом информации Совмина СССР Л. Вознесенский.— Мы не против критики, но нельзя же так. Ведь вы ни одного решения правительства не пропускали, чтобы не проревизовать его...

Вот она — одна из важнейших причин столь странной «реорганизации» партийной прессы...

Восемь месяцев в глубокой тайне наш Издатель трудился над пресловутым постановлением. Лишь обрывочные слухи долетали до нас: одобрили... нет, Политбюро завернуло... нет, приняли...— гласность образца 1989 года. Наконец, когда все уже было решено, согласовано и подписано, нашего главного редактора А. Баранова и секретаря парторганизации В. Васильеву поставили перед фактом. Робкие возражения, что в духе времени и провозглашенных партией же принципов следовало бы посоветоваться с журналистским корпусом и миллионами читателей, были отвергнуты как «формальные». Зато была высказана просьба успокоить коллектив: все без исключения, кто не пожелает работать в реорганизованной газете, будут трудоустроены без потери заработка и статуса. Правда, никак не удавалось добиться, каким же Издатель видит реорганизованный печатный орган «Рабочая трибуна»; вопрос, согласитесь, не праздный. И только 15 декабря, то есть за две недели до официального закрытия газеты, было объявлено, что ЦК будет трудоустраивать лишь членов редколлегии.

Знаете, сколько членов редколлегии «Социалистической индустрии», не оставшихся в «Рабочей трибуне», трудоустроил ЦК? Не считая тех, кто ушел на пенсию,— ни одного. Все нашли себе работу самостоятельно, и в материальном плане никто из них не пострадал. Что же до «черной кости», то мы и вовсе были предоставлены сами себе.

Может быть, таков или примерно таков порядок закрытия газет во всем мире? Но тогда пусть у нас будут и зарплаты, «как во всем мире», и пособия по безработице, и мощные профсоюзы, а то ведь некоторые журналисты «Социалистической индустрии» после многих лет воспевания преимуществ социализма неожиданно очутились в обстановке, близкой к капитализму эпохи Карла Маркса, где ничего не стоит выкинуть с двухмесячным пособием вдову с больной дочерью на руках...

Продолжением этой пренебрежительной тактики стал подбор сотрудников в «Рабочую трибуну»: газету, создававшуюся, как мы уже упомянули, на развалинах «Социалистической индустрии». Теоретически новый главный редактор, создавая новую газету, должен, конечно, иметь свободные руки. В такой ситуации карт-бланш на любые кадровые решения вполне логичен. Однако без объяснений понятно, что от нового главного редактора в такой ситуации следует ожидать максимум такта и деликатности. Между тем с появлением на этаже новоназначенного главного редактора нервозность в коллективе поднялась до новой отметки. Он постарался окутать кадровый вопрос плотной завесой тайн и слухов. С коллективом прежней редакции он подчеркнуто не встречался, вынуждая людей недоумевать и беспокоиться: конец года стремительно приближался, надо было как-то определять свою судьбу, а здесь — полная неясность...

Попробуйте теперь наложить на описанную ситуацию с нашей газетой проект Закона о печати и других средствах массовой информации, и окажется, что он при кажущейся своей революционности ничем не облегчит жизнь какой-нибудь завтрашней «Социалистической индустрии» и ее журналистам. Отменяя в первой статье цензуру — строго говоря, и не существующую в явном виде,—

он не дает никаких инструментов борьбы против ущемления свободы слова со стороны Издателя, кроме непонятного редакционного Устава. Нет защиты в нем и для отдельных редакционных работников, которым — не приведи бог, конечно! — выпадет оказаться в аналогичной ситуации.

Да и о какой юридической защите может идти всерьез речь, если механизм давления на прессу реализуется сейчас в виде неуловимых и нематериальных «мнений»? Через них корректируется позиция любой газеты, любого журнала. Реакция на тот или иной материал — часто полтораста строк — доводится быстро и решительно. Мы, например, очень скоро узнавали «мнение» ЦК о каждой нашей публикации. Репортаж с критикой «свободного» Арбата пришелся по душе, а заметки публициста о природе государственной собственности не понравились; когда это повторяется изо дня в день, поневоле начнешь делать выводы и «перековываться».

Требуются ли перемены и реформы в ведомственной партийной печати? На первый взгляд безусловно. Первейшее доказательство этого — небывалое падение подписки на многие издания ЦК. Они проигрывают в оперативности, глубине анализа, а главное — в смелости суждений, поражая читателя порой полным отсутствием собственной независимой позиции.

С другой стороны, так ли уж велика «заслуга» самих этих газет и журналов в том, что с ними приключилось? Не есть ли это отражение общего кризиса в партии? Судя по решительности реформаторов, они так не считают. Пусть. Но реформировать партийную печать нельзя, если процессы и сдвиги в современном общественном сознании воспринимаются иными из работников аппарата ЦК совершенно неверно, когда утеряна способность к адекватному, как это принято сейчас называть, реагированию на внешнее воздействие.

Судите сами. С высоких трибун раздаются заявления о готовности и жизненной важности для СССР вступить равноправным партнером в систему международного разделения труда. Принимается пакет законов и инструкций, направленных на активизацию деловой жизни в стране, на поощрение инициативы и предприимчивости (что законы эти могли бы быть много лучше, спору нет, но не о том речь). И одновременно закрывается единственная газета страны, реально способная стать рупором новых экономических кругов, деловой газетой, советским вариантом «Файнэншл таймс» или «Уолл-стрит джорнэл». Лихорадочные усилия многих журналистов, в том числе и бывших «социндустрийцев», создать такую газету с нуля свидетельствуют об имеющемся «социальном заказе» на такой печатный орган. Беда в том, что им потребуется одолевать весь путь с самого начала, а «Социалистическая индустрия» в момент уничтожения прошла его уже до середины.

С тех же высоких трибун раздаются призывы поставить на первое место общечеловеческие, а не ограниченно-классовые ценности, прекратить наконец делить людей на плохих и хороших по социальной принадлежности. И одновременно ликвидируется экономическая газета, читателями которой в равной степени были и рабочие, и интеллигенция. Взамен же создается издание, которое общественным мнением уже прочно повязано с пресловутым Объединенным фронтом трудящихся, которое с первых же выпусков постаралось не посрамить это «рабоче-крестьянское» родство. Осуждение демократической платформы «партийных клубов», восторги по поводу недавнего митинга у телецентра в Останкине — вот наугад два выступления этой «перестроечной газеты», только что, напоминаем, созданной ЦК.

Так для чего же потребовалось затевать эту рокировку?

Мы можем предположить только два ответа: либо наши идеологи все еще считают пролетариат особым, боговдохновенным классом, контакт с которым для партии избирательно ценен, либо это попытка разыграть «рабочую карту» в политической игре, использовать накапливающееся недовольство рабочих своим положением для наведения в стране «порядка». Первое свидетельствовало бы о полном разрыве с реальностью, о попытках подогнать жизнь под старую-престарую идеологическую схему. Второе — о чрезвычайной тревожности, даже взрывоопасности ситуации. Повысить уровень жизни рабочих, удовлетворить их социальные и профессиональные запросы прежним образом, отбирая у одних и отдавая другим, уже невозможно: в обществе почти не осталось благ, которые можно попытаться перераспределить. Значит, остается одно: демонстрировать заботу о рабочем не на деле, а на словах, создавая рабочую газету, заодно получая и право говорить через эту газету как бы от имени рабочих.

Но все дороги ведут в Рим, времена меняются, и попытки аппарата через описанную реформу своей прессы, как бы это в действительности ни объяснялось, усилить влияние партии на рабочих едва ли принесут реальные плоды.

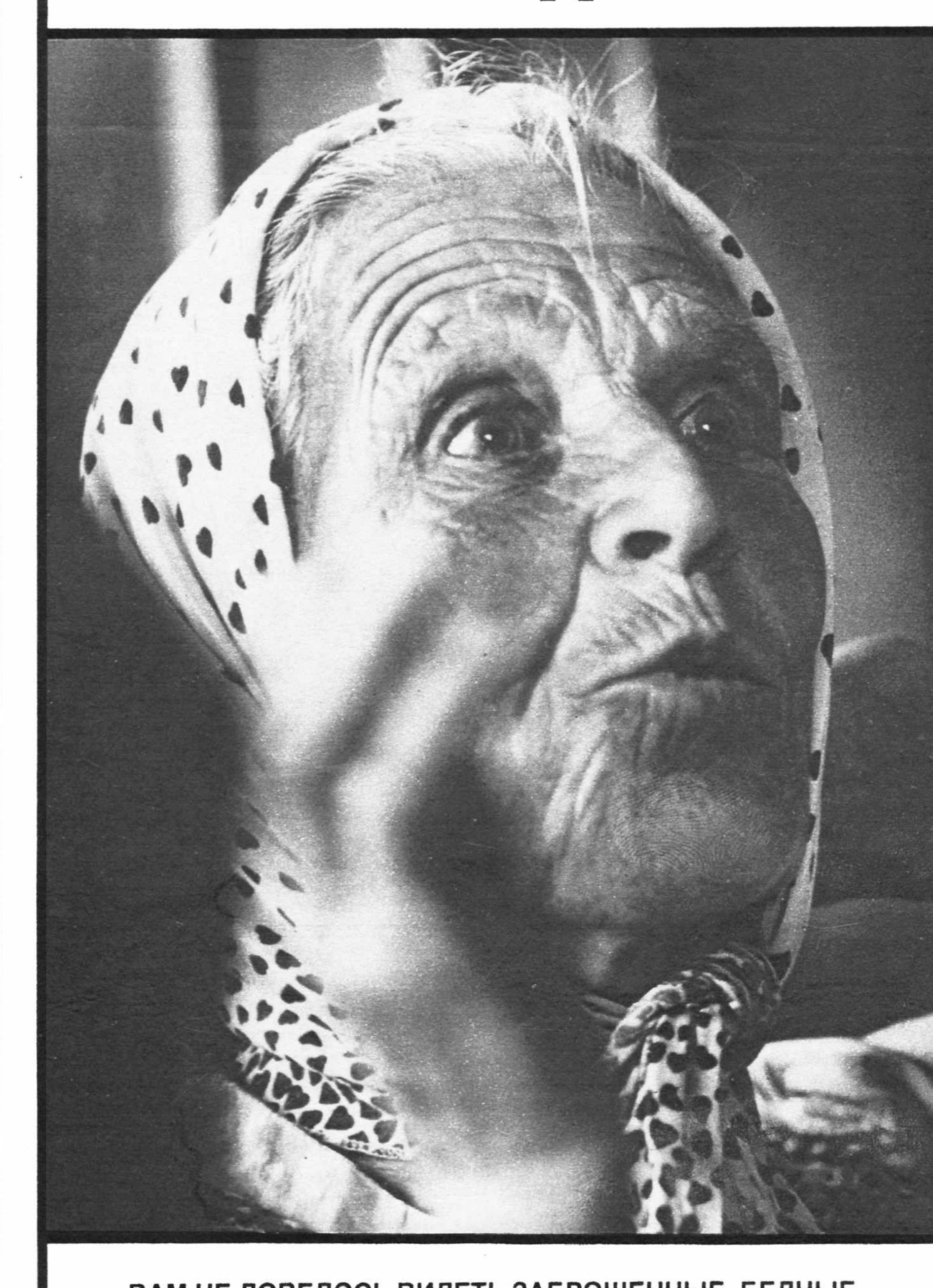
Механизм партийного контроля за прессой, конечно, сложнее того, что мы описали. В него органически входят и обязательные к публикации сообщения ТАСС, и постоянное психологическое давление на журналистов посредством санкционированных призывов «приструнить» средства массовой информации, и совещания в ЦК. Но вот что отрадно: в последние годы механизм этот, почти безупречный раньше, начинает давать все более заметные сбои.

Вернемся еще раз к истории с «Социалистической индустрией» и зададим себе вопрос: если бы газета эта была стопроцентно управляемой, потребовались бы такие крутые меры? Мы думаем, нет. В том-то и сердцевина конфликта, что газета уже была достаточно своевольна и независима, чтобы вызвать гнев живущего старыми представлениями Издателя, но еще достаточно покорна, чтобы позволить себя зарезать. Наше несчастье в том, что мы не успели продвинуться так далеко, чтобы нас нельзя было уже и пальцем тронуть из опасения скандала. Пока что скандал, огласка — это то, чего, как ни занятно, инициаторы гласности боятся пуще всего.

Закрытие «Социалистической индустрии», бессилие аппаратчиков трудоустроить своих же номенклатурных работников, россыпи нелитованных, самиздатовских газет, в открытую предлагаемых распространителями,— все это говорит об одном: по-старому нельзя уже осуществлять контроль над средствами массовой информации в стране. Неизбежный, объективный процесс раскрепощения слова будет нарастать. Партийные идеологи в принципе могут отреагировать на него двояко. Могут пойти навстречу этому процессу, и это существенно облегчит переход к демократии, к правовому государству, а могут закрывать, вызывать «на ковер», судить и рядить печать и телевидение — такие случаи нам тоже известны. Испорченные рукописи и передачи, обиженные люди сопутствуют этому способу ведения дела. Демократия, будем надеяться, все равно пробьет себе дорогу: вопрос в сроках и в плате, которую возьмут со всех нас, журналистов и нежурналистов, писателей и читателей, те, кто привык решать наши взаимоотношения за нас и без нас.

Юрий ФЕКЛИСТОВ
Фото автора

ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ



ВАМ НЕ ДОВЕЛОСЬ ВИДЕТЬ ЗАБРОШЕННЫЕ, БЕДНЫЕ НАШИ ДЕРЕВНИ?РАЗОРЕННЫЕ, НИЩИЕ. ДОЖИВАЮТ В НИХ ИЗМУЧЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМИ СТАРИКИ И СТАРУХИ. ТИШИНА. НЕ СЛЫШНЫ БОЛЬШЕ НИ КОЛЯДКИ, НИ СВАДЕБНЫЕ, НИ КУПАЛЬСКИЕ ПЕСНИ. ВСЕ УШЛО ИЛИ УХОДИТ БЕЗВОЗВРАТНО. ЕСЛИ БЫ ВЫ ВИДЕЛИ, С КАКИМ ТРУДОМ СОБИРАЛИ ЭТИМ ЛЕТОМ КРОХИ НЕКОГДА МОЩНОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТУДЕНТЫ И АСПИРАНТЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ИНСТИТУТА ТЕАТРА, МУЗЫКИ И КИНЕМАТОГРАФИИ. ЭТО БЫЛО В ПСКОВСКОЙ И ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТЯХ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕДИЦИИ ЗА ФОЛЬКЛОРОМ (РУКОВОДИТЕЛИ Л. ИВЛЕВА И А. РОМОДИН). КАЗАЛОСЬ, БУДТО ИЗ СУНДУКОВ ДОСТАЮТ СТАРУХИ СВОИ ПЕСНИ, ЧАСТУШКИ. ЛУЧИЛИСЬ ИХ ГЛАЗА, КОГДА УДАВАЛОСЬ ЧТО-ТО ВСПОМНИТЬ, А НЕКОТОРЫЕ ДАЖЕ ПУСКАЛИСЬ В ПЛЯС. А В ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ ГАРМОНЬ И ТУ НЕ УСЛЫШИШЬ ТЕПЕРЬ НА ДЕРЕВЕНСКОЙ УЛИЦЕ, СОЧТУТ ЗА ПЬЯНОГО. ГРУСТНО И ПЕЧАЛЬНО. МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ВРЕМЯ? ВСЕ ТЕЧЕТ, ВСЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ? А ЧТО ОСТАВИМ МЫ, ЧТО БУДУТ ВСПОМИНАТЬ МОИ РОВЕСНИЦЫ, КОГДА СТАНУТ БАБУШКАМИ? «ЯБЛОКИ НА СНЕГУ» ИЛИ «БЕЛЫЕ РОЗЫ»? ЛУЧШЕ НЕ ДУМАТЬ...

КУПАЛЬСКАЯ

Иванова мамка всю ночку
не спала.
Всю ночку не спала —
у Петры ключи крала.
У Петры ключи крала —
землю отмыкала.
Землю отмыкала —
росу выпускала.
Росу выпускала на теплую
весну.
На теплую весну, на теплое
лето,
На теплое лето, золотую
осень.

(Яськова Ольга Павловна,
Слесаренок Мария Ивановна,
д. Игналино,
Верхнедвинский р-н,
Витебская обл.)

ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ



ТОЛОТНАЯ

Василь, Василь-василечек,
Лазоревый твой цветочек.
Не ходи, Василь, коло речки,
Не играй, Василь,
в посвирелки.
А нам твои посвирелки
Надоели, надокучали.
Дочку с маткой разлучали.

(Боровикова
Евдокия Васильевна,
д. Лабынщина,
Усвятский р-н,
Псковская обл.)

СВАДЕБНАЯ

А чья эта лилея
Под окошком цветела?
А чья же это мамка
Посредь хаты сомлела?
Цветки мои сажемые,
Детки мои ращемые.
Тебе мало отдавала,
Чужой мамке сберегала.

(Хмелевская
Каролина Осиповна,
д. Освеицы,
Верхнедвинский р-н,
Витебская обл.)







ДУХОВНЫЙ СТИХ

Как залезло красное солнце
За темный лесочек.
Аллилуйя, аллилуйя,
Слава тебе, Боже.
А я грешный, грешный
человечек
Спатюшки ложился.
Аллилуйя, аллилуйя,
Слава тебе, Боже.
Спатюшки ложился, Богу не
молился,
Богу не молился.
Аллилуйя, аллилуйя,
Слава тебе, Боже.
Как помрем мы, грешные люди,
Ничох нам не надо.
Аллилуйя, аллилуйя,
Слава тебе, Боже.
Ничох нам не надо, ничох
не потребно,
Ничох не потребно.
Аллилуйя, аллилуйя,
Слава тебе, Боже.
Только нам и надо, только
и потребно
Один сажень земли.
Аллилуйя, аллилуйя,
Слава тебе, Боже.
Один сажень земли,
да четыре доски,
Да четыре доски.
Аллилуйя, аллилуйя,
Слава тебе, Боже.
Да четыре доски, да две ручки
к сердцу,
Да две ручки к сердцу.
Аллилуйя, аллилуйя,
Слава тебе, Боже.
Как подымут грешное тело,
Понесут до церкви.
Аллилуйя, аллилуйя,
Слава тебе, Боже.
Как звонят во все звоны,
Во все колоколы.
Аллилуйя, аллилуйя,
Слава тебе, Боже.

(Боровикова Евдокия Васильевна,
д. Лабынщина,
Усвятский р-н,
Псковская обл.)

ИСПЫТАНИЕ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

V

На плите стояли кастрюля со щами и жестянка с динамитом. Геся Гельфман, войдя в кухню, брезгливо переставила жестянку на окно. Динамит внушал ей не столько страх, сколько гадливость. Партийные техники, особенно Кибальчич, с восторгом говорили об изобретении Альфреда Нобеля. «Ах, чтобы он пропал, этот динамит!» — грустно думала она. Геся раз навсегда поверила в необходимость террора; но, как говорили ее товарищи, она, по своей мягкости, для террористических действий не была предназначена.

Квартира на Тележной улице была недавно снята на имя коллежского регистратора Фесенко-Навроцкого и его жены. Николай Саблин был коллежским регистратором, Геся Гельфман — его женой. Она почти не выходила из дому, преимущественно по конспиративным соображениям: не походила на русскую чиновницу и боялась вызвать подозрение у дворников. Кроме того, она была беременна и совершенно измучена: отец ее ребенка, террорист Колодкевич, недавно был арестован. Она знала, что больше никогда его не увидит. Геся просила дать и ей какую-нибудь роль в покушении на царя, но Исполнительный комитет по разным причинам ее отвел. Она и сама, впрочем, понимала, что для этого не годится.

Ей было мучительно жаль ребенка; о нем не могла думать без слез. Самые нелепые вопросы приходили ей в голову: больно ли неродившемуся ребенку, когда вешают его мать? Желябов ласково утешал ее. «Что ты, Гесинька, тебя не повесят,— говорил он (с некоторого времени старшие народовольцы в большинстве перешли на «ты»),— Лорис — большой жулик, а все-таки он работает под Европу...» Она и сама понимала, что ее беременность дает ей некоторый шанс спастись от виселицы. Как ни мало Геся дорожила жизнью, это было утешительно; но ей было стыдно перед товарищами. В последние дни не сомневалась, что почти все участники покушения будут казнены. Говорить об этом не полагалось. Желябов говорил только о своей казни и как бы шутливо; Геся не понимала, как тут можно шутить.

Его арест был для нее страшным ударом. Она плакала всю ночь, заснула только под утро, но встала все же в семь часов. Почему-то Геся Гельфман не была членом Исполнительного комитета (хоть в него входили люди, меньше сделавшие для революции и не более образованные, чем она). В заседании 28 февраля она не участвовала, но ей и Саблину было объявлено, что сбор метальщиков назначен у них и что бомбы к ним принесут рано утром. Весь вечер, глотая слезы, она готовила для метальщиков щи. Саблин, тоже не входивший в Исполнительный комитет, пошел узнать новости. Ему не сиделось дома, на людях все-таки было легче. Когда он вернулся, Геся с ужасом расспрашивала его о Перовской.

— Говорят, Соня молодцом: вида не показывает. А ведь она любила Тараса безумно.

Саблин еще спал, когда послышался условный звонок. Геся поспешно вытерла полотенцем руки и вышла из кухни в переднюю. Она раскрыла рот. «Это они называют «молодцом»!» Лицо Перовской было ужасно. Но говорила она в самом деле совершенно спокойно, так, точно ничего решительно не произошло.

— Вот возьми, Гесинька, положи это куда-нибудь,— сказала Перовская, войдя в кухню, и, как конфеты, протянула ей два белых свертка, аккуратно перевязанных серой тесемочкой. Геся растерянно положила снаряды рядом с зажженной спиртовой лампой.— Нет, милая, не сюда, это место совсем не подходящее, мы их положим на окно. Твой коллежский регистратор, верно, еще дрыхнет?

«Только они это могут!» — не то с завистью, не то с сокрушением подумала Геся, разумея неевреев. Сама она после ареста Колодкевича целую неделю плакала день и ночь, хотя Колодкевич в отличие от Желябова имел шанс избежать казни.

— Соня... Он арестован...

— Тарас? Да, он арестован у Милорда,— ответила Перовская так, как если бы сообщала, что Желябов пошел в гости.— Я принесла только два снаряда. Другие два еще не готовы, но к десяти клятвенно обещали принести. Время еще есть. Он выедет из дворца не раньше половины первого.

Геся смотрела на нее расширенными глазами.

— Так как Тарас арестован, то распоряжаться на месте буду я. Метальщики скоро придут. Отличные ребята, но уж очень молодые и не обстреляны. К сожалению, я осталась без снаряда: мужчины покровительствуют мужчинам. Всегда нас, баб, затирают.

— Да... Да...— шепотом сказала Геся.— Соня, как же...

— Как же что? — переспросила Перовская. Вдруг в ее лице что-то дрогнуло.— Я сейчас... Забыла платок в муфте, я сейчас вернусь,— сказала она и поспешно вышла в переднюю.

Квартира была очень темная. В столовую солнце не проникало. Геся поставила на стол стаканы, тарелки с сахаром и хлебом. Она плохо соображала, что такое происходит. «Не может быть... Как же это?.. Сегодня!»

Ровно в десять часов одновременно пришли метальщики. Их было четверо: Гриневицкий, Рысаков, Емельянов, Тимофей Михайлов. Это были новые люди в партии. Она не всех их знала. Их молодость поразила ее. Было так темно, что она зажгла лампу.

— Может быть, вы закусите щей? — нерешительно предложила Геся.

Гриневицкий вежливо поблагодарил и сказал, что есть еще не хочет — рано, а чаю выпил бы с удовольствием. Рысаков засмеялся, все на него оглянулись: в это утро не шутил даже Саблин, известный своим веселым характером. Лицо у Рысакова было зелено-бледное.

Он в это утро встал в восьмом часу. Обычно его будила хозяйка, коллежская регистраторша Ермолина. По воскресеньям она вставала позднее. Рысаков проснулся и вспомнил. «Господи!..» Взглянул на часы — не поздно. Ему хотелось помолиться. Еще совсем недавно, в реальном училище, он был религиозен и часто ходил в церковь. «Будь что будет!» — крестясь, сказал он себе и поспешно оделся.

— Как я нынче рано встал! Всегда бы мне так вставать,— сказал он хозяйке.

— Я вас бужу, да вы опять засыпаете. Ведь нынче воскресенье. Разве у вас и в воскресенье бывает работа? — спросила с зевком Ермолина. Рысаков жил у нее недавно, и она почти ничего о нем не знала.

— Да... Нет, я так,— ответил он, тоже тяжело зевая. «Что она скажет?» Мысль о том, как будет поражена хозяйка, узнав, что ее жилец убил царя, его заняла, но только на мгновенье. Он налил себе чаю.

— Завтра за бельем придут,— сказала Ермолина.— Отдадите?

— Да, да, как же, непременно отдам. Я оставлю узелок. Хорошо, что вы напомнили! — почему-то с жаром сказал Рысаков, уходя к себе со стаканом. «Кажется, у меня лихорадка...»

Чай был горячий, он налил в блюдечко и вспомнил детские годы. Силы оставили его совершенно. Блюдечко затряслось у его губ, чай пролился. Он лег на неубранную кровать, накрылся одеялом и долго лежал: несколько раз приподнимался, смотрел на часы и снова опускал голову на подушку. «Еще есть время... Сколько идти на Тележную?.. Там они все скажут... Еще часов пять проживу... А может быть, не умру? Может быть, сделают другие? Тогда я могу совсем уйти: после этого никто не посмеет сказать, что я трус!»

С хозяйкой он простился так ласково, что она недоумевала: странный мальчик. Уходя, он на нее оглянулся, сказал опять о белье и подумал, что она, верно, будет об этом рассказывать до конца своей жизни.

— Я скоро вернусь,— сказал он и подумал: «Что, если бы сказать: «Вот только убью царя и вернусь...»

Холодная солнечная погода его подбодрила. Однако на улице он несколько раз останавливался и спрашивал себя: неужели правда? «Неужто нынче я буду где-нибудь лежать на снегу, разорванный бомбой? Или сидеть в тюрьме, ожидая виселицы: тогда уже наверное... Да и теперь наверное!.. Но зачем я это сделал? Кто меня заставлял?.. Бородач «кликнул клич», другие согласились, и я не мог, не мог отказаться: сказать бы, что я трус!.. Да говорили бы, что им угодно! Какое мне дело? Не вернуться ли сейчас же домой?..»

У Геси Гельфман ему сказали, что Бородач арестован. В первую минуту это его поразило. Он было подумал, что теперь расстраивается все дело. Впрочем, вид других метальщиков подбодрил его. «Что ж, на миру и смерть красна. За Россию погибнем»,— сказал он себе, как уже говорил себе много раз.

«Боже мой, такой еще мальчик»,— думала, глядя на него, Геся. Она все сильнее чувствовала одно желанье — чтобы все кончилось возможно скорее, цареубийством ли, ее ли смертью, революцией или концом мира.

— Вот как? Бородач арестован? — спросил Рысаков, знавший Желябова преимущественно под этой кличкой. Гриневицкий с сожалением на него посмотрел, бросил быстрый взгляд на Перовскую и опустил глаза.

— Да, он арестован,— снова кратко ответила Перовская. Она не решалась сказать себе, что этот юноша ненадежен: Рысаков был введен в партию Желябовым, который очень его хвалил. «Тимофей и Емельянов так себе. Один Котик хорош...» Гриневицкий был в самом деле совершенно спокоен, разве только чуть бледнее обычного.— Это, конечно, огромная потеря для партии. Но его дело будет сегодня доведено до конца. Александр II спастись не должен и не может. Исполнительный комитет поручил мне руководить нынче делом.

Она взяла какой-то лежавший на столе конверт и на обратной стороне набросала план части Петербурга.

— Вот Невский, вот Малая Садовая, здесь манеж. По всей вероятности, он проедет по Малой Садовой. Там его уже ждут,— сказала она. Все насторожились. По лицу Гриневицкого пробежала тень.— Но надо считаться с разными возможностями. Тот взрыв может и не удаться. Тогда дело будет за вами. Вы, Николай, станете на Невском...

Она очень точно объяснила каждому метальщику, где он должен стоять, назвала его номер по порядку действия и поставила этот номер на соответственном месте конверта. Первым должен был действовать Тимофей Михайлов. Он как-то крякнул, взмахнул рукой и сказал, что вот и отлично, очень рад, очень рад.

— Прошу каждого повторить свой номер и место.

Гриневицкий повторил правильно. Другие ошибались, переспрашивали, говорили, что обмолвились. Рысаков как будто стал бодрее, узнав, что ему выпало действовать не первым, а лишь в том случае, если на Малой Садовой дело не удастся. Все четверо догадались, что дело идет о подкопе. Глухой слух о сырной лавке давно шел среди рядовых народовольцев.

— Если же он поедет не по Малой Садовой, тогда план меняется,— просто и деловито говорила Перовская.— Назад он скорее всего поедет по Екатерининскому каналу, так как после развода он обычно заезжает завтракать к своей кузине в Михайловский дворец, а оттуда пришлось бы делать крюк. Его передвижения изучены совершенно точно. Некоторые из вас принимали участие в наблюдениях. Я все ваши наблюдения записывала и сама делала свои. Вы знаете, он несется как бешеный. Но есть одно место, где его карета поневоле замедляет ход. Это при повороте с Инженерной улицы на канал, у Михайловского театра. Там в этом случае и надо будет действовать.

— А как мы будем знать? — спросил Гриневицкий так же спокойно и деловито, как говорила она.— Конечно, это все близко, и можно самому догадаться, но желательно было бы получить указание.

— Разумеется, я вам сообщу. Я буду наблюдать за каретой. Если она не проедет по Малой Садовой, то вы все выходите на Михайловскую. Я пройду и всем дам знать платком, приложу его к носу.— Она вынула белоснежный платочек и объяснила, какой знак подаст.— Это будет означать, что надо идти на Екатерининский канал. Там вы стойте на расстоянии в тридцать шагов один от другого, в порядке ваших номеров. Вы представляете себе тридцать шагов?

Продолжение. См. «Огонек» № 11.


Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

— О да, я представляю,— смеясь, сказал Рысаков.

— Значит, все понятно? Больше ничего объяснять не надо?

Емельянов сказал, что живым им в руки не отдастся. На канале есть прачечная-купальня, можно добежать туда, там забаррикадироваться и дорого продать свою жизнь. Перовская ничего на это не ответила. Гриневицкий слегка усмехнулся.

— Теперь еще вопрос. Если дело удастся тем, которые там его ждут, в этом случае что надо делать нам, метальщикам? — спросил он, и против его воли в его голосе прозвучала обида. Перовская тотчас поняла причину.

— Если вы услышите взрыв на Малой Садовой, все бегите туда. Он может и уцелеть, тогда вы снарядами, в том же порядке очереди, докончите дело... Роль метальщиков, Котик, не менее трудна, опасна и ответственна, чем роль тех, кто там его ждет. Но элементарные правила конспирации требуют, чтобы каждый из нас знал только то, что ему надлежит знать.

Он с улыбкой сделал жест, показывавший, что никаких объяснений не нужно.

— Это, разумеется, так... Если же наша помощь не понадобится, тогда что?

— Тогда возвращайтесь домой и делайте все, что вам угодно. Или, еще лучше, приходите сюда. Конечно, каждый отдельно... Геся накормит вас обедом. Правда, Гесинька? — спросила она. От неудавшейся улыбки ее лицо стало еще страшнее. Гриневицкий опять опустил глаза. «Бедная! Но какая замечательная женщина!» — подумал он. Никто ему не говорил об отношениях Перовской и Желябова. Он сам о них догадался.

— А может быть, вы и сейчас хотите закусить? — спросила Геся, жалостно на них глядя. Она боялась, что разрыдается. Гриневицкий так же учтиво поблагодарил и повторил, что еще не голоден.

— Диспозиция Исполнительного комитета совершенно ясна,— сказал он,— но, если вы разрешите мне высказать свое мнение, в ней есть недостаток. Неудобно переходить с наших постов прямо на канал. Император, наверное, останется в манеже около часа. Затем он будет у своей кузины, считайте, быть может, еще час. Извольте видеть, если четыре человека, все со свертками, будут два часа на малом расстоянии один от другого стоять или ходить по набережной, где народа вообще бывает мало, то это обратит внимание полиции или приватных сыщиков.

— Вы совершенно правы, Котик,— сказала, подумав, Перовская.— Сразу идти на Екатерининский канал нельзя. Нельзя также нам соединяться, хотя ждать было бы легче. Впрочем, по два человека можно, это не вызовет подозрений. Где? Вы знаете кофейню Андреева на Невском против Гостиного двора? Если хотите, вы, Котик, приходите с Михайловской туда, я буду ждать вас внизу. Другие тоже зайдут в кофейню или в трактир по своему усмотрению. Но ровно в три четверти второго, ни минутой позже, все должны в порядке очереди занять места на набережной.

— Есть,— сказал Михайлов.— Так матросня говорит: есть.

— И вот что еще. Сейчас придет техник, он принесет еще два снаряда. Он вам уже объяснил устройство снарядов. Я только повторю главное: надо высоко поднять руки и с силой бросить снаряд вниз, по возможности отвесно,— сказала Перовская самым простым тоном. Геся подняла глаза к потолку. Бросить бомбу отвесно значило тут же убить и себя. Гриневицкий одобрительно кивнул головой.

— Вполне отвесно едва ли удастся: карету со всех сторон окружают казаки. Но надо бросить снаряд не более как с пяти шагов. Если можно, то и с еще более близкого расстояния, у кого хватит нервов,— сказал он.

VI

Вся эта часть Петербурга по красоте и строгости стиля имеет мало равного в мире. В начале девятнадцатого века местность от манежа до Екатерининского канала занимали сады Михайловского (позднее Инженерного) замка, в котором был задушен Павел I. Впоследствии часть садов была выделена его сыну Михаилу и для него был построен там Михайловский дворец. В 1881 году во дворце жила внучка Павла, великая княгиня Екатерина Михайловна. Царь обычно заезжал к ней завтракать на обратном пути из манежа.

Малая Садовая, идущая к манежу от Невского, сама по себе никаких особых удобств или преимуществ для покушения не представляла. Царь так же часто проезжал по Невскому, по набережным, по Мойке, по Морской, по Миллионной. Однако с Малой Садовой у народовольцев и у правительства было связано что-то вроде навязчивой идеи. Еще в 1879 году, 2 декабря, одесский генерал-губернатор Тотлебен телеграфировал шефу жандармов: «Получил сведения, что у террористов уже созрел план подкопа на Малой Садовой и что они намерены воспользоваться частыми поездками государя императора в манеж Инженерного замка». В декабре 1879 года народовольцы никакого подкопа на Малой Садовой не устраивали и не могли устроить: до 19 ноября силы их были заняты подготовкой взрыва царского поезда, затем до февраля они возлагали все свои надежды на халтуринский взрыв в Зимнем дворце.

Но когда после неудачи обоих этих предприятий Исполнительный комитет стал думать о подкопе в Петербурге, то он остановился именно на Малой Садовой. Первая мысль о ней возникла не раньше как через полгода после странной телеграммы Тотлебена, а к подземной работе народовольцы приступили только в январе 1881 года. Они были уверены, что все хранят в величайшей тайне. Тем не менее по Петербургу в феврале пошла глухая молва, будто на Малой Садовой должно случиться что-то очень страшное.

Дом, принадлежавший графу Менгдену, был построен в половине XVIII века для Алексея Разумовского. За полтораста лет своего существования он неоднократно перестраивался и из особняка вельможи мало-помалу превратился в обыкновенный доходный дом. Лавка, снятая для Кобозевых, состояла из трех комнат. В первой комнате шла торговля, из второй, жилой, велся подкоп. Работа была легче, чем на московском подкопе: подземный ход был гораздо короче. Но пришлось прорезать водосточную трубу, вследствие чего в подкопе был ужасающий запах, доходивший до лавки и смешивавшийся там с запахом сыра.

Отсутствие Александра Михайлова уже сказывалось на дисциплине в партии. Богданович и Якимова позволяли себе вольности, которых при Михайлове, вероятно, не было бы. Кроме того, как большинство народовольцев, они играли свои роли не слишком хорошо,— никто из них никогда актером не был. В первый же день, когда Богданович явился в управление участка за разрешением на открытие торговли, он бойкостью своих ответов вызвал некоторое недоумение у пристава 1-го участка Спасской части Теглева. Пристав велел негласно справиться о паспортах Кобозевых по месту их выдачи. Ничего подозрительного не было обнаружено. Все же Теглев приказал околоточному Дмитриеву обратить внимание на лавку.

Околоточный, вероятно, ничего странного не нашел бы, если бы у Кобозевых не было недоброжелателей в самом доме графа Менгдена. Рядом с их лавкой была молочная лавка Новикова. Ее хозяин, вначале опасавшийся конкурентов, зашел к ним, купил полкруга сыра и сразу заметил, что дело у Кобозевых ведется крайне бестолково.

— Ну, эти моей торговле не повредят. Ни то ни се люди,— весело говорил он дворнику.— Платят тысячу двести целковых, а не наторгуют в год и наполовину. Тоже называются купцы!

Дворник и сам замечал, что люди как будто и не лавочники. Он счел нужным доложить начальству. Дмитриеву опять велено было посматривать. После 1 марта официальное следствие изложило дело так: обстановка Кобозевых сразу «обратила на себя внимание многих свидетелей, как несоответствовавшая образу жизни и внешности обыкновенной торговли

и обыкновенных торговцев. Торговля производилась неумело и как бы лишь для виду. Кобозев казался человеком, стоящим гораздо выше своего состояния, жена его обнаруживала привычки, несвойственные жене простого торговца; кроме того, часто не ночевала дома». Власти, очевидно, и не понимали, что они сами о себе сообщают.

В пятницу 27 февраля, в десятом часу вечера, дворник Самойлов доложил околоточному Дмитриеву, что в лавке Кобозевых, несмотря на поздний час, сидит какой-то человек, на вид как будто не из простых, а барин. Действительно, из лавки скоро вышел господин в пальто. Он поднял воротник, направился к Невскому и, заметив слежку, прикрыл лицо платком, точно чихал. Затем быстро подозвал лихача и умчался. Дмитриев поехал за ним, но у Казанского собора потерял его след. Впрочем, он рассудил, что известный ему лихач Гордин скоро вернется к своей стоянке и все о седоке расскажет. Так оно и случилось.

—...Рядился на Воскресенский мост за целковый, а там переменил,— с недоумением сообщил извозчик Дмитриеву.— Поезжай, говорит, в Измайловский полк, я тебе три рубля дам! Там, ваше благородие, слез и заплатил три рубля, да еще двугривенный дал на чай. А моей вины нет: кто нанимает, того и везем. Может, они и мазурики.

По-видимому, и околоточный Дмитриев, и пристав Теглев, которому околоточный доложил о происшествии, очень гордились тем, что у них после этого возникли некоторые подозрения. На следующее утро пристав поехал к градоначальнику, генералу Федорову, доложил о лавке Кобозевых и в предположительной форме спросил, не произвести ли обыск.

— Слышно, ваше превосходительство, что государь император завтра изволит проследовать в манеж по Малой Садовой.

Новые идеи Лорис-Меликова совершенно сбили с толку и градоначальника, и начальников столичной полиции. В либеральных газетах восхвалялись английские порядки и упоминалось о «хабеас корпус». Быть может, сам министр внутренних дел не очень хорошо знал, что это такое. Полицеймейстеров же и приставов эти ученые слова приводили в панику. В участках околоточные и городовые по-прежнему «набивали морду» простым людям, но высшая полиция больше не знала, что можно и чего по «хабеас корпус» нельзя. Генерал Федоров сухо ответил приставу, что подозрения могут быть неосновательны и что тогда владелец подаст жалобу министру или в суд.

— Я не желаю отвечать за превышение власти,— сказал он.

Пристав тотчас испуганно признал свою ошибку и в еще более предположительной форме заметил, что, пожалуй, вместо обыска можно было бы произвести санитарный осмотр лавки: соседи и вправду жаловались на сырость, на дурной запах.

— Вот это прекрасно,— одобрил градоначальник.— Поезжайте к генералу Мровинскому, это его дело.

Санитарный осмотр не противоречил новым веяниям, а кроме того, генерал Мровинский сам за себя отвечал.

Инженер-генерал, ведавший санитарной частью столицы, как раз куда-то торопился. Ему очень не хотелось ехать в лавку. Он грустно спросил, нельзя ли отложить осмотр на один из следующих дней. Пристав так же грустно ответил, что, собственно, вполне бы возможно, но слышно, будто государь император завтра изволит проследовать в Михайловский манеж по Малой Садовой.

«Вечно эти дармоеды придумывают всякий вздор! Только даром беспокоят занятых людей. Подкоп из какой-то сырной лавки! А если в самом деле подкоп, то при чем тут санитарная часть?» — сердито сказал себе Мровинский, впрочем, сам в первую минуту подумавший о возможности подкопа: весь Петербург говорил о минах и о подземных ходах.

Разве только Александр Михайлов мог бы не растеряться от такого страшного, внезапного удара. В лавку вдруг вошел генерал в сопровождении пристава, помощника пристава, дворников. Богданович не имел стальных нервов Михайлова; он был измучен, как все участники покушения, и, увидев полицию, замер: все кончено!

Мровинский посмотрел на него насквозь пронизывающим взглядом, затем огляделся в лавке и с хитрым видом сказал, что приехал произвести санитарный осмотр.

— Говорят, сырость у вас. Надо посмотреть: проверить, значит, санитарное состояние,— с еще более хитрым видом пояснил пристав. Богданович растерянно ответил, что в лавке сырости нет. Разумеется, не могло быть никаких сомнений в настоящей цели осмотра. По позднейшему свидетельству самого Мровинского, лавочник был «беспокоен и встревожен». Однако это у генерала ни малейших подозрений не вызвало. Напротив, лавка произвела на него благоприятное впечатление. Перед иконой горела лампадка. Кинжалов и револьверов нигде не было.

Не зная, что, собственно, надо сделать, Мровинский постучал в стену, хотя это не согласовалось с только что данным объяснением цели визита. Звук был обыкновенный: подкоп велся из второй комнаты, да и там стучать надо было бы гораздо ниже.

Во второй комнате было темно: одно окно было завешено.

— Зажгите свечу,— сказал Мровинский и, оглядевшись, велел отодвинуть какой-то сундук. За ним на стене было серое пятно. Генерал нагнулся, провел по пятну рукой и поморщился: у него пальцы почернели от пыли.

— В той комнате тоже пятно на полу. Это откуда?

— На масленой сметану пролили,— ответил, еще справляясь с дыханием, Богданович. «Что делать? Сейчас конец!.. Что делать?» — с отчаянием спрашивал он себя. Но генерал кивнул головой, вполне удовлетворенный ответом: действительно недавно была масленая. Он подошел к окну,— у Богдановича сердце перестало биться. Здесь генерал, для разнообразия следственных приемов, не стал стучать в стену, а вдруг сильно дернул к себе подоконник. Вероятно, он деятельность заговорщиков представлял себе по романам госпожи Радклифф: стоит в подземелье замка в надлежащем месте что-либо дернуть, где-либо нажать кнопку — и стена на шарнирах раздвинется или уйдет в землю. Подоконник никуда не подался, стена с места не сдвинулась. Это совершенно успокоило Мровинского. На расстоянии аршина от подоконника было отверстие подкопа, замаскированное наклеенными на доски обоями.

«Разумеется, вздор! Что-то им приснилось! — подумал генерал и посмотрел на часы.— Уже опоздал...» Он все же заглянул в третью комнату. Она была завалена чем-то очень грязным, противно было заходить. Мровинский вернулся в первую комнату лавки.

— А здесь у вас что? — спросил генерал, показывая на покрытую соломой кадку.

— Сыры,— еле выговорил Богданович. Если б генерал приподнял горсть соломы, это означало бы смерть: в кадке, как и в сундуке, находилась вырытая террористами из подкопа земля.

Пристав Теглев, не желая отставать от генерала в усердии, обратил его внимание на то, что часть стены обшита досками. Мровинский тотчас сделал лавочнику внушение:

— Так не годится. Кусочки сыра попадают в щели, гниют. То-то у вас такой воздух. Вы это переделайте.

— Так точно, ваше превосходительство. Слушаю-с, ваше превосходительство,— сказал Богданович. Его почтительность понравилась генералу.

— Ваша фамилия Кобозев? Я еще другого торговца Кобозева знаю. Он вам не родственник?

— Никак нет, ваше превосходительство.

— Ну, что ж, кажется, все в порядке,— сказал генерал.

Пристав почтительно наклонил голову. Мровинский благосклонно кивнул головой лавочнику, еще раз велел ему убрать доски и вышел в сопровождении свиты. Все они были вполне удовлетворены осмотром. Пристав же был особенно рад своей выдумке: так он хитро, в полном согласии с «хабеас корпус», принял меры для охраны его величества.

Когда они вышли, Богданович, еле дыша, добрался до второй комнаты и повалился на покрытый рогожей жесткий диван. Он даже не мог радоваться. «Только бы скорей! Все равно как, лишь бы скорее!..» — думал он, обливаясь потом.

VII

Полицеймейстер, полковник Адриан Дворжицкий, состоял при особе царя. С апреля 1879 года, со времени покушения Соловьева, Александр II больше не выезжал из дворца без казачьего конвоя; за казаками всегда следовал Дворжицкий, а за ним жандармский капитан Кох. Полицеймейстер был человек старой школы и горячий поклонник генерала Трепова. Замечая на улице, на пути государя, какого-нибудь студента с пледом, бедно одетого человека в очках или с палкой в руке, он на ходу выскакивал из экипажа и собственноручно хватал его. «Подозрительная фигура, ваше императорское величество. Нельзя было не задержать»,— объяснял он царю. Вначале Александр II соглашался: «Да, кажется, у него была скверная рожа, я тоже заметил». Затем приемы Дворжицкого императору, по-видимому, надоели. Ни один народоволец таким способом задержан не был. Людей, которых арестовывал полицеймейстер, по выяснении их личности приходилось освобождать.

Лорис-Меликов, став министром внутренних дел, строго запретил Дворжицкому хватать без причины прохожих. Полицеймейстер был очень этим недоволен. Он притом давно думал, что все в мире идет к черту со дня отставки генерала Трепова.

Царь недолюбливал бывшего градоначальника и смутно подозревал, что Трепов в свое время доносил императрице об его свиданиях с княжной Долгорукой. Дворжицкий был треповским ставленником, тем не менее к нему Александр II относился благосклонно. Полицеймейстер веселил его своей живописностью. Но граф Лорис-Меликов достаточно насмотрелся старых служак в армии, в администрации, при дворе, и старался понемногу от них отделываться: по его мнению, все они компрометировали правительство,— как его безнадежно скомпрометировал на весь мир Трепов боголюбовским делом. Поэтому, когда снова освободилась должность петербургского градоначальника, она Дворжицкому не досталась. Полицеймейстер был чрезвычайно обижен: назначенный на эту должность генерал Федоров был моложе его службой и производством. Лорис-Меликов, не любивший ссориться с людьми, предложил полицеймейстеру генеральский чин и должность в провинции. Дворжицкий от этого отказался: нуждаясь в средствах, попросил пожаловать ему аренду с оставлением в чине полковника и в должности полицеймейстера при особе государя. Аренду он получил, но недоброжелательство к новому градоначальнику у него осталось. Они во всем расходились: в полиции, как в литературе или в музыке, были разные направления, разные стили, разные школы.

Теперь Федоров был начальством. Дворжицкому бывало всегда неприятно получать от него приказания. Раздражился он и вечером 28 февраля, получив у себя на Офицерской приказание явиться на следующее утро, в 9 часов, в градоначальство; вызывались все полицеймейстеры и пристава столицы.

В тревожном ожидании генерала Федорова чины полиции, не знавшие причины вызова, вполголоса обменивались сообщениями о происшествиях в городе. Услышав о санитарном осмотре в лавке на Малой Садовой, Дворжицкий развел руками:

— Уж если у лавочника нельзя сделать обыск! Эх, Федор Федорыч обошелся бы без санитарии!

Общая тревога не оправдалась. Градоначальник вышел с сияющим видом и в краткой, торжественно произнесенной речи сообщил, что арестован главарь анархистов Андрей Желябов. Слухи о том, будто крамольники готовят подкоп на Малой Садовой, оказались ложными: все незаметнейшим образом проверено и оказалось совершенным вздором.

— Еще осталось схватить двух-трех злодеев, и с крамолой будет навсегда покончено! — с силой сказал градоначальник.— Господин министр внутренних дел, его сиятельство граф Лорис-Меликов весьма доволен и обещал доложить о нас его императорскому величеству. Я и пригласил вас сюда, господа, чтобы объявить вам свою душевную благодарность. Все, каждый на своем посту, ревностно исполняют свой трудный долг! Считаю приятным долгом особенно отметить усердие, рвение, энергию пристава первого участка Спасской части Теглева. Всем русское спасибо, господа!

Затем генерал Федоров объявил, что ввиду полного успокоения, вызванного энергичными действиями столичной полиции, государь император, верно, соизволит в первом часу выехать в Михайловский манеж на развод.

— Вас, Адриан Иванович, я попрошу съездить отсюда к манежу и расставить там наряды полиции и конных жандармов. В подробности не вхожу, зная ваш опыт и тонкое знание дела,— сказал градоначальник, обращаясь к Дворжицкому особенно учтиво и даже с несколько виноватым видом.

Чины полиции разошлись очень довольные и похвалой, и тем, что пришел конец анархистам, которые отравляли им жизнь. Недоволен был один Дворжицкий, впрочем, больше потому, что Федоров так сиял. Новое направление в полиции пока получило утверждение только от министра. Полицеймейстер отправился к своему знакомому, графу Перовскому. Этот камергер находился в добрых отношениях с великим князем Владимиром Александровичем.

— ...Я одно скажу, граф: плохо охраняется государь император. Там все эти новшества, я о них не говорю,— взволнованно объяснял он.— Не мое дело судить, кто у нас нынче на месте и справедливы ли были некоторые назначения... Бог все видит!.. Но Христом Богом умоляю вас, граф, доложите великому князю!.. Хоть я государя императора вижу постоянно, а сам его величеству сказать не смею и не могу. Ябедничеством никогда не занимался!

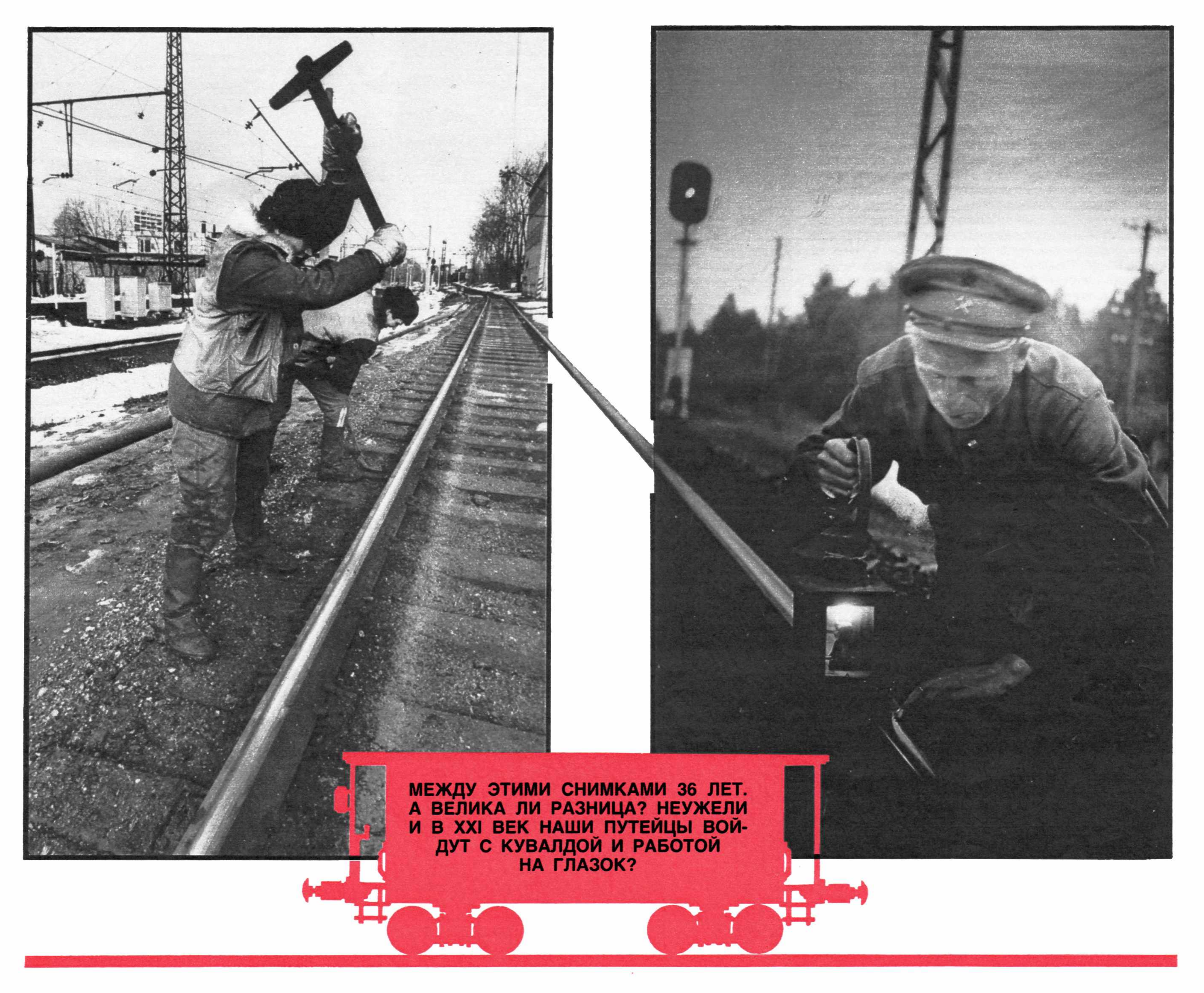
Граф Перовский обещал поговорить с великим князем сегодня же.

От Перовского Дворжицкий отправился в манеж. Проезжая по Малой Садовой, он догадался, что санитарный осмотр был произведен в сырной лавке полуподвального этажа, в доме на углу Невского. Полицеймейстер крепко выругался.

Расставив, где полагалось, конную и пешую полицию, он в три четверти двенадцатого поехал на своей серой паре в Зимний дворец ждать выезда государя.

Продолжение следует.

ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ



Василий СЕЛЮНИН

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Кажется, проскочим. Не без урона, понятно. Обдирая бока, экономика и в эту зиму, похоже, пролезет через игольное ушко, каким стал для нее железнодорожный транспорт. Правда, нам подфартило: не по заслугам нашим, но по неизреченной доброте своей Господь даровал нам сиротскую погоду — без морозов и заносов. А то бы кранты — свежа еще в памяти вьюжная зима 1984/85 года, когда паралич поразил целые магистрали и хозяйственная жизнь еле теплилась. К тому же на сей раз не было бы счастья, да несчастье помогло: в прошлом году добыча железной руды упала на 7 миллионов тонн, нефти — на 17, угля — на 32 миллиона, а всего падение отмечено по 64 видам продукции из 144 позиций, учитываемых статистикой. Это миллионы вагонов, которые не понадобилось пропихивать.

Сегодня рановато, а вот минет зима тревоги нашей, поклонимся железнодорожникам — они сделали все, что в человеческих силах, и много больше того. Который уж год машинисты, бывает, по шестнадцать, а то и по восемнадцать часов в сутки не вылезают из кабин. Всякому терпению есть предел, и когда транспорт был на грани забастовки, страна отдала ему, мало сказать, последнее: отложили на будущее пособия детишкам из бедных семей, отсрочили отмену налогов с нищенской получки, отодвинули повышение заработка работникам культуры и добавили 850 миллионов рублей одного только фонда зарплаты Министерству путей сообщения. Иначе сказать, обещанное бедняку отдали железнодорожнику. Только вези, дорогой, не товарняк вытягиваешь — державу. Понимаем, что на те миллионы мало чего купишь, да больше нет, а на нет и суда нет.

Но уж коль опять прорвемся, давайте умнеть. Сколько можно гнать страну на красный свет? Сколько можно ставить ее судьбы на кон, гадая, что выпадет — орел или решка? Когда занимаешься конкретной экономикой десятки лет, начинаешь ощущать ее не разумом, не сердцем только, а прямо-таки кожей. Из всех отраслей хозяйства хуже всего теперь железнодорожному транспорту. Десятки лет его загоняли в угол. Он исполняет свыше половины мирового грузооборота. Это не предмет для гордости — ведь конечный результат экономики (валовой национальный продукт) у нас, по моим расчетам, раз в шесть меньше, нежели в США, по этому показателю мы занимаем лишь седьмое место в мире. А потребности в перевозках растут. И будут расти, пока действует нелепая ведомственная система, при которой хозяйственные связи тяготеют к замыканию внутри каждого министерства, хотя бы предприятия отрасли были расположены в разных концах страны. Между тем добрая половина магистралей еще царской постройки. Если в конце прошлого века страна ежегодно вводила по 2740 километров новых путей, то ныне вступит в действие аж 21 километр.

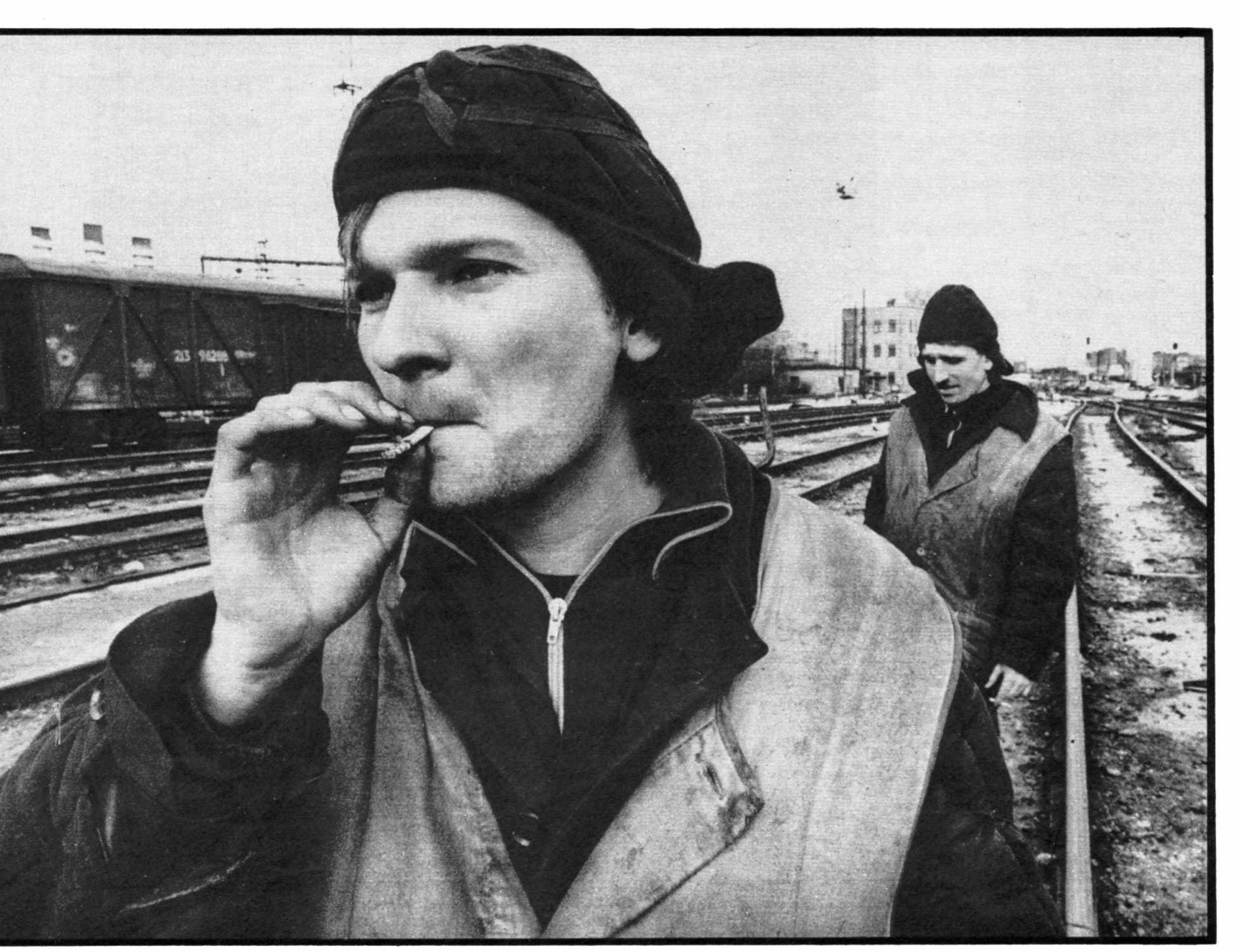
При нынешнем состоянии экономики нечего и ду-

мать о прокладке протяженных новых магистралей — казна пуста, а дыр в хозяйстве и без того хватает. Относительно скромные средства (впрочем, не такие уж и малые — за четыре года пятилетки отрасль проглотила 16,5 миллиарда рублей капитальных вложений, не считая инвестиций в метрополитены) надо бы тратить на расшивку узких мест в технологии перевозок.

Разумную и реалистичную стратегию развития транспорта разработал еще в 70-х годах профессор Е. Нестеров, ныне покойный. Я знал его много лет и почитаю себя его учеником. Не смею сказать другом — дружба требует равенства, а я всегда смотрел на него снизу вверх. В войну он был железнодорожным генералом. Уже выйдя на пенсию, подался в науку. И не в какую-нибудь, а в кибернетику (применительно к транспорту). Разгромы на ученых советах, травля в печати — это уж как водится. Лишь при поддержке великого Канторовича, будущего нобелевского лауреата, Нестеров пробил свой путь в науку, защитил докторскую, обзавелся учениками, которые по возрасту ему во внуки годились. Его исследования всегда были практичны, и он каждодневно сражался за реализацию своих идей. Зачастую подонкихотски — Нестеров просто не понимал, как это можно добыть истину тяжелым трудом и тут же не следовать ей в жизни. Высокий, худой, с аскетичным лицом, он и внешне был похож на рыцаря печального образа. Что ж, по слову классика, когда переведутся донкихоты, закройте книгу истории, в ней нечего будет читать. Да уж, душой компании он не был, не умел снисходить к слабостям нас, человеков. Суровое обаяние его личности заключалось в ином: кто работал с ним лоб в лоб, тому немыслимо было совершить поступок ниже себя. Личности такого калибра более всего воспитывают общество, от них мы перенимаем гражданское мужество и честь, передаем это, как умеем, нашим детям, те — своим...

В числе прочих транспортных задач Нестеров решил ту, которая относится к предмету сегодняшнего разговора. Наши железнодорожные станции строились давно и были рассчитаны на короткие составы. Между тем главный из оставшихся резервов наращивания перевозок — это увеличение веса, а стало быть, и длины поезда. Но современный тяжеловес не умещается на станции — его голова и хвост занимают главный путь. Чтобы пропустить встречный, приходится членить состав на куски. Время на маневры съедает всю выгоду от вождения тяжеловесов, да и расчлененные составы некуда ставить — все острее недостает станционных путей, хотя бы и коротких. Нестеров вывел математическую зависимость: чем больше вагонов приходится на километр станционного пути в среднем по магистрали, тем медленнее движение. Критическая величина — 14,5 вагона на километр. Переступать этот предел опасно: может произойти так называемый паралич транспорта — станции забиты, неспособны ни принять, ни отправить составы, движение на дороге прекращается.





Однако МПС и Госплан Союза вот уже несколько десятилетий бездумно насыщают дороги подвижным составом, составляют одну за другой неисполнимые программы прокладки вторых путей и новых магистралей — что угодно, только не развитие станционного хозяйства. Против этого и выступил Нестеров. В 1976 году в совместной статье мы предсказали провал десятой пятилетки — она не проходила по транспорту. В канун следующей, одиннадцатой пятилетки профессор буквально по годам спрогнозировал будущий развал транспорта, если не изменить стратегию его развития. Записку на сей счет он отправил руководству страны, поставив условием не показывать ее тогдашнему министру путей сообщения И. Павловскому, «некомпетентному в этих вопросах», и заведующему Отделом транспорта ЦК КПСС К. Симонову («Знаю его 36 лет и не удивляюсь, что до сих пор нет коренного решения вопроса о транспорте»,— закруглил профессор, и в этом он весь.). Само собой, записку сплавили названным лицам, те списали ее в архив.

Здесь позвольте небольшой мемуар. Как раз в ту пору я написал для уяснения дела самому себе довольно объемистое разыскание о ситуации на железных дорогах — с экскурсами в историю, с анализом тенденций развития. Естественно, тут были изложены и расчеты Нестерова. Экземпляр рукописи попал Юре Калещуку, члену редколлегии журнала «Дружба народов». Опус ему подошел, но, будучи битым-перебитым, как всякий приличный журналист, он попросил убрать резкости, снять критические обобщения, приладить оптимистическую концовку. После третьей переделки вышло нечто вроде бы проходимое в печати. Это «нечто» я показал старому другу — известному экономисту, увенчанному учеными степенями.

— Не пойдет,— отрезал он.— Но есть возмож-

ОТ РАБОЧИХ РЕМОНТНЫХ БРИГАД ВО МНОГОМ ЗАВИСИТ БЕЗОПАСНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ. А ЧТО ЗНАЕМ МЫ О НЕЛЕГКОМ ТРУДЕ В ЛЮБУЮ ПОГОДУ, О НЕУСТРОЕННОМ БЫТЕ ЛЮДЕЙ В СТОЛЬ ЗНАКОМЫХ ОРАНЖЕВЫХ СВИТКАХ?



ность показать статью в верхах. Чем мы рискуем? Без разрешения сверху журнал тебя все равно не напечатает.

Короче, рукопись попала к Э. Цуканову, помощнику Брежнева. Могущественный помощник размножил ее и разослал высшим чинам, отвечающим за транспорт, с доброжелательной резолюцией. Дальше события приняли неожиданный оборот: изложенную мной идею профессора Нестерова включили в доклад Брежнева на XXVI съезде партии («Важно сосредоточиться на развитии станционных путей — это экономное и быстрое средство увеличения пропускной способности дорог»), а затем в Основные направления очередной пятилетки. Все это было сотрясением воздуха — в рабочем плане пятилетки задание по развитию станционного хозяйства даже сокращалось сравнительно с предыдущим периодом. Я еще раз перекроил статью, представив дело так, что журнал популяризирует новое слово, сказанное не одним Нестеровым, а самим Брежневым, и ее напечатали в 11-й книжке журнала за 1981 год.

Что тут началось! Председатель Совмина Н. Тихонов кратко отрецензировал: «Мы приняли постановление о транспорте, а он все обо..ал». Радио «Свобода» передало изложение очерка. Служба радиоперехвата доложила о передаче председателю КГБ Ю. Андропову, тот подключил председателя Госплана Н. Байбакова, этот, в свой черед, образовал целую комиссию и вскоре доставил опровержение — не в журнал, конечно, а в ЦК партии («Опубликование статьи по меньшей мере вызывает недоумение, если не больше». «А на кого работает такой вывод автора?..» «Зачем автору потребовалось смакование негативных явлений?» «Почему автор не хочет замечать никаких изменений к лучшему — значит, их нет?!» «Так как все это делается в СССР, то невольно напрашивается вопрос: отмеченное автором присуще социалистическому строю, является его типичной чертой?» «Кому нужна такая публикация, на чью мельницу она льет воду?»). И в таком духе на семи страницах. Это был донос, исполненный с высоким профессионализмом.

Редактор журнала объявил выговоры сотрудникам, причастным к публикации (выговоры во спасение — если ЦК потребует крови, можно попробовать отговориться: мол, виновники уже наказаны). Секретариат Союза писателей постановил считать мою статью плохой. Начальники из Отдела пропаганды ЦК В. Севрук, И. Зубков и А. Гаврилов часа два объясняли мне, кто я такой, и потребовали письменного покаяния. Не получили.

Считаю уместным рассказать теперь эту историю — все же она не совсем личная. Тем часом транспорт движется к параличу по графику профессора Нестерова, потому что люди, ведающие этой отраслью, но не ведающие, что с нею происходит, упорно гнут свою линию. За четыре года нынешней пятилетки МПС истратило львиную долю инвестиций (10,9 миллиарда рублей из 16,5 миллиарда) опять на закупку подвижного состава. Отрасль получила за этот период сотни тысяч вагонов. В то же время неуклонно сокращается прокладка станционных путей: в девятой пятилетке их ежегодно вводили по 980 километров, в десятой — по 920, в одиннадцатой — по 765 и в нынешней, двенадцатой,— по 735 километров.

Два этих несовместимых процесса привели к резкому замедлению движения — на дорогах неимоверная теснота, станции и разъезды забиты под завязку. Есть ключевой показатель для транспорта — оборот вагона, то есть время от его загрузки до очередной загрузки. В минувшем году оборот удлинился почти на 32 часа сравнительно с 1971 годом. Значит, для перевозки того же количества грузов теперь требуются дополнительно сотни тысяч вагонов (точную цифру назвать не имею права: МПС засекретило показатель использования вагонного парка по причинам, полагаю, очевидным).

Любопытно выявить, на каких операциях потеряны эти часы. Руководители МПС устно и печатно винят клиентов: они, мол, сверх меры задерживают вагоны под погрузкой и выгрузкой, отсюда все беды. К контролю за разгрузкой министерство каждую зиму под-

ключает руководителей страны, республик, краев и областей. Теперь вот, когда вы читаете мое разыскание, будьте уверены: очень важные персоны, собравшись в диспетчерской МПС, дают по проводам строжайшие указания по сему поводу. Недавно в пять раз увеличили штрафы за задержку вагонов. Ныне еще и прессу подключили, та усердно ищет саботажников, препятствующих разгрузке всякого добра, чтобы дестабилизировать обстановку в стране. Здравый смысл подсказывает: что-то тут не так, не путем. Организовать саботаж — это ведь тоже надо уметь, а видали вы у нас таких распрекрасных организаторов чего бы то ни было?

Вместе с заместителем министра металлургии В. Панкрушиным мы проанализировали, где же в конце концов застревают грузы. Из каждых ста вагонов в каждый данный момент только пять находятся у грузополучателей под погрузкой и выгрузкой, причем четыре из них на законном основании, а один задерживается сверх положенного срока (точнее, сейчас один вагон из каждых 164). Где же остальные 95 вагонов из каждой сотни? А в хозяйстве МПС. Из них лишь 22 вагона быстро ли, медленно ли движутся, остальные стоят на промежуточных, технических и грузовых станциях, к чему грузополучатели уж никак не причастны. Свои простаивающие 73 вагона из каждых ста руководители МПС замечать не желают — им вынь да положь тот злополучный единственный вагон, что задержан клиентом. Поставив на уши всех, кого можно, железнодорожники за последнее десятилетие действительно добились от грузополучателей сокращения времени обработки вагона на 37 минут — с 8,3 до 7,69 часа. Однако за это же десятилетие общее время оборота вагона возросло на 4,8 часа, и замедление произошло исключительно в хозяйстве МПС.

Спешка с выгрузкой к добру не ведет. Сейчас значительная часть парка МПС — это неисправные и «условно годные» вагоны. Можно согласиться с железнодорожниками: виноваты в том клиенты — вагон травмируется чаще всего при погрузке и выгрузке. Но когда грузополучателя торопит высшее начальство, когда над ухом дышит прокурор, для ускорения выгрузки применяют дикие средства — бывает, разрыхляют смерзшиеся грузы клин-бабой и даже взрывчаткой. В спешке вагоны опорожнивают не полностью, много народного добра пропадает (был случай, когда клиент позабыл выгрузить автомашину «Волга»). Предприятия вынуждены создавать двух-трехкратный запас мощностей для обработки вагонов, содержат лишних грузчиков в расчете на пик работ.

И все зря: опорожненные вагоны попадают потом в станционные мешки, простаивают сутками, сковывая движение. Передо мной свежая телеграмма в министерство от начальника станции Костомукша: станция забита вагонами — сутками не может принять от горно-обогатительного комбината целые составы порожняка и груженые поезда; освободить станционные пути не удается — перегон Костомукша — Волховстрой закупорен 32 брошенными поездами. Железнодорожник предлагает остроумный выход: вывести со станции составы и бросить их на разъездах, которые пока не забиты. Вот он, паралич транспорта, во всей красе! Да разве на одной этой дороге...

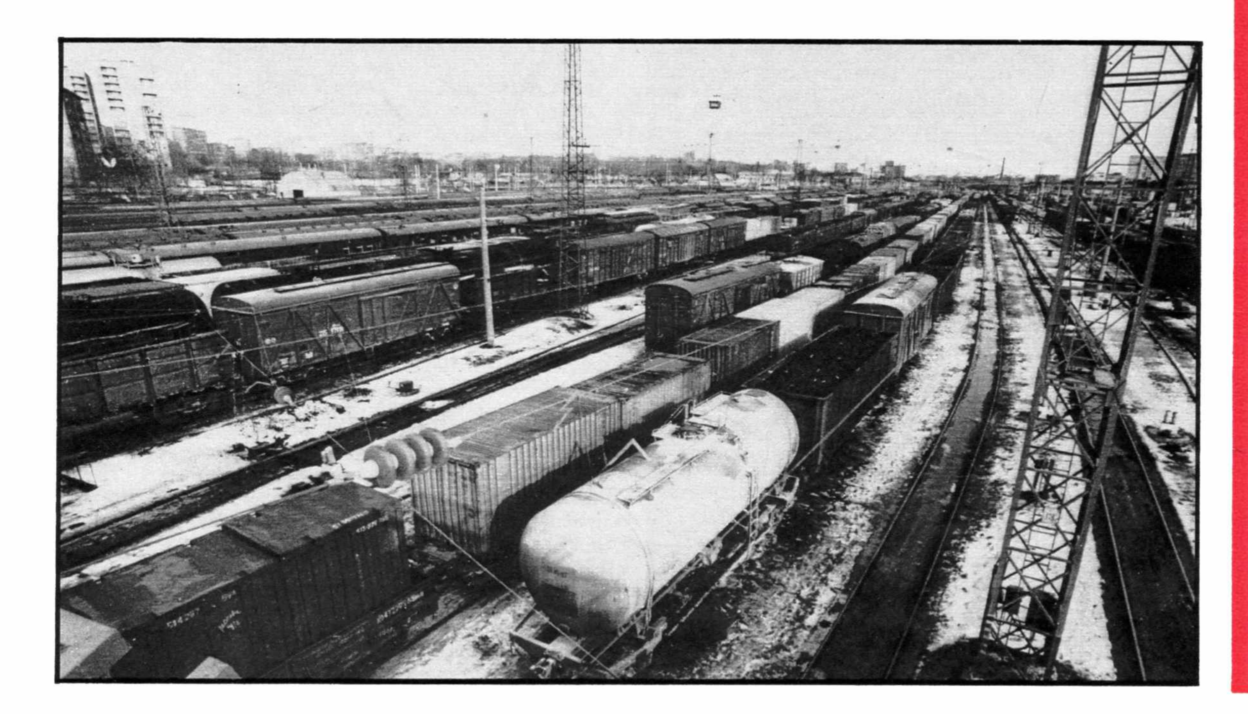
Думаю, пока что есть единственный способ оздоровить ситуацию — убрать с дорог лишние вагоны. Куда? А на заводские пути. По протяженности они превосходят станционные пути МПС, но загружены менее чем на четверть (2,8 вагона на километр при норме 12,2). Но для этого железнодорожники должны бы не торопить с выгрузкой, а, напротив того, всячески продлевать время пребывания вагона у клиента. Да, многие вагоны станут складами на колесах, однако они и сейчас служат такими складами, только в хозяйстве МПС, где мешают движению. В интересах железнодорожников навязывать лишние вагоны в аренду, продавать их предприятиям. Помимо других выгод, это избавило бы МПС от колоссальных расходов труда и денег. В самом деле, вагон служит 30—40 лет. Старые вагоны попадают в ремонт в среднем пять раз в год, или примерно в десять раз чаще, чем новые. Для чего министерству такая обуза? Продайте клиентам, пусть те тратятся на ремонт. К тому же свое добро они станут лучше беречь. Это не только мои соображения — такие же предложения недавно направил в правительство уже поминавшийся В. Панкрушин, но понят не был.

В недавней беседе со мной один из руководителей МПС самокритично признал: «Постоянное увеличение вагонного парка без развития пропускных способностей дорог обостряет проблемы транспорта». Слова эти дорогого стоят. Но намерен ли штаб отрасли действовать в согласии с этим новым мышлением? И если намерен, то когда?

Вопросы не риторические. Ответ на них министерство дает в только что составленной «Программе технического перевооружения и модернизации железных дорог на 1991—2000 годы». Документ существует в двух вариантах. Исполнение первого, более обширного, обойдется в 156 миллиардов рублей. Госплан Союза завернул проектировку — таких денег у страны не будет, укладывайтесь в половину этой суммы. Тогда родился второй, более скромный проект. Я сличил оба варианта — интересно ведь узнать, чем же готовы пожертвовать железнодорожники.

Обнаружились вещи прелюбопытные. Если первоначально предполагалось удлинить существующие и уложить новые станционные пути на магистралях общей протяженностью 50 тысяч километров, то теперь — только на 25 тысячах. Таким образом, программа развития станционного хозяйства сокращена ровно вдвое. В 2,4 раза уменьшена программа прокладки вторых и третьих путей. Много скромнее стали наметки на электрификации магистралей. Значит, в целом пропускная способность дорог возрастет весьма скромно. Резонно ожидать, что по крайней мере в той же степени уменьшены заявки на подвижной состав — для чего он, если дороги все равно не смогут его пропустить? Как же, много мы с вами понимаем — по дорогому варианту министерство запрашивало на будущее десятилетие 900 тысяч вагонов, по дешевому — 940 тысяч.

Вот куда опять уйдут денежки. Зная, сколь неохотно железнодорожники расстаются со старыми вагонами, смело можно предположить, что вагонный парк МПС в ближайшее десятилетие заметно вырастет, тогда как пропускные способности дорог увеличатся несущественно. Уже сегодня, по расчетам МИИТа, излишни и мешают работе 290 тысяч вагонов. Для них недостает 18,6 тысячи километров станционных путей. А что в перспективе? Программный документ МПС прямиком ведет железнодорожный транспорт к параличу, к полному развалу. Кто умеет, пусть скажет то же самое спокойнее, или, как модно сейчас говорить, даст более взвешенную оценку. У меня что-то не получается.





■

В № 39 за 1989 год читатель, полковник Н. Чернуха, предлагает переименовать Военную академию Генштаба Вооруженных Сил СССР имени Ворошилова и присвоить ей имя маршала М. Н. Тухачевского. Это было бы справедливо, поскольку сегодня нам известна правда о сталинском приближенном, ответственном за уничтожение лучших военных кадров, который хоть и носил титулы народного героя, полководца, но не оправдал их, как и высокое звание маршала.

В связи с этим возникает вопрос о названиях и других военных академий. Почему, например, Военная академия связи носит имя Буденного? Ведь он был командиром, а затем инспектором кавалерии Красной Армии и к развитию средств связи вряд ли имел отношение.

Военной академии химзащиты присвоено имя Тимошенко, видимо, только потому, что тот был в свое время наркомом обороны. Хотя это кавалерийский и общевойсковой командир эпохи 20—30-х годов, но совсем не специалист химзащиты.

В честь очередных министров обороны названы Военно-морская академия в Ленинграде — именем маршала Гречко и Военная академия бронетанковых войск (бывшая имени Сталина, а теперь маршала Малиновского). Неужели в истории нашего флота не нашлось настоящего флотоводца, достойного быть увековеченным на фронтоне морской академии?

Что касается маршала Малиновского, то это известный общевойсковой командир, прекрасно командовавший армиями и фронтами в период Отечественной войны, но он не танкист. В нашей же военной истории много великолепных полководцев и конструкторов — танкистов, имя одного из которых в названии танковой академии было бы уместней.

В то же время вполне оправданно и справедливо наши военно-воздушные академии названы в честь Гагарина, Жуковского, Можайского.

Хочется, чтобы и другие военные учебные заведения имели не конъюнктурные, а заслуженные имена.

В. БУШЕВ,
участник
Великой Отечественной войны
Балашиха Московской области

■

Прочитал внимательно «Календарь воина» 1990 года, в котором аккуратно отмечены дни рождения больших армейских начальников, и ужаснулся. Оказывается, у т. Язова пятнадцать заместителей. Почти как у Председателя Совета Министров СССР. Это не считая начальника ГлавПУРа. Средний их возраст — 63 года, причем только четверо не достигли пенсионного возраста. Стоит министру в один из дней заслушать своих замов о положении дел в подчиненных им ведомствах, уделив каждому по 30 минут, так для этого потребуется 7 часов 30 минут. Целый рабочий день. И еще возник вопрос: если первых заместителей трое, то кто из них второй?

В народе говорят: «У семи нянек дитя без глазу». Забавно, что сокращение ВС СССР этой категории не коснулось.

Э. С. ДВОРНИКОВ,
пенсионер
Москва

«ИСКУССТВО ТАК ПЕРЕПЛЕТЕНО С ЖИЗНЬЮ...»

Владимир Михайлович Голицын успел так много задумать и осуществить, что этого хватило бы на несколько творческих биографий. Кем он только не был, потомственный князь Голицын! Плакатистом (делал «Окна РОСТА» в Туле), художником-декоратором (работал в Богородицком театре), книжным иллюстратором (сотрудничал с Борисом Житковым, сделал свыше трехсот иллюстраций для книг, журналов «Вокруг света», «Знание — сила», «Всемирный следопыт»), матросом (служил на шхуне «Друг жизни», курсировавшей по Азовскому морю), судостроителем (принимал участие в строительстве первого советского научно-исследовательского судна «Персей»). Он изобретал детские игры, был одаренным литератором.

Он менял профессии и занятия не потому, что был человеком, лишенным внутренней цельности. Его гнало ненасытное любопытство к жизни. Его влекло многое, но больше всего — море. «Я ушиблен морем»,— записал он в своем дневнике, тоскуя по морским просторам в подмосковном Дмитрове. А в середине тридцатых годов в его дневнике появилась такая запись: «Я не сумел сделать того, что мог сделать, не развил то, что было заложено во мне». Он был слишком требователен и порой несправедлив к себе.

Его сын Илларион Владимирович Голицын так описал отца:

«Владимир Голицын: худое лицо, длинный, тонкий нос, пристальный взгляд, капитанка с черным блестящим козырьком, рюкзак за плечами — «надо ехать в Москву». И представляешь себе, как идет по Москве коробейник XX века: за плечами у него рисунки для книг и журналов, настольные игры, модели хитроумных игрушек, эскизы плакатов, картинки для спичек.

Он идет от издательства к издательству, собирая заказы, предлагая готовые работы. Его, знатока корабельного дела, любят в редакциях. Да еще, может быть, расскажет он что-нибудь, пусть немного легкомысленное, но веселое, про архангелогородское житье-бытье, про Мурман или «дмитровских чудаков»...

В каталоге, выпущенном к первой персональной передвижной выставке Владимира Михайловича, которая состоялась только в 1981 году, его биография расписана подробно ... до последних лет жизни. В конце лишь две короткие записи:

1941-й — работает над антифашистскими темами.

1943-й — умирает в г. Свияжске.

Между этими датами — пробел.

В семье Иллариона Владимировича хранятся письма и дневники, которые помогут нам сегодня восстановить, что же произошло за эти два года.

ИЗ ДНЕВНИКА ЕЛЕНЫ ПЕТРОВНЫ ГОЛИЦЫНОЙ

«22 ОКТЯБРЯ 1941 г. 12 час. дня.

Пришли двое и опять просили паспорта. Мы сказали, что только вчера проверяли. Тогда они предъявили ордер на арест Владимира.

24 ОКТЯБРЯ.

Передала Владимиру в Дмитрове кое-что из еды и одеяло, которое он просил. Он сидел два дня в милиции, а потом его увезли в Москву.

27 НОЯБРЯ.

Вчера вернулась из Москвы. Пять дней там нет тревог и не стреляют. А в Дмитрове плохо. Немцы сегодня уже в Сенькове, за 18 км. Самолеты летают, стрельба... Полезли все в убежище к Маше и будем пережидать. Страшно, но какое-то спокойствие и обреченность. О Владимире ничего не известно. Говорят, политзаключенных угнали в Новосибирск. Будем ли живы?»

Они остались живы. Судьба уберегла семью — Елену Петровну, троих детей. Сам же Владимир Голицын погиб в Свияжске в исправительно-трудовой колонии № 5 в возрасте 42 лет. Он не был расстрелян. Он умер «естественным» путем — от заболевания пеллагрой, стремительно развившейся у него в условиях лагерной жизни.

Поначалу, оказавшись в местах заключения, Владимир Михайлович умолял лишь об одном — сообщить ему о судьбе родных. Он писал Павлу Дмитриевичу Корину:

«1942 год...

12 ИЮЛЯ.

...Я в тюрьме 8 месяцев. Ничего не знаю о своих родных и знакомых... Если что знаете про моих, сообщите мне, пожалуйста... Мой адрес: В. Услонский район. Свияжск Тат. ССР, ИТК № 5, КВЧ, художнику Голицыну...

5 АВГУСТА.

...23 октября 1941 я был эвакуирован из Дмитрова и с тех пор ничего не знаю о моей семье. Умоляю, если что знаете о них, сообщите... Самому мне довольно хорошо: работаю по любимому делу».

Письма В. Голицына Корина в Москве не застали. К тому же и сам Павел Дмитриевич пребывал в это время в опале (на случай ареста держал в прихожей собранный чемоданчик), и потому его появление в Дмитрове, в случае получения писем, могло бы вызвать непредсказуемые последствия как для семьи Голицыных, так и для самого Корина. В конце концов некий Н. С. Афанасьев, которому чудом удалось вырваться из лагеря, нашел семью Елены Петровны Голицыной и сообщил ей о местонахождении ее мужа.

С той поры завязалась переписка, горькая и мучительная для обоих.

ГОД 1942... Е. П. ГОЛИЦЫНОЙ.

«29 АВГУСТА.

*...Дорогие мои! Наконец вчера получил открытку... Вы, мои близкие, все живы и здоровы и выжили без меня... Живу в исправительно-трудовой колонии. Бывшем старинном монастыре в г. Свияжске... Я очень, видимо, переменился, все здесь меня зовут дедушкой... (Ему был всего 41 год.— **И. В.**). Приговора пока у нас, арестованных в октябре в Москве, нет, но, вероятно, скоро будет, и тогда отправят дальше в Сибирь или еще куда... Плохо пишу... Я считал, что Дмитров был занят врагом. Меня так в этом убедили...*

В. ГОЛИЦЫН. Эскиз деревянной коробки «Песнь мою жалобную» (1923).





В. ГОЛИЦЫН. *Эскиз деревянной коробки «Архангельский город» (1923—1924 гг.).*

Эскиз деревянной коробки «Матрос люби мене...» (1923—1924 гг.).

5 СЕНТЯБРЯ.

*...Ларю (так звали в семье сына Иллариона.— **И. В.**) молодец, с натуры больше пиши. Хорошо бы его с Павлом Дмитриевичем свести — он его поучит. Я сейчас лежу в больнице... У меня украли сапоги и галоши... Зима меня страшит...*

10 СЕНТЯБРЯ.

...Поздравь меня, моя милая женушка! Вчера меня вызвали в УРЧ, где в обществе нескольких веселых девиц, очень симпатичных, одна из них прочла мне приговор: ПЯТЬ ЛЕТ исправтрудлагерей... Я выслушал приговор равнодушно (ждал десять), сострил довольно плоско: «Год я уже отсидел, а там одна пасха, две пасхи, три пасхи — и дома»,— на что последовал взрыв хохота... Я читаю много, начал рисовать... Живу сегодняшним днем — ни о чем думать не могу. Мозги засохли. Память ослабела. Туп я стал старчески... Пайки хлеба здесь (как и во всех лагерях) часто бывают с довесками, которые прикалывают сосновой палочкой... Нижняя корка иногда бывает горелая. Я ее скребу в кружку и лью немного воды. За ночь получается настой. Утром наливаешь в него кипяток, и получается восхитительный напиток вроде кофе...

17 ОКТЯБРЯ.

...А ведь как хорошо мы жили! Так хорошо! Счастье вот какое было... Я жил и чувствовал его... Теперь посланы на нас испытания... Терпение, вера и воля пережить нужна...

2 НОЯБРЯ.

...Здесь сейчас работает комиссия по разгрузке колоний от балласта... Разных инвалидов и доходяг, не глядя на статьи и сроки, будут освобождать... Еще, конечно, масса слухов и в связи с 25-й годовщиной. Ждут широких амнистий... Вообще живу воспоминаниями. Каждую мелочь нашего быта как в лупу рассматриваю... Ларюшка, рисуй больше! Попробуй портреты. Для меня мамá нарисуй!..

5 НОЯБРЯ.

...Начну делать календарь «Сорочинская ярмарка» для начальника санчасти. Еще делаю календарь «Руслан и Людмила». Лежу и такие фантазии развожу на бумаге. Я ведь все привык для печати работать, а тут никаких технических и производственных барьеров нет, рисуй и крась как тебе вздумается. Это очень приятно. Вот, Ларюшка, ты тоже обязательно делай большие композиции — фантазию развивать нужно. Читай биографии знаменитых художников, смотри, как они трудились... Наблюдай. Жаль, что не рисовал прошлой осенью «раненую» белую школу и другие здания в городе — то были бы ценные рисунки...

Душка моя! Не может быть, чтобы я здесь загнулся и жизнь моя уже кончилась для воли. Неправда, выгребу... так хочется тебя еще любить!..

6 НОЯБРЯ.

*...По иронии судьбы я лежу рядом с человеком, который лично отправлял (расстреливал.— **И. В.**) в «последний полет» Георгия и Сиверса (Георгий Осорбин — муж старшей сестры Владимира, Александры Голицыной.— **И. В.**). Теперь он малость рехнулся, и ему все мерещится, как они падают и другие...*

23 НОЯБРЯ.

...Питание сильно ухудшилось. За ноябрь не получил ни грамма жиров. Капуста одолела. Нужно рассчитывать на худшее... Пеллагра — ужасная вещь... Я так раскис, что поработаю часа три и больше не могу... Испытания ваши и мои ужасны. Но может быть еще хуже. Глупо, что жизнь зависит от месяца нормального питания. Мамá, благослови...

27 НОЯБРЯ.

...Милый мой Ларюша! Большое спасибо тебе за рисунок. Так он перенес меня к вам, в наш с мамой уголок, любимый. Ничего в нем не изменилось, даже пепельница стоит. Рисунок неплохой. Только недостаточно выявлен угол. Нужно, чтобы чувствовалось, что

стены уходят от тебя вглубь. Это достигается внимательной проработкой света и тени. Главное — во всяком рисунке понять и выявить форму. Левую стену нужно было дать потемнее... К Корину просись...

14 ДЕКАБРЯ.

*...Здоровье мое ничего. Но через час могут быть опять припадки (приступы пеллагры.— **И. В.**), и тогда хоть вешайся... ЭТО ФИЗИЧЕСКИЕ СТРАДАНИЯ, К КОТОРЫМ НУЖНО ОТНЕСТИСЬ С ПРЕЗРЕНИЕМ. ТОЛЬКО ОЧЕНЬ УЖ ДОЛГО ВСЕ ЭТО ПРОДОЛЖАЕТСЯ...» (выделено мной.— **И. В.**)*

6 февраля 1943 года художник В. Голицын скончался. Было ему 42 года.

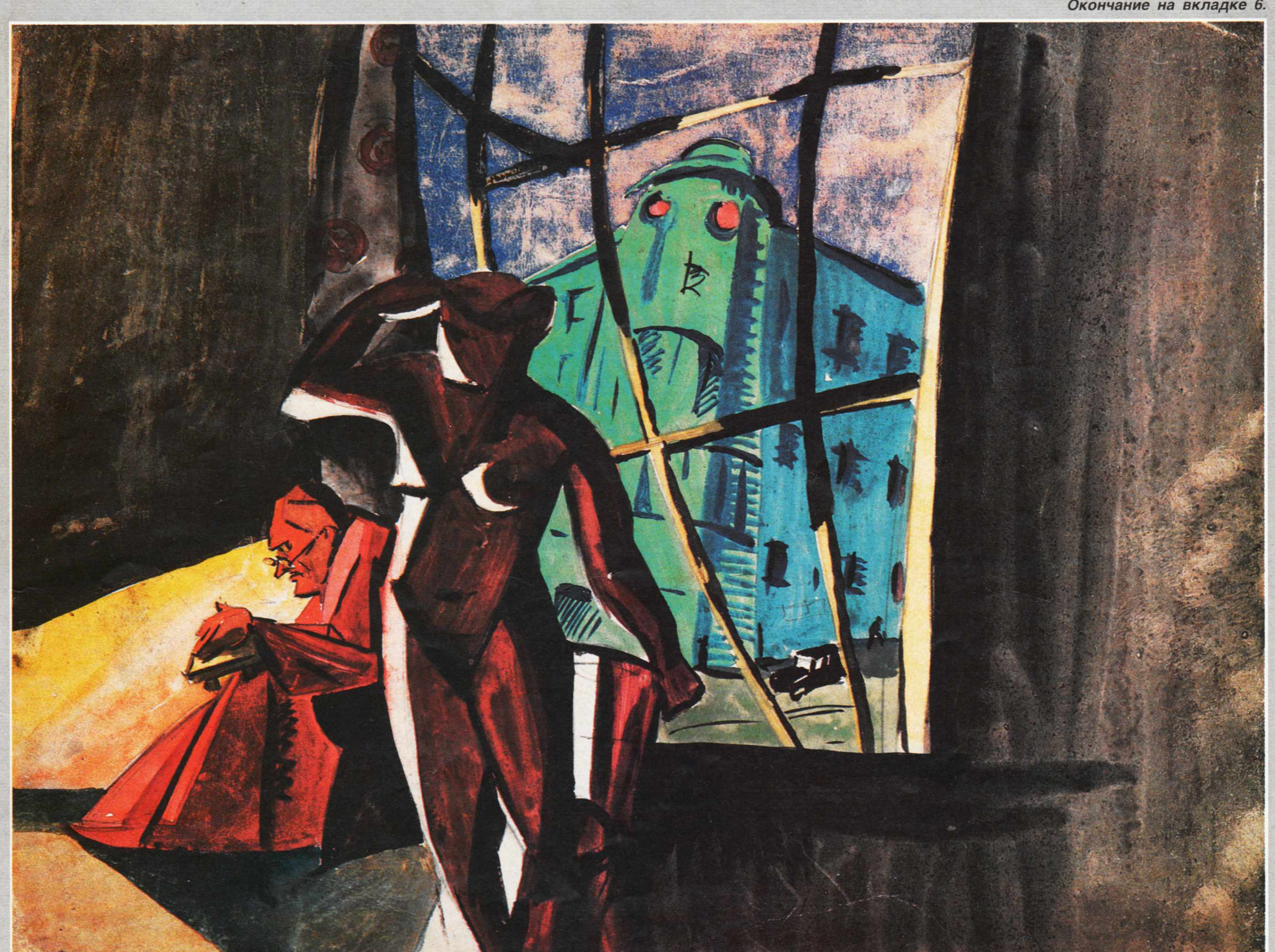
Его сын Илларион Владимирович Голицын унаследовал от отца не только талант художника (признанный современниками, он заслуженный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР), но и непреодолимую тягу к экспериментаторству в искусстве. Акварель у него чередуется с рисунком, рисунок — с гравюрой. В последнее время он увлечен работой с известняком. Два года назад, во время его большой выставки в Доме художника на Кузнецком мосту, для многих стали неожиданностью представленные им скульптуры.

И все-таки есть у него тема, которая проходит через все его творчество.

— Моя живопись,— говорит Илларион Владимирович,— во многом связана с портретами предков. Я родился и вырос под ними. Они на меня всегда и постоянно действовали; они за мной следили и, возможно, обсуждали жизнь семьи, когда оставались дома одни. И ни-

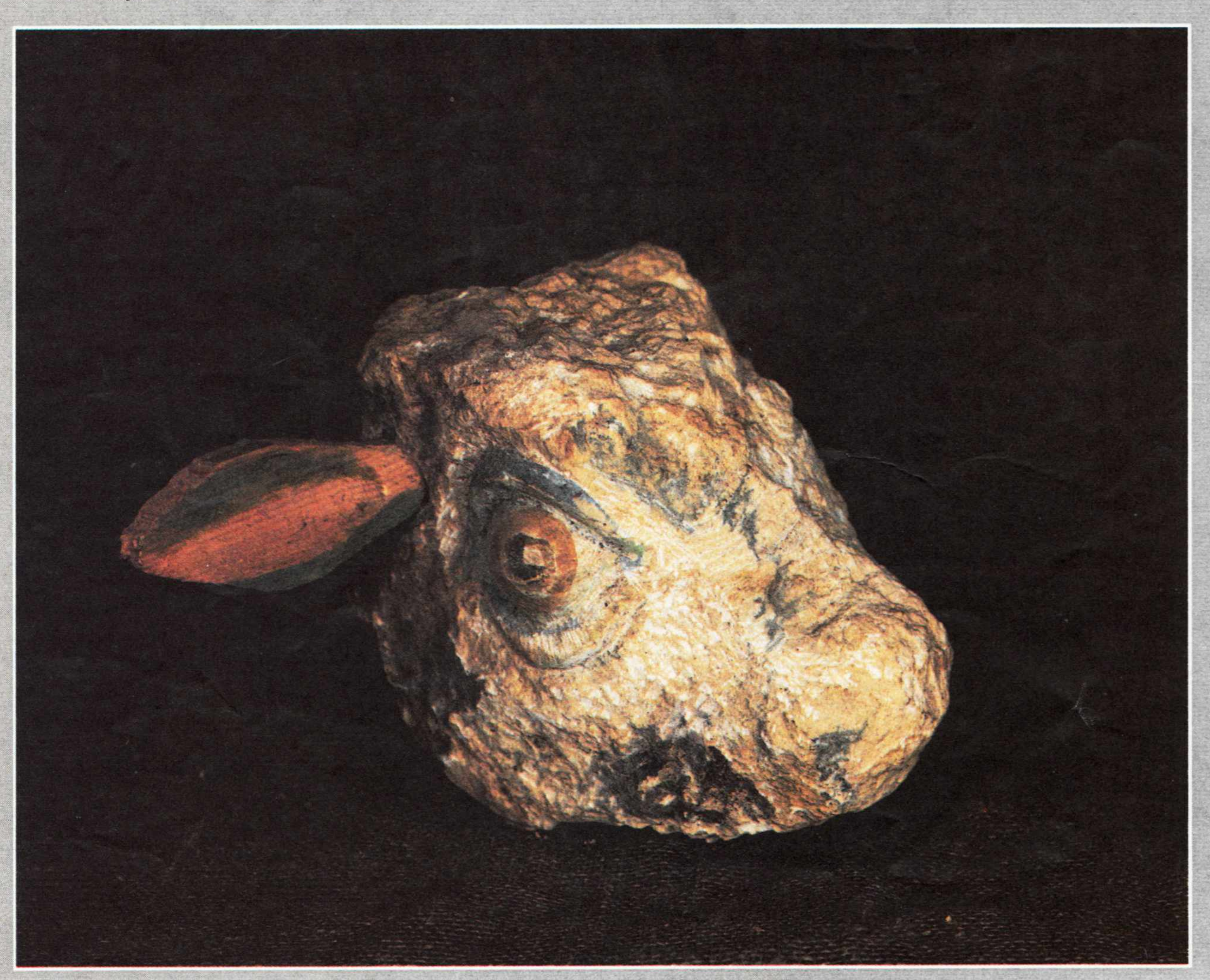
Окончание на вкладке 6.

В. ГОЛИЦЫН. «У окна» (20-е годы).



«Трубецкие» (1989).

И. ГОЛИЦЫН. «Голова теленка».



Семья Трубецких родственна семье Голицыных: Михаил Владимирович Голицын, дед И. Голицына, приходился братом Елизавете Владимировне Трубецкой (на картине она изображена матерью), глава изображенной семьи — Владимир Сергеевич Трубецкой был близким другом В. Голицына, отца художника. Владимир Сергеевич известен как детский писатель, публиковавшийся под псевдонимом Ветов. Он автор известных мемуаров «Записки кирасира». В период сталинского деспотизма из всех старых дворянских семей самый тяжелый и сокрушающий удар пришелся именно по Трубецким. Отец, мать и две дочери погибли в концлагерях, называвшихся исправительно-трудовыми, старший сын там же отсидел 10 лет, двое младших сыновей прошли Великую Отечественную войну, после которой один из них был репрессирован и сослан на пять лет в рудники Джезказгана. До ссылки семьи в Андижан в 1934 г. Трубецкие тихо и мирно жили в Загорске, у Лавры...

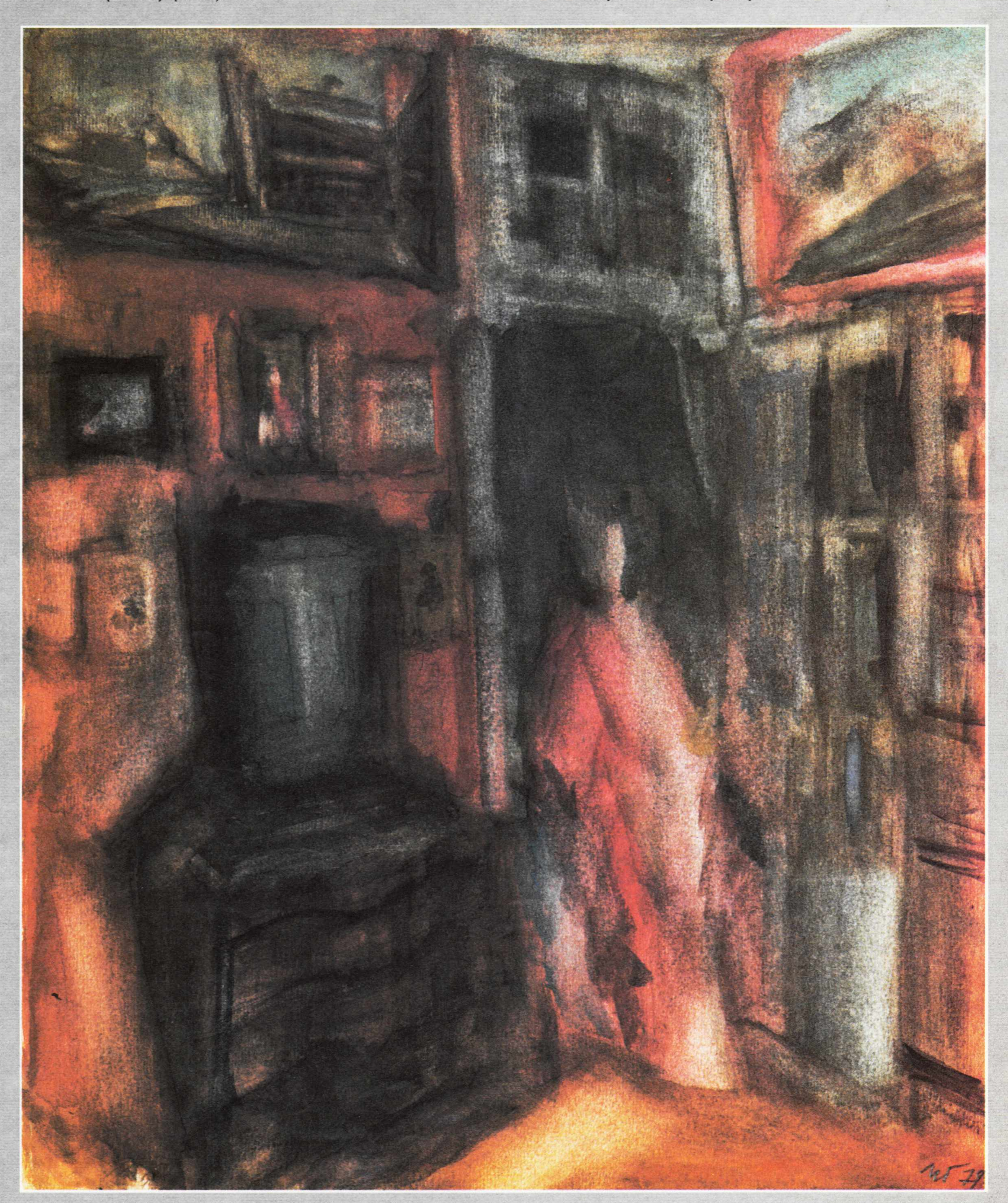
История ее создания такова.

Однажды, когда у внука художника Егорки гостили его маленькие друзья, Илларион Владимирович предложил им порисовать и задал тему.

— Вот на стене,— показал он на небольшую картину,— портрет Параши Жемчуговой, известной актрисы прошлого века. Представьте себе, что внезапно она пришла в наш дом и уже прошла по нему и вот-вот войдет в эти двери... Зачем? Это загадка. Но это надо нарисовать...

Однако вышло так, что мотив сближения времен далеких и близких захватил автора, внезапно ощутившего себя во вневременном пространстве. Он стал писать...

И. ГОЛИЦЫН.
«Гостья» (эскиз) (1982).





И. ГОЛИЦЫН.
«Письмо от Демидова» (1987).

В центре картины в красном изображен П. А. Демидов, который как бы «слушает» чтение письма своего к зятю Хозикову о семейных делах, а также об устроении Ботанического сада в Москве, впоследствии известного во всей Европе и о котором как о любимом детище говорил: «...жадно веселюсь на растения...» Письмо же праправнукам Демидова читает А. И. Ефимов (в синем), зять Демидова Хозиков изображен справа от Демидова.

какой мистики! Они были частью интерьера нашей нанятой дмитровской квартиры и частью моей жизни.

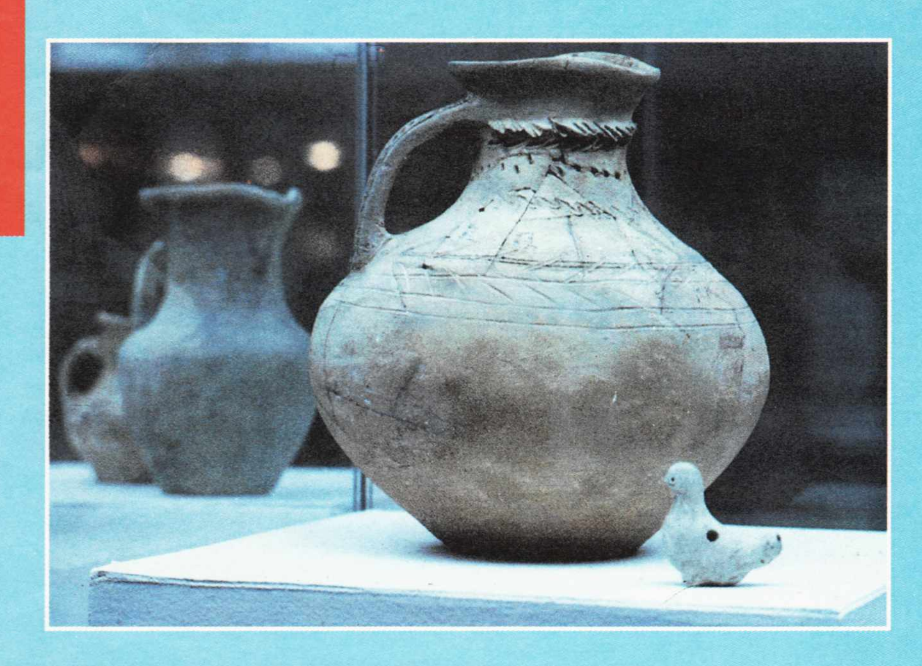
Может быть, это плохо, но, дожив до 60 лет, я не сотворил словесного определения моего кредо. Искусство так переплетено с жизнью, а в жизни все так взаимосвязано и изменчиво, что выработать что-то постоянное и ему следовать я считаю невозможным. Бесконечное число лет люди вырабатывали правила жить и нарушали эти правила, причем чем дальше во времени, тем это делалось более жестоко. Надо еще и еще учиться жить по-человечески, а не по-звериному, но, увы, каждый человек проходит этот путь заново.

Моя работа — мое кредо. Меня больше беспокоит, не умерли бы во мне любовь и надежда. Мечтаю о будущих работах. Они мерещатся, встают перед глазами как бы уже сделанные, но пока их нет. Они связаны с желанием соединить в пластической форме зверски разорванные семейные связи, и не только моей семьи, вспомнить безвинно погибших людей.

Последнее время много ездил. Был в Каргополе, Риме, Бухаре... Восторгался великими творениями архитекторов, живописцев, скульпторов разных эпох, разных народов. Увидел единство их святых усилий. Хочется склонить свои кисти перед их памятью, что-то сделать в их память.

А больше всего я люблю изображать комнаты с «тенями предков» и бегающими внуками.

И. ВИШНЕВСКАЯ



РУКОТВОРНАЯ ГЖЕЛЬ

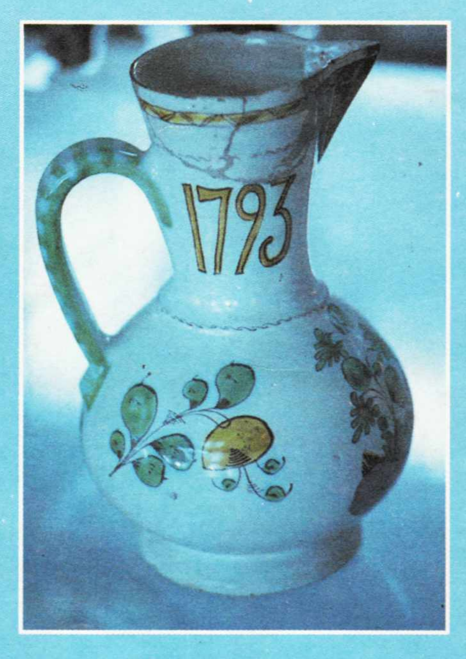
Искусству Гжели посвящены десятки статей, научных исследований, книг, фильмов. Фарфор и керамика в гжельском стиле украшают не только дома, но и собрания многих художественных музеев. Казалось бы, тема изучена со всех сторон. Но почему же Гжель по-прежнему манит людей своей простотой и загадочностью?

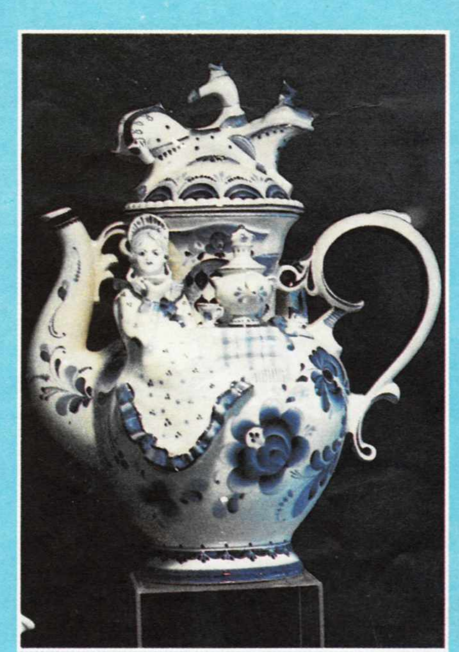
Шесть с половиной веков назад вдоль Касимовского тракта была найдена глина удивительной белизны. К годам царствования Ивана Калиты восходят истоки создания чудесной посуды, покрытой белой эмалью и украшенной цветной майоликой, которая навсегда стала мировой славой России. Но путь развития промысла был непрост. На рубеже XX века Гжель пережила кризис. Старые художники умирали, секреты забывались. Печальный итог забвения, который постиг многие русские традиции, был недалек. Лишь сравнительно недавно промысел стал возрождаться, набирать утраченную силу.

Белые с синим чашки и чайники, вазы и сахарницы необычайно красивы. Кто откажется стать обладателем истинного произведения искусства в каждодневном быту, где так мало красивых вещей?

Но есть и другая, может быть, неосознанная сторона в нашей любви к Гжели. Это гордость. В мире каждодневно развенчиваемых ценностей Гжель — ценность действительная, проверенная веками, лишенная конъюнктуры и сиюминутности. Сейчас она — в зените моды. И хотя объединение «Гжель» выпускает триста пятьдесят наименований разных изделий, купить их практически невозможно. Предприимчивые кустари продают пользующиеся вынужденным спросом подделки «под Гжель». Но разве сравнимы они с настоящими образцами этого промысла — самой яркой, поэтической страницы в истории русского фарфора.

Н. ТОЛСТИКОВА

















АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

СКОЛЬКО СТОИТ «ПОСМОТРЕТЬ»

**Миллионные армии иностранных туристов «оккупируют» ежегодно гостиницы нашей страны...
Как улучшить сервис? Где взять валюту?
Выгоден ли нам туризм?..
Чтобы получить ответы на эти и другие вопросы, «Огонек» отказался от мысли забираться на самый верх иерархической лестницы системы «Интурист», а поинтересовался мнением человека, непосредственно напрямую связанного с клиентом и знающего о проблемах сервиса не понаслышке.
На вопросы специального корреспондента «Огонька» Михаила КОРЧАГИНА отвечает один из руководителей ведущего в системе профтуризма комплекса директор гостиницы Центрального Дома туриста Владимир АБРАМОВ.**

— Владимир Александрович, ситуация в стране изменилась настолько, что это не могло не отразиться и на иностранном туризме. В чем это выражается?

— Обстановка действительно диктует свое. Раньше, например, был политический смысл возить по стране братьев по классу и, бахвалясь, показывать наши «достижения»: плантации узбекского хлопка, мирные «безопасные» АЭС и т. п. Но сегодня, когда оказалось, что наши достижения дутые и в большинстве своем находятся под огнем критики, имеет ли смысл, а тем более политический, заниматься показом всего этого? Я, естественно, не за укрывательство недостатков. Тем более о наших «достижениях» заграница знает не хуже нас с вами. Я всего лишь за то, чтобы круто изменить подход к интуризму как таковому. Ведь туризм — это не только и далеко не одна политика. Прежде всего это и экономика, тем более что самые эффективные, быстрые капиталовложения и отдача от них именно в туризме. Во всех развитых странах по статьям дохода государству сфера туризма стоит на первом-втором месте. Это один из столпов экономики.

Думаю, хватит нам заниматься благотворительностью и продавать за бесценок наши туры (туристические платные маршруты с гостиницей, транспортом, питанием и т. д.— **М. К.**). Ведь уже давно не секрет, что, часто руководствуясь политическими, а не экономическими соображениями, мы сбываем их по дешевке, зарубежные бизнесмены перепродают их за большие деньги, так как интерес к нашей стране сегодня очень высок. Идет типичная спекуляция. Так почему бы нам не заняться своим бизнесом без посредника?

— Что касается советского туриста, то его, естественно, ждет за рубежом первоклассный сервис. Но в состоянии ли мы обеспечить такой же уровень? Ведь пребывание интуриста в стране стоит недешево. Оправданны ли эти расходы? Насколько мне известно, даже в гостиницах «Интуриста» катастрофически ветшает база, приходят в негодность мебель, инженерная система. Почти за год работы, думаю, здесь вам это бросилось в глаза.

— Совершенно верно. Мы прежде всего должны обеспечить высокий класс обслуживания. А для этого нужна валюта. Она, конечно, нужна всем, но в отличие от многих мы можем ее зарабатывать сами. Весь парадокс ситуации в том, что зарабатывать ее мы не очень заинтересованы.

— Почему? Это же реальная возможность улучшить обслуживание и увеличить прибыль.

— Правильно. Но ту валюту, которую платят нам партнеры, мы (непосредственные производители услуг) не получаем. Но кому, как не нам, виднее, что нужно отремонтировать, купить, для того чтобы повысить класс гостиницы, а на будущее заинтересовать зарубежного туриста приехать к нам еще раз. Этой валюты мы не получаем никогда, то есть она как-то опосредствованно куда-то там перечисляется, а нам потом централизованно выделяются крохи для латания дыр. Мы давно ведем речь о введении в гостиницах, подобных нашей, валютного счета, как это сделано в гостиницах «Интуриста», чтобы интуристы наконец могли бы оплачивать услуги валютой. Но нас не слышат, а может, не хотят слышать наверху...

— Так куда же все-таки идет львиная доля доходов?

— Доля действительно львиная. 75% (!) из них, как выяснилось, забирается вышестоящими организациями и идет в основном на содержание аппарата, существование которого без нашего труда немыслимо. Тот, кто не может производить, естественно, может только распределять, хотя и распределять нужно по справедливости. Кстати, за рубежом вот эта огромная армия и распределяет то, что мы зарабатываем. Причем, как это делается, мы, естественно, ничего не знаем, а знаем только одно — выполнять немыслимые планы, которые ничем не обоснованы и сориентированы на поголовье туристов. Составлены они в основном так, что диву даешься, как от такой жесточайшей, варварской эксплуатации разваливается то, что могло бы принести больше прибыли. Кстати, о рентабельности. За рубежом на одного туриста приходится 0,4% обслуживающего персонала. У нас в среднем по системе два (!) человека обслуживают одного туриста.

— Почему такая разница?

— Потому что их чиновничий аппарат в расчет не берется. Их чиновники сами зарабатывают себе деньги. С нашими чинушами такой вариант, естественно, не пройдет. Без полного хозрасчета и **децентрализации** наши отношения развивались и будут развиваться строго по вертикали, хотя мы должны наконец увидеть друг в друге равноправных партнеров, а не начальников и подчиненных. В нормальных деловых отношениях не должно быть понятий «вышестоящая организация». И хотя на сегодняшний день Центральный совет по туризму и экскурсиям пытается создать некую ассоциацию, управленческая функция все-таки остается за ним, то есть происходит примитивная смена вывески, и не более того. При таком положении обеспечить иностранцам высший класс обслуживания невозможно. Ведь подчас, приезжая сюда с очень большими деньгами, капиталисты не могут их потратить. За примерами далеко ходить не приходится. В нашу гостиницу Центрального Дома туриста недавно приехали американцы, имевшие на руках карточки (серебряные, золотые, платиновые). Так вот, по этим карточкам они не смогли здесь получить деньги. А ведь это гостиница международного, высшего класса «А». Мы попробовали было узнать, где можно это сделать, но никто толком ничего сказать не смог. Господа так и уехали, не использовав ни одну из карточек, так и не пополнив нашу казну валютой, а ведь иностранный турист — особый вид туриста. Он целенаправленно откладывает деньги на отдых. Эти деньги он уже списал со всех счетов, балансов. Он должен их потратить. Если внимательно посмотреть на инфраструктуру, как именно расходуются деньги за рубежом, то мы увидим, что в среднем в развитых капиталистических странах человек тратит на развлечения до 30%. Помочь им потратить эти немалые деньги, которые по идее могли бы осесть в кармане нашего государства, мы пока не в состоянии.

— При возросшем интересе к СССР, уверен, вполне возможен и сбыт туров на аукционах.

— Естественно. Причем туризм должен быть не только групповым, но и индивидуальным.

— Индивидуальный развлекательный туризм — дело, несомненно, прибыльное. Но только ли одна эта форма возможна в перспективе?

— Думаю, нет. Одной из перспективных и прибыльных форм индивидуального туризма должен стать иностранный туризм для деловых людей. Туристами в данном случае мог бы стать бизнесмен, фабрикант, который хотел бы вложить свой капитал в одно из предприятий в нашей стране. Чтобы принять окончательное решение, он, естественно, должен посетить Союз, побывать на ряде интересующих его предприятий, причем деловая часть маршрута непременно сочеталась бы с отдыхом, развлекательной программой. Желающих на такой вариант посещения нашей страны, уверен, нашлось бы множество.

— Все-таки отсутствие делового туризма у нас — не такая уж помеха для зарубежного бизнесмена, решившего вложить деньги в наше предприятие. В другом, куда более сложном положении наши, советские, предприниматели. Некоторые из них подчас специально едут с туристической группой в развитую страну, чтобы чуть ли не украдкой, отколовшись от официальной группы, посетить фирму, познакомиться со специалистами своего профиля. Как никому, необходима нашему предпринимателю такая форма индивидуального туризма.

— Согласен. Кому, как не ему, важно знать конъюнктуру их, западного, рынка. И знать это он, естественно, должен не понаслышке, не со слов залетного фирмача. Ему необходимо понять и увидеть все самому: как, допустим, пилят древесину с меньшими отходами, сколько стоит доска из этой древесины и стул из этой доски. Ведь, не постигнув реальной цены, невозможно изготовить изделие, соответствующее уровню мировых стандартов. Польза от делового туризма бесспорна и несомненно высока.

— Если исходить из ваших ответов, то становится очевидным, что настоящего рачительного хозяина в сфере иностранного туризма нет. Вы неоднократно выступали в прессе по вопросам управления. Как, по-вашему, где же выход? Как помочь выпутаться из сети проблем?

— Не так давно большинство проблем было бы разрешено. Палочка-выручалочка валялась под ногами. Ее оставалось бережно поднять и взмахнуть ею. Я имею в виду кооператоров, которым раз и навсегда запретили заниматься этим родом деятельности. Я понимаю, когда кооператорам запрещают заниматься созданием баллистических ракет, но почему им запретили заниматься туризмом, понять никак не могу. Да и не только я один. А главное, что вся беда в том, что само-то государство, имея такую «золотую корову», как иностранный туризм, не может как следует ее «подоить». Причем доверь государство кооперативам туризм хотя бы внутри страны, прибыли государству, уверен, были бы астрономические.

— Но как бы мы с вами ни сожалели по поводу наложенного запрета, он не снят, и никаких внятных объяснений от правительства мы так и не услышали. Где же искать выход?

— Прежде всего нужно определиться, кто же все-таки хозяин всей туристической базы. Ведь до сих пор в советской практике не было случая, чтобы хотя бы одна гостиничная фирма вырвалась из-под опеки.

При условии необходимой и полной децентрализации в основе гостинично-туристического хозяйства должна лежать **аренда** с разумным госзаказом. Ведь уже давно стало очевидным, что крупные туристические комплексы сами способны сформировать свои туристические программы, как валютные, так и безвалютные, но контроль за всем этим должен выражаться не в запретительных мерах. Наказывать и поощрять будут исключительно рублем.

Только при аренде будет возможна ликвидация немыслимых структур, которые возвышаются над нами. Сами посудите, над одним только нашим ЦДТ пять структур, имеющих право указывать, давать советы и рекомендации, обязательные для исполнения, причем никто из них лично материальной ответственности не несет. Это Московский совет по туризму и экскурсиям, Центральный совет, причем в последнем есть вновь созданное объединение по международной туристической деятельности. Кроме того, над нами «Интурбюро», объединение «Турист». Плюс ко всему в Московском Совете уже имеется новый отдел внешнеэкономической деятельности. И всю эту иерархическую махину мы, подобно атлантам, держим на своих плечах. Все они, вцепившись в административные вожжи, навязывают нам свою волю, издают несуразные приказы, указуют на устаревшие инструкции и прейскуранты времен застоя.

— Один современный мудрец сказал однажды, что платил бы из кармана своего предприятия высокую зарплату чиновникам из родного министерства, лишь бы они *ничего не делали*, **не издавали глупых приказов, не мешали делу...**

— Честно говоря, мы платили бы своим чиновникам даже повышенную зарплату, только бы не ощущать на себе их «заботу» и так называемую руководящую, направляющую роль.

— Что же, будем надеяться, что с руководящей ролью вскоре будет покончено. И не только в сфере туризма.

— Хотелось бы в это верить...

ИСКЛЮЧЕНИЕ

Шел «оттепельный» 1958 год... Проучившись пять лет в Литературном институте, студент не получил диплома. Эта история может показаться незначительной. Мало ли студентов исключаются из институтов — даже на последнем курсе? Однако диплом творческого вуза не получил исключительно талантливый поэт — в конечном счете именно потому, что талантлив. И, наконец, собрание в Литинституте, на котором все решалось, стало своеобразной репетицией тех «процессов» над поэтами, которые проводились в нашей стране уже не в сталинские годы, а во время «оттепели»,— это и травля Пастернака, и судилище над Бродским...

Геннадий Николаевич Айги родился в 1934 году в деревне Шаймурзино Чувашской АССР в семье сельского учителя. В 1953 — 1958 годах учился в московском Литературном институте имени М. Горького, занимался в поэтическом семинаре Михаила Светлова, писал на русском и чувашском языках. В числе тех, кто первым оценил его поэзию, были Виктор Шкловский и Назым Хикмет. Борис Пастернак, по свидетельству его ближайшего окружения, об Айги неизменно отзывался словами: «Он — особо отмеченный». Позже, в 1975 году, Роман Якобсон назвал его «экстраординарным поэтом современного русского авангарда». В 1960 году полностью перешел на русский. Русскоязычные его стихи стали широко известны в переводах на европейские языки, отдельными книгами появились в Польше, Чехословакии, Венгрии, Югославии, ФРГ, Франции, Голландии, Швейцарии и Англии. На русском два тома его стихов были изданы в ФРГ (1975) и во Франции (1982). Семь поэтических сборников (представляющие в основном ранний период его творчества) изданы на чувашском.

Много занимался Г. Айги переводческой деятельностью. На чувашский им переведены «Василий Теркин» А. Твардовского (вышел в 1959 году без указания имени переводчика), отдельные произведения Тютчева, Маяковского, Пастернака и Мандельштама, изданы антологии: «Поэты Франции», «Поэты Венгрии» и «Поэты Польши».

В 1986 году в Риме появилась фундаментальная «Чувашская антология», составленная Г. Айги, в этом году она будет опубликована во Франции и Англии под эгидой ЮНЕСКО.

Геннадий Айги — лауреат премии Французской Академии (1972), Венгерского литературного, театрального и музыкального агентства АРТИСЮС (1980), польского Пен-клуба (1989). Только что ему присуждена Государственная премия Чувашской АССР имени К. В. Иванова.



ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Из речи поэта Александра Жарова на Первом учредительном съезде писателей Российской Федерации 10 декабря 1958 года.

〈...〉Идейная незрелость приносит нередко большие огорчения писателям со стажем и с именем. А для некоторых молодых, начинающих писателей она просто губительна. Я хотел бы привести один пример, который, конечно, нетипичен, но и над нетипическими обстоятельствами иногда следует задуматься, чтобы они не стали типичными.

В Москву, в Литературный институт, из одной автономной республики нашей Федерации〈...〉 приехал деревенский парень. Это было пять лет назад. Писал он стихи о родной деревне, о друзьях и подругах, о мечтах своих сверстников. За эти стихи, отмеченные явными признаками живого, притом оригинального дарования, юношу приняли в Литературный институт.

Прошло пять лет, и выяснилось, что за это время юноша научился писать такие стихи, за которые его хотели исключить из Литературного института,— и не без оснований. Мне пришлось читать дипломную работу этого молодого человека, представляющую целый стихотворный сборник. Я ужаснулся метаморфозе, происшедшей с автором. Его как будто подменили. Подстрочный перевод стихов, сделанный им самим, стал походить на перевод с какого угодно, только не с его родного языка. Ни его родной деревни, ни друзей, ни подруг в этих стихах уже не оказалось. Из них ушла живая жизнь, исчезли нормальные люди, взамен которых поселились какие-то условные, надрывные индивидуумы, вывернутые наизнанку.

Знаете что,— выпьем
За белые билеты,—
Вместо человеческого сердца
Когда-то они шуршали
В карманах ваших папаш.

Это пишет крестьянский сын... А читая, думаешь, что такое мог наляпать какой-нибудь молодчик из штата Оклахома, сын плантатора.

Откуда у скромного, хорошего советского парня эта чужая лексика, чужая поза нахала-индивидуалиста, презирающего всех, кроме себя?

Пускай я буду среди вас,
Как пыльная монета,
Оказавшаяся среди
шуршащих ассигнаций
В шелковом скользком кармане:
Звенеть бы ей во весь голос,
Да не с чем сталкиваться,
чтобы звенеть.

〈...〉Кто же из современников толкнул на этот сложный и ложный путь простого нашего паренька? Кто сбил его с верной дороги? Не Литературный институт, где, кстати сказать, учится у нас хорошая, талантливая, здоровая в идейном и моральном отношении молодежь. Этот парень подтверждает лишь пословицу: «В семье не без урода!» Литературный институт, правда, виноват: он тоже недоглядел. За пять лет не увидел, что в его воспитательную работу вносит поправку, как это вам ни покажется странным, все тот же пресловутый поэт, который позорно прославился недавно пасквилянтской прозой〈...〉.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ ГОРЬКОГО СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА КОМСОМОЛА

12 марта 1958 г.

Председатель т. Марченко.

Председатель: Товарищи, заседание комитета совместно с представителями райкома комсомола и профкома считаю открытым.

Повестка дня — обсуждение диплома студента V курса комсомольца Лисина[1]. 〈...〉

(Принимается.)

С места: Вы считаете, что ваш диплом является вашим творческим отчетом за всю вашу поэтическую работу хотя бы в стенах института?

Лисин: Нужно посмотреть все черновики, чтобы выяснить. Без этого это не может быть полным отражением творчества.

С места: Вы считаете, что лучшее вы представили?

Лисин: Да.

В. Савельев: Дипломные работы выпускников будут рассматриваться комитетом. Мы должны знать, кого выпускаем из института. Поступили тревожные сигналы, что выпускник — комсомолец Лисин — представил дипломную работу, в которой установка всего его творчества явно не комсомольская, не советская. Поэтому комитет комсомола решил рассмотреть дипломную работу Лисина. Комитет комсомола ознакомился с ней вместе с другими товарищами.

Поэт в каком-то душном сне. Это пишет надорванный человек. В Чувашии есть поэты, которые пишут мягкие, задушевные, лирические, чистые, светлые стихи. Каждый поэт должен брать искорки своей поэзии, а ты оттуда ничего не берешь. Поэт должен быть национальным. Этого нет в твоих стихах... У тебя анатомия, как будто человек — это мясо и полосы висят на нем, как ты пишешь. И ты стал в позу сверхчеловека, стоящего выше всех. К детству ты возвращаешься, чтобы опять подчеркнуть свое одиночество...

Комсомолец должен писать стихи с партийной установкой. Если стихи насквозь пронизаны ницшеанством, они нам не нужны. "Одиночество придумал человек островов. А как назвать одиночество среди людей?" Остальные себя не чувствуют одинокими. Комсомолец Лисин написал такие стихи и написал дипломную работу, основываясь на этих стихах в своем творчестве. Такими стихами защищать диплом нельзя, это будет пятном на институте. Люди, которые будут говорить о том, что идут вразрез с интересами государства, не нужны, и такие стихи не нужны.

Стихи написаны очень талантливо, но явно враждебны нам.

Председатель: Кто хочет выступить?

В. Семернин: Лисин со своим выдуманным одиночеством стал еще плохим человеком. Это очень плохой друг, плохой человек. Он себя не уважает, он ползает в ногах у девушки. Как он относится к людям? Он свою любимую девушку называет сфинксом, царицей Спарты.

В стихотворении «Молчанье» маляры красят фонари. И здесь небольшая деталь, что цвет глаз напоминает цвет автола. Деталь должна нести ассоциацию, а автор делает людей механическими.

На стр. 11 он говорит, что возглас тоски похож на жалобный крик немого ребенка. Ребенок у него — это какой-то шимпанзе, он кричит, и у него это вызывает мысль об одиночестве.

Этот автор является сверхчеловеком в образах...

Стихотворение «Вдруг» — это Пастернак, который сложился до революции. Это было другое время. Но Лисин родился в нашей стране.

Кто тебе так позволит петь? Пой в одиночестве, но не в Литературном институте.

Встречи с богом, а не с людьми, одиночество говорят за то, что Лисин не комсомолец, но хочет числиться в списке комсомольцев.

Воробьев: Я мало знаком с творчеством Лисина, слушал его стихотворения и сравнивал их со стихами других товарищей. Впечатление такое, как будто к нам пришел нигилист из прошлого века и начал проповедовать свою мораль. Сейчас это впечатление подтвердилось, особенно когда т. Семернин продемонстрировал его стихи. Это не стихи советского поэта.

Кто-то заикнулся насчет талантливости Лисина. Талантливость в наши дни — относительная вещь. Чем талантливее будет писать Лисин, тем его талант больше будет играть на руку врагам, а не нам, строителям коммунизма. Говорить о таланте Лисина не стоит. Лисин — комсомолец, но есть пословица: «Лучше поздно — чем никогда». Поэтому правильно, что Лисин уходит из института. Ему это будет большой урок. Он очень плохой комсомолец, ему не место в комсомоле. У нас много молодых поэтов, которые, может быть, не в полный голос, но воспевают родину, советских людей и приближаются к понятию комсомольских поэтов. А Лисин очень далек от этого понятия.

Как т. Светлов, как руководитель семинара, допустил появление множества таких стихов? В данном случае т. Светлов не справился со своей задачей как воспитатель молодых поэтов. Об этом надо говорить открыто. Не знаю, почему товарищи обошли этот вопрос молчанием.

В. Дементьев: Разговор трудный, но я понимаю ребят, которые тщательно ловят свои ощущения от этих стихов, а они расползаются, и трудно выразить то, что чувствуешь. Примерно это происходило у большинства зрителей, хотя бы на международной выставке живописи — у наиболее модернистских картин, вызывавших противоречивые чувства и недоумение.

Я не хочу сказать, что стихи Лисина приближаются к модернистским картинам, но это ощущение характерно. Поэтому не находится слов, которые подсказали бы, в чем дело, в чем ошибки Лисина, по какому пути он идет, вот, в чем оно не удовлетворяет...

То, что вы делаете, опасно для молодых поэтов. Это трупный яд литературщины, он может отбить их от жизни потому, что это легче. Когда опыт очень ограниченный и человек мало знает о жизни и больше — из книг, это может внушить ему отвращение, презрение к людям, ощущение своего превосходства, своей самости и т. д. 〈...〉

Лисину надо поехать в родные места и посмотреть, как трудно хлеб достается мозолистыми руками, посмотреть, какая им поэзия нужна, что сделать, чтобы было легче, и уверовать в свои силы в том деле, которое мы все вместе делаем — и члены партии, и комсомольцы, и все советские граждане — на этой земле.

А. Власенко: До сих пор я не был подробно знаком с его творчеством. Правда, он был на семинаре у меня и показал себя как внимательный юноша, живой, впечатлительный, и я не мог предполагать, что́ в этой книге стихов встречу. Таких стихов я у него не встречал, и мне стало больно за людей, которые, проведя 5 лет в институте, выходят с произведениями, чуждыми духу социалистического искусства, которые эпигонски повторяют зады давно пройденного в нашей литературе, в борьбе за становление социалистического реализма. Это полный пессимистический индивидуализм. 〈...〉

Остановлюсь на стихотворении «Сказка». *(Читает.)* Крик, мычанье. Эти стихи — крик обиженного неизвестно на кого ребенка. Это постоянное раздражение. Стихотворения называются: «Усталость», «Одиночество». Он упивается этим. Эти стихи пессимистичны и алогичны. Поэтика, лежащая в основе этих произведений, антихудожественна, антиреалистична и иррационалистична. 〈...〉

Подстрочник у него очень хорошо выполнен. Это меня насторожило. Мы видим здесь сугубую выспренность. Форма соответствует индивидуалистическому содержанию. Здесь сочетаются эротические моменты с «тяжелым растягиванием тела» и т. д., идущие от литературы, а не от жизни. Здесь видны начитанность, наблюдательность, но это не идет от жизненной почвы, не обогащает, уводит в мир иррациональных понятий, абстракций, разрушающих поэзию. Нельзя так писать: как что-то назревающее, как что-то нерожденное, негатив мира.

Я не хочу сказать, что вы абстракционист, но неверное понимание поэзии ведет вас к неконкретности, нереальности. Это идет от чего-то зыбкого, не связанного с реальной действительностью...

Это обогащает только тогда, когда у нас прочные представления о жизни, прочная жизненная основа. Печально, что Лисин попал под влияние плохих образцов литературы, даже поэтов, которые сами преодолели первый этап и вышли из нигилистического частокола любимой дачи. Кроме творческого истощения, это ни к чему не приводит.

Судя по отдельным отрывкам, он талантлив, но эта талантливость, кроме вреда, ничего не дает. Мы должны задуматься над целью творчества. Это входит в эстетику социалистического реализма. Без ясной цели нельзя говорить о творчестве. А здесь я вижу цель неудовлетворенного мелкого честолюбия раздраженного человека. Одно дело — крик, стон, когда болит сердце за то, чтобы вмешаться активно в жизнь, а когда это самоцельное страдание, любование страданиями, мелкими чувствицами,— это бесплодно.

Виновата комсомольская организация, что мы не заметили, что товарищ уходит в сторону. Хорошо, что комитет комсомола пришел к этому. Рано или поздно Лисин поймет, что нужно избавиться от пессимистических мотивов, ближе соприкоснуться с жизнью.

Обидно, что в 1957 году после того, как поставлено много точек над «i», после выхода замечательного документа Хрущева о тесной связи литературы и искусства с жизнью народа, в 1957 году, озаренном 40-летием Октября, появляется сборник, идущий как дипломная работа, таких стихов. Сейчас ясно, в чем смысл нашей жизни. Лисин этого не понял.

Комсомольская организация должна обратить его внимание на более серьезное отношение к жизни. Иначе для него, как поэта, такое настроение — творческая гибель.

В. Фирсов: Бесспорно, что Лисин талантлив. Бенедиктов был талантливым, но погиб на формальной стороне своего творчества. Он не отразил сущности эпохи. О таланте судят по урожаю, так сказать. Что с таланта, если на нем вырастают сорняки?

Лисин, кажется, любит Твардовского и переводит его на чувашский язык. Мы живем в эпоху, которую обязаны отразить.

Здесь и стихи как будто не стихи. Все явления жизни у Лисина совершаются по всем законам механики, не по законам гуманности. Если бы там не было написано, что это подстрочник с чувашского языка, я не сказал бы, кто написал эти стихи. Здесь нет ни одной черточки, говорящей, что это пишет чувашский автор в нашу эпоху. Беспочвенные стихи. Если там есть что можно ощутить, то это ощущение омерзительно. Всюду у него мясо в стихах. На добрую партию людоедов хватит...

М. Светлов: Для меня комсомольское собрание — это вся моя жизнь, я с 1919 г. на комсомольских собраниях, но впервые в жизни я хочу возразить комсомольскому собранию.<...>

У меня был друг, титан русской сцены Дикий. Репетировалась моя первая, довольно слабая, пьеса. Я вижу, что актриса абсолютно неверно играет. Мне важно, чтобы она пришла к тому, что я хочу сказать, самостоятельно, сказал Дикий. Это метод воспитания, чтобы незаметно поворачивать актера или поэта.<...>

Я не хочу никого из вас унизить. Я понимаю ваше беспокойство, но оно должно было проявляться иначе, более товарищески, творчески...

Тут речь шла о том, чтобы исключить его из комсомола — этого не будет. И ручаюсь, что через несколько лет Лисин будет очень хорошим поэтом.

Все верно, и вместе с тем все неверно. Неверно потому, что у него сейчас травма. Если каждый год институт будет выпускать 5 талантов, это будет громадным достижением.<...>

Как можно ребенку запретить болеть корью?

Почему вы приводили только выборочные стихи? Дайте стихотворения: «Руки», «Отец». Его обвиняют в том, что он двуличен. Я двуличен, а не он. Я сказал: «Давайте вместе делать диплом».

Вы думаете, что я его покину? Нет. Я за ним буду следить. Так полагается в любом творческом вузе — всегда меньший процент талантливых. Меня пугают тем, что снимут с семинара. Большего горя у меня не было бы в жизни.

Исключить из комсомола. Что это такое? Если мы так будем действовать, мы дойдем до катастрофы. Нельзя так. Все должно быть теплее, ровнее, больше по-комсомольски — не только на собрании, но и вне собрания.

Все, что говорили, Лисин учел. У него есть молодое сопротивление. Он занял нарисованную позицию.

Неверно, что у него нет ничего о Чувашии, он умеет видеть. Даже под этим слоем наносного бьется живой родник. Как можно его погасить?

Давайте в более дружеском тоне подходить. Не будем делать Лисина общественным бедствием. Я напишу расписку, что полностью за него ручаюсь. Это детская болезнь. Он начитался, у него

[1] В стенограмме я фигурирую как «Лисин»,— это было тогда моей «паспортной» фамилией (она в начале 30-х годов, во время общей «паспортизации», была присвоена моему отцу; толпа тогда издевательски кричала: «Дайте ему какую-нибудь лисью фамилию!»). Мой род, начиная с далеких прадедовских времен, был известен только под именем Айги. Эту истинную фамилию я официально восстановил в 1969 году.— **Геннадий Айги.**

протест против банальщины. Поэтому я, как старый комсомолец, прошу: не меняйте мнения, оно верное, но меняйте отношение. Я убежден в том, что Лисин будет хорошим советским поэтом.

С места: Кого готовит институт?

Светлов: Будущих писателей.

С места: Людей с созревшим мировоззрением?

Светлов: Нет.

С места: Неужели вы считаете, что у нас несозревшее мировоззрение?

Светлов: Мировоззрение — это жизненный опыт. У вас не сложилось мировоззрение. Институт существует для фундамента, остальное вам даст жизнь.

С места: Фундамент — это отношение к жизни, нужна правильная закваска.

Светлов: Закваска — это еще не булка.

С места: Нужно определенное отношение к поэзии, сознание своих обязанностей.

Светлов: Я не сомневаюсь в советскости Лисина. Он живет своей сумбурной жизнью, но я, как воспитавший многих поэтов, знаю, что нужно быть очень осторожными, чтобы он сам знал, что делает ерунду.

Шаньков: <...>Помню выступление т. Светлова на дискуссии о литературе и жизни, где решались вопросы о творческих взглядах на жизнь, он защищал таланты, которые растут. Он приводил тот же пример насчет Дикого и защищал студентку Мориц, которая употребляла нелестные выражения по отношению к Советской власти и т. д.

Мы собрались сюда не для того, чтобы исключить Лисина, мы собрались потоварищески, и не думаю, чтобы вопрос можно было так ставить.

Правильно: талантливость — понятие относительное. Нам не нравится позиция Лисина, и мы открыто говорим ему это.

Н. Серегованцев: Мы отвечаем за студентов, которых выпускаем из стен нашего института. Это не клуб, а институт, который контролируется партией и другими организациями. Мы выпускаем выпускников, за которых отвечаем. Мы даем основы здесь, и какие-то критерии у нас есть. Я не могу понять Михаила Аркадьевича, который говорил о каких-то сложностях и т. д. У нас есть критерий мировоззрения студента и т. д. <...>

Он член комсомольской организации, у нас есть устав — у нас есть первоисточник, написанный Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным, и мы будем наказывать тех, кто будет отступать от этого.

В. Журавлев: Лисин не дурак и понимает, что он живет в советское время, после обращения т. Хрущева...

Вы не хуже меня знаете, что художественное произведение имеет подтекст. Вы на подтексте работаете здорово.

Надо ставить точки над «i». А то это не мещанство, а жидкое тело, как вы называете окружающую действительность...

Помните стихотворение Маяковского, что я проклинаю талант, если он с врагами и т. п., но я приветствую талант, если он с нами идет. Так же и с талантом надо обращаться.

Творчество Лисина строится из разных поэтов. Он — как та оса, которая берет понемножку из каждого блюда, лишь бы сладенько, и не интересуется, грязная это вода или чистая, лишь бы сладенько было. Поэтому он часто идет от Уитмена в самой беспартийной части его демократизма и от современного американского империализма...

О «Боли». Из этих стихов мы узнаем, что у лирического героя во время войны погиб отец, но мы не узнаем, в чем социальная боль лирического героя...

Идеология ницшеанства привела к религиозности. Когда человек перестает верить в бога, он перестает ходить в церковь, не ожидая, когда его отлучат. Когда человек перестает верить в коммунизм, он уходит из партии. Я удивляюсь, почему Лисин не уходит из комсомола. Если ты веришь в другого бога, иди к нему. Странно видеть идеалистического бога, состоящего в комсомоле...

Лисина не только нельзя допустить к защите, но комсомольская организация должна, с большим опозданием, избавиться от этого довеска, который случайно находится в наших рядах. Литературный институт должен избавиться от этого студента, который злостно использовал государственную стипендию, который зря учился 5 лет.

Лисин: Я знаю, что искусство для народа, искусство всегда человечно, служит чистоте, иначе я не писал бы стихов. Я не позволю отступить в искусстве от чистоты и красоты. Это сделать я не дам...

Хотите исключить — исключайте. Я не буду просить, чтобы вы дали мне кусок хлеба!

Не было ни одного выступления, которое меня заинтересовало бы. Пока у меня есть руки и голова, я попробую жить.

Председатель: ...Когда один из студентов сказал, что есть два пути в поэзии — Пастернак и Лисин, мы решили выяснить. В течение месяца не могли получить этих стихов. Я не верю, что вы нужны комсомолу.

Мы не выдаем патентов на талант, но мы говорим о его принадлежности к комсомолу. Нельзя допустить, чтобы было даже одно аполитичное высказывание, а здесь — целый сборник.

(Зачитывает проект решения о Лисине.)

По I пункту — кто «за»? *(Принято единогласно.)*

По II пункту: ходатайствовать перед дирекцией и парторганизацией об отчислении Лисина из института.

Кто за то, чтобы исключить Лисина из института на 2 года? *(Принято.)*

На этом разрешите собрание закрыть.



Студенты Литинститута — Юрий Казаков, Стасис Валис и Геннадий Айги. Москва. 1954 г.

НЕСКОЛЬКО ПРИМЕЧАНИЙ К СТЕНОГРАММЕ

ГЕННАДИЙ АЙГИ:

Эта стенограмма попала ко мне в 1988 году — ровно через 30 лет после случившегося.

Должен сказать, что текст стенограммы сильно отредактирован (возможно, в ЦК ВЛКСМ, куда меня вызвали в 1959 году для «переговоров» и показывали этот искромсанный текст),— из него вырезаны наиболее неприглядные места: оскорбления моего учителя поэта Михаила Светлова и безобразные выходки по отношению ко мне (вроде одного выкрика: «Пусть будет проклят тот человек, который предал свой малый народ и свой большой народ!» — имелись в виду чувашский народ и «весь советский народ»).

Из одного выступления (поэта В. Журавлева, позднее прославившегося плагиатом: обокрал... Ахматову!) оставлен только конец (это выступление было наиболее разнузданным,— М. Светлов, не удержавшись, сказал тогда В. Журавлеву: «Вы давно известны как одиозная личность и не имеете морального права притрагиваться к этим стихам моего ученика»).

Также из стенограммы убраны места с оскорблениями по адресу Бориса Пастернака (которым я давал отпор во все время этого собрания).

Самыми яростными в этой истории были Фирсов и Серегованцев, которые вскоре стали инициаторами «общественного требования» о «выдворении» Бориса Пастернака из СССР (это было еще до «знаменитого» выступления Семичастного).

В конце стенограммы не включена формулировка об исключении меня из комсомола, она звучала так: «Исключить Г. Лисина из рядов ВЛКСМ за написание враждебной книги стихов, подрывающих основы метода социалистического реализма, и за неуплату членских взносов в течение 6 месяцев». Восстанавливаю это по моим записям, которые я вел во время «заседания».

Из стенограммы изъята и резолюция в отношении Михаила Светлова: «Обратиться в кафедру творчества Литинститута с предложением снять М. А. Светлова с руководства семинаром за провал воспитательной работы». Предложение было принято руководством Литинститута — семинар М. Светлова прекратился.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Большинство из тех, кто выступал против Геннадия Айги, стали людьми влиятельными, все они давным-давно приняты в Союз писателей, за это время они издали не один десяток книг. Чего нельзя сказать о Геннадии Айги. Его первый поэтический сборник на русском языке лишь в этом году должен выйти в издательстве «Современник». А в списках членов СП СССР он, конечно же, не значится.

Геннадий АЙГИ

Р. А.

пускай я буду среди вас
как пыльная монета оказавшаяся
среди шуршащих ассигнаций
в шелковом скользком кармане
звенеть бы ей во весь голос
да не с чем сталкиваться
чтобы звенеть

когда гудят контрабасы
и когда вспоминается
как в детстве ветер
дымил дождем в осеннее утро —

пускай я буду
стоячей вешалкой
на которую можно
вешать не только плащи
но можно повесить еще что-нибудь
потяжелее плаща

и когда перестану я верить в себя
пусть память жил
вернет мне упорство
чтобы снова я стал на лице
ощущать
давление мускулов глаз.

1954

ТИШИНА

1

в невидимом зареве
из распыленной тоски
знаю ненужность как бедные знают
одежду последнюю
и старую утварь
и знаю что эта ненужность
стране от меня и нужна
надежная как уговор утаенный:
молчанье как жизнь
да на всю мою жизнь

2

Однако молчание — дань.
А себе — тишина.

3

к такой привыкать тишине что
как сердце не слышное в действии
как то что и жизнь
словно некое место ее
и в этом я есть — как Поэзия есть
и я знаю
что работа моя и трудна
и сама для себя
как на кладбище города
бессонница сторожа

1956—1957

ДЕНЬ

и грезятся
в сиянии асфальта опять
то блестящие холмики
то черные впадины
как будто наплывая мерцают
огромные круги
громадного моря лягушачьей икры

и арена асфальта днем
превращается
во что-то — с основ упорядоченное
заново
и вдруг напоминающее
о подмостках времен Шекспира

и за каждым — фонарным —
столбом — мерещатся
и горы — и реки — и маяки

и город уже становится морем
и сугробы сосульки проталины
это лишь гребни
невидимого моря

ЗАВЯЗЬ

и разбужено это море
следами — машин — детских санок —
калош —
и годовое сцепленье
всех следов и всех меток
волнами становится
Города-Моря

к вечеру город станет городом
и люди назовутся людьми
и тупики Замоскворечья
в предутренних смотринах города
будут светиться тем тихим светом

который бывает лишь в детских
комнатах
когда наступает час прогулки

андерсеновских оловянных
солдатиков
1958

ЗДЕСЬ

словно чащи в лесу
облюбована нами
суть тайников
берегущих людей

и жизнь уходила в себя
как дорога в леса
и стало казаться ее иероглифом
мне слово «здесь»

и оно означает и землю и небо
и то что в тени
и то что мы видим воочью
и то чем делиться в стихах не могу

и разгадка бессмертия
не выше разгадки
куста освещенного зимнею ночью —

белых веток над снегом
черных теней на снегу

здесь все отвечает друг другу
языком первозданно-высоким
как отвечает — всегда
высоко-необязанно —
жизни сверхчисловая свободная
часть
смежной неуничтожаемой части.

здесь
на концах ветром сломанных веток
притихшего сада
не ищем мы сгустков уродливых
сока
на скорбные фигуры похожих —

обнимающих распятого
в вечер несчастья

и не знаем мы слова и знака
которые были бы выше другого
здесь мы живем и прекрасны
мы здесь

и здесь умолкая смущаем мы явь
но если прощание с нею сурово
то и в этом участвует жизнь —

как от себя же самой
нам неслышная весть

и от нас отодвинувшись
словно в воде отраженье куста
останется рядом она
чтоб занять после нас
нам отслужившие
наши места —

чтобы пространства людей
заменялись
только пространствами жизни
во все времена
1958

ЛЮДИ

так много ночей
линии стульев, рам и шкафов
провожал я движениями
рук и плеч
в их постоянный

и неведомый путь.

Я не заметил,
как это перенес на людей.
Должен признаться:
разговаривая с ними,
мысленно мерил я пальцами

линии их бровей.

И были они везде,
чтобы я не забыл
о жизни в форме людей,

и были недели и годы,
чтобы с ними прощаться,

и было понятие мышления,
чтобы я знал,
что блики на их фортепьяно
имеют свою родню

в больницах и тюрьмах.
1960

ОБЛАКА

В этой
ничьей деревне
нищие тряпки на частоколах
казались ничьими.

И были над ними ничьи облака,

и там — рекламы о детстве
рахитичных и диких детей;

и музыка о наготе
гуннских и скифских женщин;

а здесь, на постели, на уровне глаз,
где-то около мокрых ресниц,
кто-то умирал и плакал,

пока понимал я
в последний раз,

что она была мама.
1960

ВОЙНА

мы можем делиться дыханьем
и голосом
но убийство здесь спаяно в нас
и желаем им тоже делиться

и клады его на земле уменьшаем
лишь уменьшая людей

и глаза создавая убийцам
и умницам
ищет себя
уровень бога
и признав его знаки
за знаки распада
служат свободе убийцы

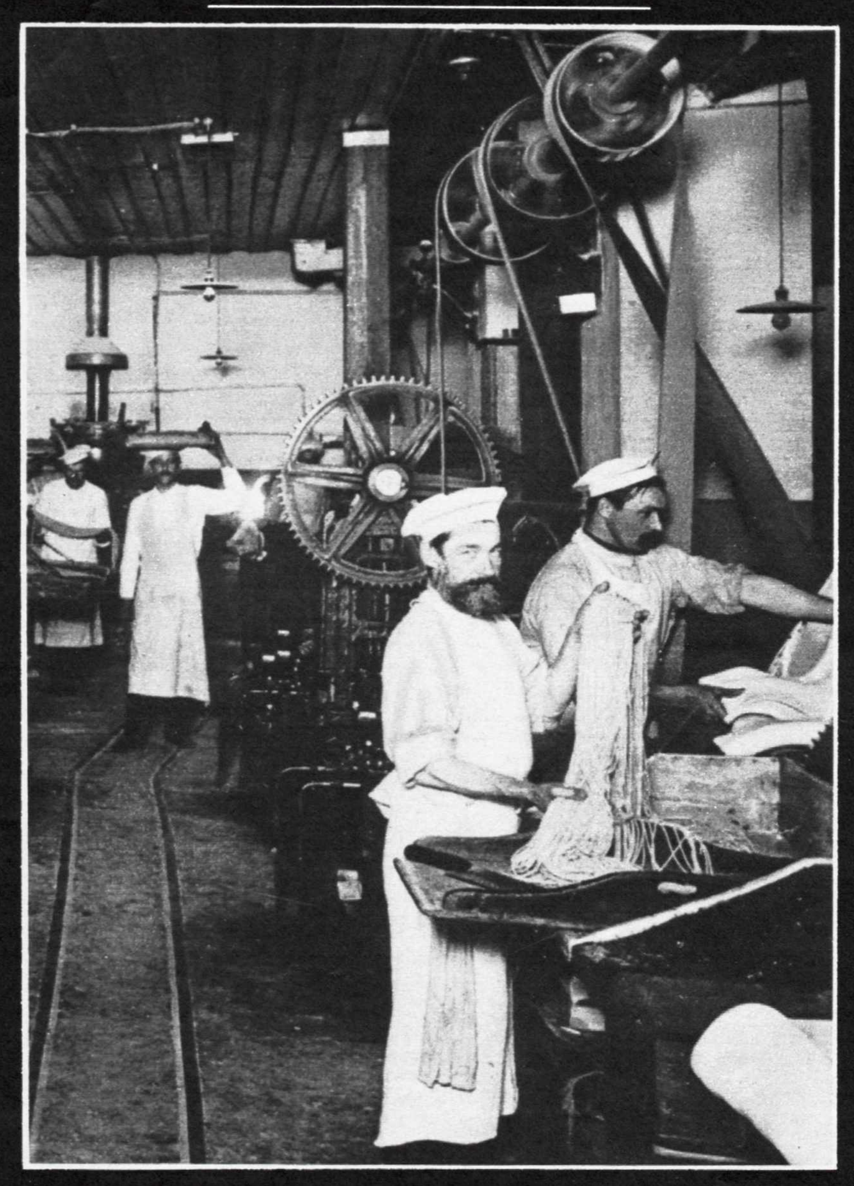
— а самое для меня постороннее
пятнистая моя хохотушка
дочь моя ничтожная стенка
майнкампфова жена!

помещенная странно
словно срезанная обложка журнала

возникшая как марля от раны
и как прообраз
светлой суши воздушной обещанной
в детстве
летним утром открытыми окнами —

ты стала сама по себе
отвердела и стала доступной
для касания бога

и как все матерьялы годна
среди нас
лишь для развязки событий
1962



ПОБЕДИВШАЯ СТРАСТЬ

Нина ЧУГУНОВА

Это парад фотографии, и он притягивает нас, как духовой оркестр. Он завернул уже за угол, а ты бежишь к окну распахнуть и путаешься в портьере, когда солнечный зайчик от оркестранта в последнем ряду... играй, музыкант!

Что-то говорит нам, что такими мы были раньше.

С тоской и неверием манкурта мы вглядываемся в лица.

Эти фото все вырваны из наших семейных альбомов, альбомы разодраны и пущены по ветру.

Как простодушен был фотограф! И он был чист перед теми, кого снимал. И чист, и важен. И важно позировали ему простолюдины и знать.

Фотографии предоставлены Ленинградским государственным архивом кинофонофотодокументов и Музеем истории Ленинграда.

Фотография была достойным ремеслом.

Разбираясь в истории этого искусства, с удивлением замечаешь, что вся она есть не что иное, как история борьбы за собственное достоинство. Ничего больше! История достоинства, попираемого и обретаемого вновь. Можно было бы счесть, что причина драмы в том, что среди других искусств фотография явилась самозванкой, ведь она — техническое изобретение! Нет, не только это. Все хуже.

Заказывавшие музыку всегда стремились захватить власть над фотографией потому, что она им представлялась шикарной возможностью иметь о себе абсолютно подлинные фальшивки. И не с гибели в газовой камере короля фоторепортажа Эриха Саломона началось. Это Эрих Саломон появился и стал королем потому, что они уже были и свои лапы тянули к нашим лицам. Потом они сожгли его. Но я не об этом.

Это парад фотографии, парад нарядных и нищих, парад подробностей мельчайших,



парад деталей, бывших на самом деле, и хлеб в руке обедающего грузчика и колбасы или что там на прилавке? — это парад жизни. Это мы. Мы были разными, мы разделялись на сословия, а у сословий была своя честь... Но рабочий макаронной фабрики косит в меня глазом государя императора, чудеса. Мы были похожи, мы были родня и мы были о б ч е с т в о.

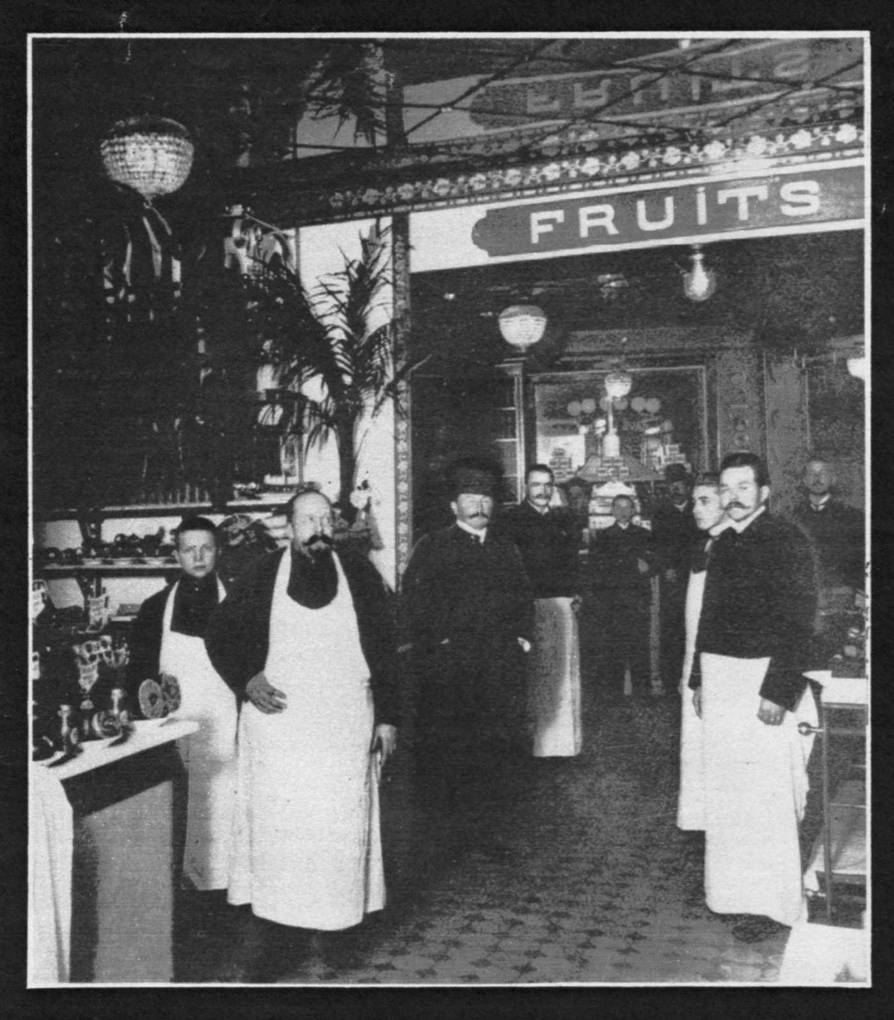
А когда мы стали Рабочим и Колхозницей и женщиной-матерью, с гневом и возмущением узнающей о новом бесчинстве и х н е й военщины? Когда мы стали монолитным народом и заблистали белозубыми пролетарскими улыбками?

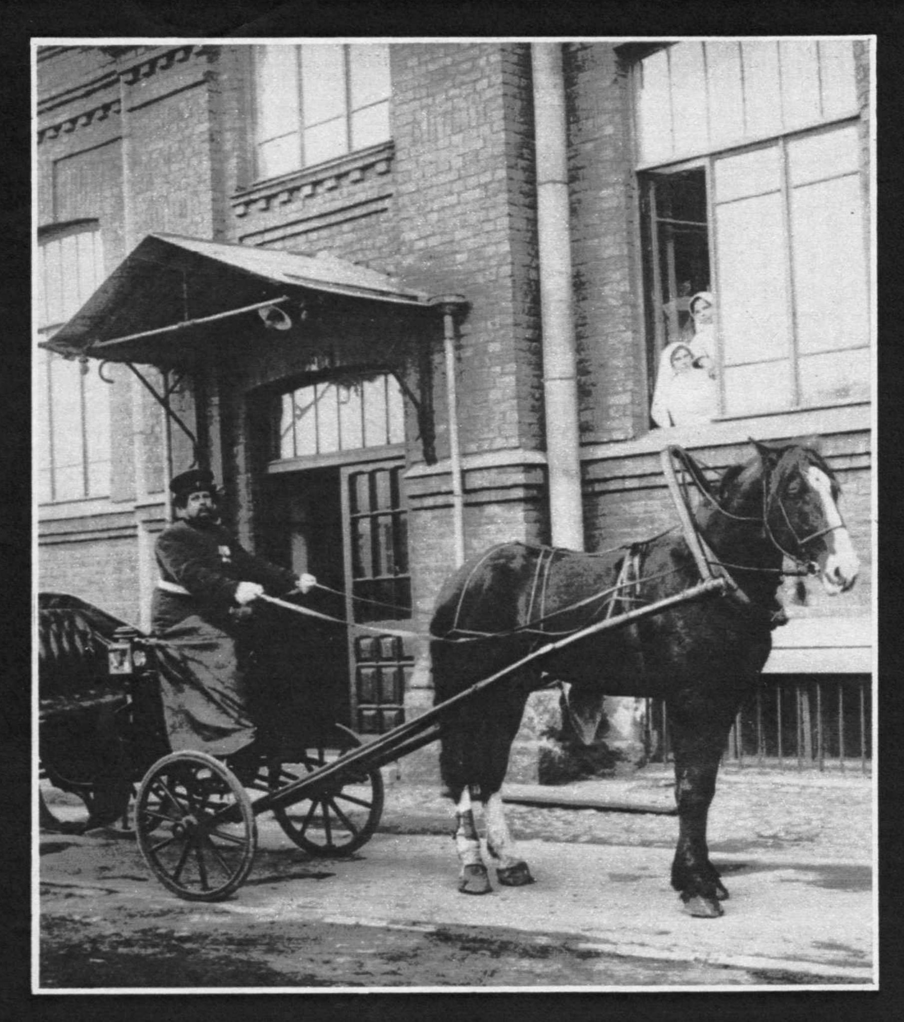
Да никогда. Это музыкант... это фотограф играл победные марши.

А какие страсти владели нами, мы потом узнаем. Как же об этом писал Павел Флоренский? Что человеческое лицо застывает маской победившей страсти. Великое и страшное провидение.

Ты, фотограф, тогда и приходи.

Или спасемся.


FRUITS



Юрий ГОВОРУХИН
Фото
Эдуарда
ЭТТИНГЕРА

ПЕРЕСТРОЙКА:
ПРОВЕРКА
ДЕЛОМ



Сколько раз мы разочаровывались в какой-либо личности, сколько раз болезненно избавлялись от «синдрома отца», но проходило время — и те же мнения, предрассудки, суждения повторялись опять, правда, каждый раз в виде чего-то нового. Можно подумать, что мы вовсе не развиваемся, не движемся вперед, а только топчемся на месте, вертимся в очерченном властной рукой круге. Идет ли это от нашего догматического мышления? Или возвышение, или низвержение кумиров есть определенный закон отечественного бытия? Трудные вопросы. Но всякий раз за ними драма людей и идей.

ПРИКАЗ: ИГРАТЬ НА БАЛАЛАЙКЕ!

ДРАМА ПОД БЮСТОМ

Посреди Бессоновки, большого и красивого села, на площади, залитой асфальтом, стоит бронзовый бюст дважды Героя Социалистического Труда, ныне здравствующего председателя колхоза имени Фрунзе Василия Яковлевича Горина.

Имя Горина, думаю, у многих на слуху: делегат партийных съездов, герой очерков, телевизионных интервью, книг, он олицетворяет собой тип руководителя, способного дать людям счастье. Деятельность председателя Горина и всего коллектива не только была, но и остается доказательством силы колхозного строя, весомым аргументом в споре, какая форма собственности наиболее жизнеспособна и плодотворна в нашей деревне. Добавлю, что Василия Яковлевича обрекали на успех у людей и у нашего брата журналиста не только покровительство, благосклонность верхов, но и чисто человеческие притягательные качества: смелость в суждениях, широта натуры, решительность и раскованность в действиях, эдакая обаятельная власть волевого и наступательного характера. Увековеченный при жизни по утвержденному еще в застойные времена порядку (кстати, только что отмененному), он, однако, во плоти ничуть не желает быть похожим на своего бронзового двойника — сурового, даже мрачноватого. Напротив, Василий Яковлевич — интересный, колоритный собеседник, мыслящий напористо, обладающий остротой взгляда и чувством юмора. Таким он был и раньше, я могу это подтвердить лично, поскольку встречался с ним лет пять назад и остался очень доволен боевым, толковым разговором.

И вот новая встреча. Василий Яковлевич, как могло показаться, ничуть не изменился: так же бодр, энергичен, громогласен. Он остался убежденным, бесконечно преданным своему делу хозяином, я бы сказал, фанатиком колхозного строительства. Свободное владение положением дел, цифрами, полная информация об обстановке на каждом участке — это его жизнь, его сущность, его бытие, вне которого он просто не может быть полноценной личностью. Понятна и его гордость: растут надои и урожаи, множатся доходы, ширится строительство.

Я послушно записывал названные показатели. Но Василий Яковлевич сметлив и с прессой работать умеет, нить разговора вилась прихотливо, и мы вновь возвращались к тому, с чего начали: почему в таком, казалось бы, благополучном, райском месте для крестьянина поднимается волна недовольства, ропота, причем и в таком крайнем проявлении, как... голодовка!

...12 июня в центре Белгорода, напротив кинотеатра «Победа» и магазина «Детский мир», на бойком месте вдруг появилась невысокая женщина с плакатом: «Уважаемые товарищи! Я, Гульцева Ирина Степановна, мать двоих детей, безработная, в знак протеста против показухи, бесправия, выживания неугодных, отсутствия гласности и демократии в колхозе имени Фрунзе Белгородского района, объявляю голодовку до сообщения облисполкома о выезде из Москвы комиссии для открытого рассмотрения жалоб жителей колхоза, направленных из вышестоящих органов Москвы в местные органы, которые отнеслись к жалобам формально, безответственно. Требую справедливости».

Согласитесь, факт неординарный. И — поступок! В Белгороде такого отродясь не видали, а уж чтобы село так бунтовало — это вообще немыслимо. Думаю, и среди нас, городских смельчаков, нашлось бы немного таких, кто посмел бы в такой форме выразить свой протест против начальства. А тут брошен вызов знаменитому — живому и бронзовому — Горину!

Толпа собралась мгновенно. Реагировали по-разному: одни возмущались, другие недоумевали, третьи смотрели с восторгом и подбадривали. Два растерянных милиционера то уговаривали Гульцеву уйти, то просили разойтись людей. Наконец, пикетчица была уведена. Что же заставило ее пойти на крайнюю меру? И откуда взялась в Бессоновке такая непокорная, решительная личность?

Два года назад Гульцевы приехали в колхоз из города Ясный Оренбургской области. Ирина работала там директором Дома культуры, а Михаил — водителем автогрейдера. О хозяйстве они узнали из газеты «Советская культура», написали письмо, им ответили: приезжайте, руки нужны, найдется и интересная работа, и хорошее жилье.

На новом месте первые впечатления были благоприятными: без проволочек им выделили двухкомнатную квартиру, сын с дочерью — Саша и Аленка — пошли в школу и детсад. Михаила взяли слесарем в мастерские, он, что называется, глянулся, о нем говорили: «Золотые руки!» Ирина возглавила бессоновский Дом культуры. Его хор, музыкальные коллективы выступали и на ВДНХ СССР, и в концертных залах Москвы, и за рубежом, директорствовать тут — просто удача для культработника, слава и почет шли прямо в руки, самодеятельность колхозников — почти на профессиональном уровне, в помощниках девять методистов... Однако в большом и престижном хозяйстве отношения с коллегами у Гульцевой складывались неровные, и после нескольких конфликтов Ирина попросилась культорганизатором в колхозный дом молодежи, где ей надо было работать одной, без помощников.

Уже в новой должности Гульцева решилась, что называется, вынести сор из избы, в районной газете «Знамя» появилась статья «Сколько стоит пассивность?». Реакция на нее была крайне болезненной. И вот почему. Гульцева посмела — пусть осторожно — сказать, что бьющая ключом культурная жизнь колхоза не более чем умело организованная, точнее, заорганизованная показуха. Нет ни клубов по интересам, ни любительских объединений, а хор, духовой оркестр, танцевальный коллектив, оркестр русских народных инструментов — детища только одного человека, председателя колхоза Горина. Их и называют «горинские», потому как, будь в хозяйстве другой председатель, еще неизвестно, действовали бы они или нет. Суть статьи не оставляла сомнений: все держится на строгости и авторитете Василия Яковлевича, который буквально «через кабинет» заставляет колхозников петь, танцевать и играть на балалайке.



Что и говорить, крамольная статья! И последующие события не опровергали, а лишь подтверждали мнение Ирины Гульцевой. С ней не стали спорить на страницах той же газеты, не попытались гласно доказать обратное, а использовали хорошо у нас известный аргумент — силу. Ее обвинили в неуважении к коллегам и председателю, противопоставлении себя коллективу, непрофессионализме. Для честного и беспристрастного разговора ни у кого не хватало смелости, да и кто же решится на такой безрассудный шаг — поддержать маленького человека.

Дальнейшие действия правления, районного отдела культуры нетрудно предугадать — началось выживание неугодного работника. Гульцевой пришлось подать заявление «по собственному желанию».

Ирина осталась без работы. Конечно, «перекрыть кислород» одному человеку не составило большого труда, по отработанной здесь схеме оставалось только вышвырнуть семью из колхозной квартиры, и послушное правление позаботилось об этом, но довести дело до конца мешало важное обстоятельство: Михаил Гульцев работал хорошо, не было достаточно зацепок для окончательной расправы. Решили подождать, чтобы собрать побольше «компромата».

А тем временем стали происходить удивительные вещи: к опальной Ирине Гульцевой потянулись обиженные. Вечерами сначала тайком, а потом и в открытую у нее собирались недовольные порядками в хозяйстве, выговаривались и выплакивались. Не к Василию Яковлевичу, не к живущему в Бессоновке народному депутату СССР, заместителю председателя по науке Г. С. Походне, не в партком и не в профсоюз обращались люди, а к маленькой безработной женщине, загнанной в угол суровыми обстоятельствами. Она выслушивала жалобы, сочувствовала, помогала писать письма в инстанции с просьбами разобраться. Венцом этой запретной, подрывающей авторитет начальства деятельности и стала акция Гульцевой в центре Белгорода.

Кстати, акция заставила местные органы согласиться на сход жителей Бессоновки, которого добивались Гульцева и ее сторонники. Они посчитали: раз письма-жалобы возвращаются к тем, на кого жалуются, то пусть хотя бы на сходе их выслушают принародно.

Разговор получился сумбурным, болезненным. Обиженные горячились, перечисляли свои мытарства, в ответ выслушали обвинения в кляузничестве. Пораженный зал растерянно следил за происходящим, многие, однако, предпочли не вмешиваться, слушать, но не говорить. Такой открытый бой начальству был им в диковинку. Оказалось, что в колхозе появились люди, которые вышли из повиновения и посмели высказать свое мнение.

К СЧАСТЬЮ — ШАГОМ МАРШ!

Во всех этих событиях Василий Яковлевич Горин занял по-своему мудрую позицию. Он не опускался до публичных дебатов с возмутителями спокойствия и действовал только в русле, как он считает, интересов колхоза.

— Я не могу допустить анархии,— хмурится Горин.— Необходимы дисциплина и порядок. Крикуны дезорганизуют производство. Я не позволю, чтобы они погубили дело всей моей жизни...

Мне не пришлось называть Василию Яковлевичу фамилии тех, кто им недоволен — врагов он знает наперечет, в лицо:

— Шутеева Людмила Александровна. Да, она неплохо работала свинаркой, сейчас у нее пятеро детей, вместе с мужем и свекровью они живут в маленьком доме, и ей действительно надобно строиться. Колхоз, кстати, выделил семье кирпич, цемент... Конечно, своими силами они не смогут поставить новое жилье... Но колхозную бригаду я в помощь дать не могу — других забот хватает. И потом, самое главное, ее муж выпивает, а такие люди для меня просто не существуют, я боролся с пьяницами всю жизнь, и жалости к ним у меня нет и не будет...

Кучерявенко Анна Григорьевна тоже жалуется, заступается за внука. А ведь того лишили премии за пьянство. Так решил коллектив, и опять же повторю свое мнение — к пьяницам никакого снисхождения... Зубарева Татьяна, работница швейного цеха. Ее мать, Людмила Михайловна, была уличена в воровстве — тоже не о чем разговаривать... Недоволен и пенсионер Криворученко Михаил Егорович. А он вам сказал, что его сын украл машину зерна? И получил за это срок? У меня к такому отцу не может быть никаких дружеских чувств... Семья Литвиновых уехала из колхоза. Дочь и мать. Бездельницы, работали плохо, такие нам не нужны...

Короткие уничтожающие характеристики давал Горин этим людям. Он отмахивался от них, как от назойливых мух: «Мешают!» По его мнению, крикуны и есть та самая «червоточина», что разлагает прекрасный, дружный коллектив, и надо, по глубокому убеждению председателя, ее безжалостно вырезать, удалять, отсекать. Болезненно, но ничего не поделаешь — надо! Для дела, чтобы спасти весь плод. И логику Василия Яковлевича можно понять: только железной рукой способен он удержать дисциплину и навести порядок в хозяйстве, только так можно восстановить стройность колхозных рядов. Горин соглашается: недовольные есть и будут. Его удивляет, правда, другое — неужели те, кто на хорошем счету, тоже видят в нем диктатора? Не может быть! Молчат, потому что боятся? А чего им бояться?! Дверь его кабинета всегда открыта, приходи к нему в любое время, в полночь — за полночь, он всегда готов выслушать человека и помочь. Приходят ли? Да нет, как-то не очень. Почему? Трудно сказать, он и сам готов удивляться этому обстоятельству.

Кредо Горина: «Я ничего не делал для себя, все — для них». Он одержим идеей строительства людского счастья. Но, думаю, толком никогда не спрашивал: а хотят ли они, люди, счастья, скроенного по его меркам? «Я всю жизнь был не диктатором, а самым большим исполнителем»,— утверждает Василий Яковлевич. И даже, видимо, не подозревает, сколько скрытой, горькой иронии в его словах.

Действительно, колхозная система и дня не смогла

бы просуществовать без таких, как он, волевых организаторов. Пробиваясь сквозь ограничения, стремясь освободиться от всякой опеки, добиваясь хозяйственной самостоятельности, такие председатели редко вступали в конфликты с районной и областной властью, выставляли себя выразителями интересов селян, но редко пользовались их поддержкой. И обретя относительную экономическую свободу, убедившись в больших пробивных возможностях накопленного авторитета, сильные люди, порой сами того не замечая, переходили в стан своих противников — бюрократов. Как нажмешь, настолько и продвинешься. И Горин нажимал.

Он баловал и отмечал тех, кто отдавал себя работе. Но и эта «крестьянская аристократия» сама оказывалась в определенной изоляции, между ней и односельчанами возникала незримая стена. Номенклатурных колхозников справедливо считают не «своими», а «ихними», то есть представителями больших верхов. И начинает казаться, будто «лучшие представители», сотворенные безотказные работяги, и есть соль земли. При этом основная масса людей остается в тени и как бы теряет всякое значение.

Неудивительно, что Василий Яковлевич просто не видит других способов воздействия на человека, кроме силовых. Вот как, например, он решил бы проблему заторов на железных дорогах и в морских портах: «Надо послать туда народных депутатов с особыми полномочиями, с правом снимать секретарей обкомов — и тогда они в три дня наведут порядок». В этом — весь Горин. И вся его драма. Он хочет видеть всю страну Бессоновкой, а она уже была таковой. И остается. Хотя и не живет в достатке. Сейчас люди прозрели, проснулись и не желают, чтобы их загоняли железной рукой в светлое будущее.

А главное — труд на кнуте и прянике потерял для крестьянина всякую притягательную силу. «По 40,4 центнера зерна с гектара получили в 1989 году,— говорит Василий Яковлевич,— давно не было такого урожая, а люди не радуются. В чем дело?»

Поразительные слова! Сколько за ними боли и как они свидетельствуют о том, что мы подошли к самому краю, пропасти! Даже хороший результат уже не в радость крестьянам — что может быть страшнее? Рушится крепостное благоденствие, приходится ужесточать режим, вводить казарменную дисциплину, но и это уже не спасает. Горин хочет оставаться наставником людей, их благодетелем, мечтает построить молодежнс-спортивный центр, профилакторий и потом уйти на отдых. Но любви уже нет, и Василий Яковлевич, похоже, опоздал, вроде того спортсмена, который не догадался уйти вовремя, в расцвете славы, и остаться легендой.

И вот удивляется председатель: почему же его боятся? Между тем в колхозе бытует мнение — не высовывайся, иначе отшибут голову. Подтверждением служат не только судьбы опальных людей. Хотя это обстоятельство весьма серьезное — за 30 лет Горин, безусловно, нажил немало врагов. А в большом селе обиды помнятся сыновьями и внуками. Тут действительно, как в большой семье,— отношения хоть и родственные, но сложные. Боязнь и страх идут еще и оттого, что всякая критика председателя квалифицируется как выступление против Советской власти, причем не только начальством, но и значительной частью народа.

Повторяю, дело не только в страхе как таковом. В передовом хозяйстве люди становятся «винтиками» производства, аграрный конвейер отлажен, и в нем крестьянин должен безотказно вертеться. Малейший сбой, какие-либо мнения и сомнения, конечно же, дезорганизуют производство, вносят сумятицу. А потому ты, колхозник, должен работать, работать и работать, не помышляя о том, какой ценой даются все эти окружающие тебя богатства, достаток и слава.

Но колхозник начал кое о чем помышлять. В этом я убедился, когда собрал в мастерских слесарей и механизаторов и спросил у них: как они относятся к своему председателю? Мне поставили условие: не записывать фамилий, чтобы не навлечь потом на людей бед. А затем все дружно заговорили... Нет, не о Горине, а о существующей оплате труда. Он оценивается баллами. 1 балл — очень хорошо и, напротив, 4 балла — совсем никудышная работа, брак. Значит, получив «четверку», человек лишается всего заработка за день. «Четверка» за месяц — и нельзя рассчитывать на дополнительную и натуральную оплату в конце месяца, двенадцать «четверок» — и то же самое по итогам года. Между тем сплошные «единицы» дают лишь десять процентов прибавки к оплате, а это, согласитесь, очень скромная награда за безупречный труд. К тому же балл — оценка весьма субъективная, достаточно вызвать неудовольствие начальника даже неосторожным словом и — пожалуйста: «Тебе сегодня «четверка»!» Обжаловать «отметку» никто не берется — попробуй докажи, что ты работал хорошо, если бригадир или звеньевой считает, что плохо! «Система оплаты у нас палочная»,— откровенно сказал главный экономист колхоза Виктор Васильевич Сокур.

Механизаторы жаловались:«Работать приходится в выходные даже зимой, а отгулов не дают...» «Нам платят за сэкономленное только малую часть, мы считаем, что нужно платить больше, но все определяет только контора...»

У животноводов те же проблемы. «Говорят: вы хозяева, вы на арендном подряде, за все в ответе,— рассказывала звеньевая семейного звена, телятница Ольга Дейнеко.— Но мы только вкалываем, рабляем, а считает заведующая фермой. Нам лишь подносят чеки — распишись за то или это. Я даже не вправе распоряжаться своим трактористом — у меня его забирают, а потом дают человека со стороны, за которого мы должны платить колхозу».— «Так что же вы молчите?» — «А попробуй скажи правду, чуть что — уходи из колхоза! Жилье-то у нас вроде как казенное, много приезжих, если исключат — в 24 часа освобождай квартиру. Кто же тут посмеет пикнуть? Да если даже я и скажу, то соседка отмолчится. И я останусь замазанная. Вот и самой приходится беречься».— «Но вы, как я вижу, не особенно бережетесь?» — «Почему? Я берегусь, но меньше других, потому как на свою шею ярмо всегда найду, я не по культуре, как Гульцева, а по телятам, могу и свинаркой, и дояркой... Раз сказала об этом Горину, а он в ответ: «Так ярмо-то может быть твердое и мягкое!»

Так что не только Горина осуждают люди, и даже не столько его, сколько «горинщину», то есть систему потогонной эксплуатации, жесткой дисциплины и палочного порядка, процветающую в передовом колхозе. Но тут мы должны задуматься вот о чем: а возможно ли вообще было добиться успеха без этакой системы? Ответим честно: нет, невозможно.

Думаю, и нынешние попытки горстки недовольных, и молчаливое сопротивление большинства, боящегося назвать свои фамилии,— предвестники грозных процессов. Колхозники чувствуют: есть какая-то другая, неизвестная им жизнь, она витает в воздухе в виде разговоров, полемики в Верховном Совете СССР, на сессиях и съездах. Взрывной, опасный, кружащий голову воздух. И ни детьми в семье, ни солдатиками в казарме, ни винтиками в хозяйственной машине они больше быть не хотят. Бессоновку утомила гонка за показателями, люди устали жить в колхозе, где даже на хор или в танцевальный кружок надо ходить не по желанию, а по приказу.

Понимает ли это Василий Яковлевич? Да, отчасти понимает. Он говорил о планах создания кооперативов в колхозе, правда, очень неопределенных и смутных. Он готов к некоторым послаблениям в отношениях с людьми, но опять же только для того, чтобы сохранить, даже упрочить сбитый кулаком и привилегиями колхоз — витрину благоденствия советского крестьянина.

Председатель сетовал на пассивность специалистов, инертность партийной организации. «Почему молчите,— спрашиваю коммунистов на последнем собрании,— почему нет активности? Даже погасшие светильники на улице пока не взгреешь, так и не сменят! Воду в дома без напоминаний не подадут! В котельной самое элементарное не сделают, пока не напомнишь! Да что же это такое?»

ДАЙТЕ СКАЗАТЬ ЛЮДЯМ ПРАВДУ!

Итак, в колхозе раскол. В нем, как и во всем нашем обществе, есть определенные социальные группы, «течения». Костяк коллектива — «горинцы», давно и преданно работающие со своим председателем. Приезжие, новые люди пока в меньшинстве, но они в основном и пополняют ряды «крикунов». Им претит парадность, показуха, у них нет здесь глубоких корней, нет и особого пиетета к начальству. Они — люди другого поколения и чувствуют, где собака зарыта: «Хватит пресмыкаться!»

Надо отметить, что в богатом колхозе растет текучесть кадров. Так, в 1988 году сюда был принят на работу 191 человек и 71 уволен «по собственному желанию». За 10 месяцев нынешнего года уже 158 человек приехали в колхоз, а 59 ушли. Конечно, в процентном отношении к 1400 колхозникам это немного, но тенденция наметилась явная: людей уже не устраивают красивости, антураж. Они, что называется, от добра добра ищут. И добро это — свобода, демократические отношения, благожелательный климат, раскрепощенность и раскованность.

Несомненно, выразителем интересов таких кругов и стала Ирина Гульцева. Права таких людей, как она, у нас законом не защищены. Впрочем, как и права «молчаливого большинства». Можно только удивляться: и откуда в маленькой женщине столько сил для борьбы? Столько стойкости и отваги? Вот ее ответ: «Я хочу здесь работать, но мне не дают. Меня заставляют бежать отсюда. Но почему я должна уступить, смирившись с тем, что тут творится? Почему меня лишают голоса? И вообще всяких прав? Я, мать двоих детей, не желаю унижаться, мне надоело бояться. Если мы не добьемся перемен здесь, значит, и в другом месте потерпим поражение. Для меня жизненно важно поверить, что в деревне возможна хоть какая-то демократия».

В этой позиции можно увидеть известную долю максимализма. Но она не может не вызывать уважения — вот если бы и мы так, даже пусть чуть похоже думали и действовали, сколько бы грубого, административного произвола можно было бы победить!

Однако правовые органы так не считают. Районный прокурор Дмитрий Борисович Сазонов не поддерживает Гульцеву и не находит никаких ущемлений прав колхозников: «Формально претензий к Горину и его правлению нет. Юридически все в порядке. Мы регулярно бываем в хозяйстве, встречаемся с людьми. Жалоб не поступало».

Да, к Сазонову не обращаются. А к Гульцевой идут.

«Мы и так много сделали для дискредитации крупных партийных и хозяйственных руководителей,— считает секретарь Белгородского обкома Николай Васильевич Смоленский.— И к чему приводит такая практика? Только к развалу! Мне кажется, что сейчас больше всего виновата напряженная политическая обстановка. Горина не любят не за то, что он плохой, а за то, что он — Горин, знаменитость. Так что же — взорвать его бюст посреди села?! Нет, мы этого допустить не можем. По аналогии: и я плох не потому, что плох, а потому, что секретарь обкома?!»

Но ведь партия действительно в определенной мере теряет доверие народа. И можно ли восстановить его, если продолжать в прежнем духе полагаться не на силу убеждения и аргументов, а только на власть и указаловку? А бюст, кстати, уже «взорван» протестом, в колхозе многие считают его символом страха и насилия.

«Всякая смена таких председателей, как Горин, неизбежно ведет к производственному спаду,— высказывается первый секретарь Белгородского райкома партии Николай Кузьмич Кривченко.— И мы понимаем: отсутствие твердой административной линии приведет на данном этапе к развалу. Колхоз имени Фрунзе может просто рассыпаться, если Горина заставят уйти».

Действительно, без Горина дело может пойти к анархии. Но крепостная структура власти уже изживает себя в деревне, в том числе в передовой и развитой. Такая деревня уже зашевелилась и вопреки ожиданиям перестает быть неуязвимым бастионом колхозного строя. Правда, некоторые говорят о самоочищении, дескать, колхозы и без экономических новаций способны воспрянуть духом. Тщетные надежды! Очищение возможно лишь в борьбе и конкуренции. Напряжение нарастает, и завинчивание гаек только повышает давление в котле недовольства. Демократизация не следствие экономических перемен, она должна проходить одновременно с ними, всякое сдерживание обнаруживает либо неумение, либо нежелание считаться с обстановкой.

«В колхозе давно не было откровенного разговора,— сказал, в свою очередь, народный депутат СССР Олег Алексеевич Житков, к которому обращалась за помощью Ирина Гульцева.— Я был на сельском сходе в Бессоновке, доходят до меня и другие жалобы. Но вот какая штука: люди рассчитывают только на постороннюю, влиятельную силу, на помощь из центра. Это старый и очень живучий предрассудок. Конечно, маятник перестройки раскачивают главным образом в столице, но в принципе колхозники способны помочь себе только сами; пока они будут бояться, отмалчиваться, уповать на сильных мира сего, ничего у них не выйдет. Они сами должны начать борьбу за радикальные перемены. Власти боятся дестабилизации, анархии, и в этом есть доля правды — бунт не способен что-либо изменить, он лишь приведет к хаосу. Нужна целенаправленная экономическая и политическая работа по выходу из кризиса.

Отмечу, требования сторонников Ирины Гульцевой достаточно конструктивны: общеколхозное собрание, альтернативные выборы правления и председателя тайным голосованием. Обкому, райкому, правовым и хозяйственным органам надо попытаться преодолеть социальную глухоту, решиться на большой и принципиальный разговор с колхозниками. Свобода крестьянина — его право, оно должно быть закреплено законом о новых формах собственности, коренными преобразованиями колхозного строя. Другого пути нет. Иначе у нас никогда не будет деревни — щедрой, доброй и богатой кормилицы.

Я, конечно, понимаю, что эти призывы при желании можно и не услышать. И думаю, в частности, о том, как трудно устоять против соблазна решать человеческие судьбы жестко, пристрастно, каждый день проезжая или проходя мимо собственного бюста, чувствуя над собой его мрачную силу и непомерную, бронзовую власть. И долго ли мы еще будем ошибаться, оставаться рабами духа, обделенными достоинством и внутренней свободой людьми?

Белгородский район,
Белгородская область

ПОЖАР В ШТАБЕ РЕВОЛЮЦИИ

Андрей БЕНЮХ,
Марк ГРИГОРЬЕВ

ДЕЛО О ПОДЖОГЕ В СМОЛЬНОМ

Следователь-криминалист прокуратуры города Валентина Константиновна Корнилова и механик строительного треста Юрий Титович Шутов менее 10 лет назад оказались по разным берегам Невы: Шутов — на Выборгской стороне, в одиночной камере печально знаменитой тюрьмы «Кресты», а Корнилова — на левом берегу, в следственной части прокуратуры. Сообщим сразу читателям, что Шутов поселился почти на три года в «Крестах» не по собственному, а по Валентины Константиновны желанию. Для исполнения желания было достаточно пяти слов: «Мера пресечения — содержание под стражей».

Но, как пел Высоцкий, «все позади — и КПЗ, и суд...». Теперь бы самое время порадоваться разгулявшемуся плюрализму, торжеству свободы и демократии. Как говорится, кто старое помянет...

Однако старое ли? Почти все действующие лица истории, которую нам предстоит рассказать, по-прежнему пребывают в верхних эшелонах партийной и советской номенклатуры. Наивно думать, что их вчерашние привычки и пристрастия, образ мышления и взаимоотношения с «народом», как принято говорить в аппарате, переменились коренным образом. «Прекрасно, что слова сменились в гимне, но музыка-то старая осталась»,— написал ленинградский поэт Геннадий Григорьев (его строки мы в дальнейшем будем использовать как эпиграфы к главкам нашего рассказа). Давайте же внимательно вслушаемся в звуки музыки, доносящейся с берегов Невы.

ТИХИЕ АППАРАТНЫЕ ИГРЫ

Латинское слово «аппарат» в русском языке означало прибор, приспособление, оборудование. Употреблялось оно и в значении «научный аппарат», то есть пояснительные примечания, материалы к научному труду. И лишь в советское время обрело новый смысл — как совокупность работников какой-либо организации. А в дальнейшем окрасилось оттенками высокой значимости, важности и власти: госаппарат, руководящий аппарат, партаппарат.

В Ленинграде партаппарат присмотрел себе место, видимо, еще летом 1917 года, когда в Смольном институте начал заседать Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Почему выбор пал на это величественное здание, построенное еще в начале прошлого века по проекту мастера классицизма архитектора Кваренги для Воспитательного общества благородных девиц, остается только гадать. Возможно, создатели пролетарского государства мечтали покончить с воспитанием «благородных» и поставить на широкую ногу воспитание трудящихся и эксплуатируемых. А может быть, главную роль сыграло удобное месторасположение Смольного, внушительная площадь помещения, наличие сада перед фасадом и парка в тыловой части, отделяющего здание от Невы.

Как бы то ни было, площадь перед Смольным была наречена именем Пролетарской диктатуры, а по сторонам главной аллеи, ведущей к зданию, были сооружены в 1925 году пропилеи — два павильона с торжественными колоннами. Чтобы совсем изгладить память о благородных девицах, на пропилеях сделали золотые надписи: «Первый Совет пролетарской диктатуры» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а в саду установили бюсты К. Маркса и Ф. Энгельса.

Наш современник, неформал и забастовщик, мало склонен ломать шапку перед жрецами власти. Его не очень-то пугают величественные ступени, массивные двери, ковровые дорожки и исполненные высокого предназначения лица вождей. Но одно дело быть смельчаком в колонне демонстрантов, на бушующей митинговой площади, ощущая плечами, и взглядом, и слухом поддержку единомышленников. И совсем другое — крохотной фигуркой пересекать брусчатку площади Пролетарской диктатуры, миновать пропилеи с магическими надписями, сад с бюстами основоположников, давящий величием вестибюль, прапорщиков с непроницаемыми лицами и оказаться в коридоре длиной 220 метров. Затем, открыв тяжелую трехметровую дверь, попасть в огромных размеров кабинет, освещенный бронзовой люстрой. Думаем, что и неформал оробеет, увидев осанистого руководителя за необъятным письменным столом, и не выкрикнет, а в лучшем случае пролепечет заготовленную и выношенную фразу: «Долой 6-ю статью Конституции...»

Теперь представьте себе чувства, которые владели входившими под руководящие своды Ленинградского обкома партии, скажем, лет десять назад... Директора предприятий и рабочие-орденоносцы, всемирно известные ученые и адмиралы, секретари парткомов и председатели колхозов, войдя в Смольный, превращались в пионеров,



вскидывающих руку в приветственном салюте: «Всегда готов!».

Между тем всесильный аппарат Смольного, ведомый твердой рукой члена Политбюро Григория Васильевича Романова, жил своей, не видимой постороннему глазу жизнью. Перенесемся на десять лет назад и заглянем в левое крыло первого этажа, где помещался в ту пору отдел планово-финансовых органов. 21 декабря 1980 года здесь наблюдалось определенное оживление. Суета и копошение в отделе объяснялись рядом перемещений, которые всегда вызывают возбуждение в чутких, как индукционные катушки, мозгах аппаратчиков.

Уходил избранный первым секретарем одного из районов Ленинградской области Борис Васильевич Ульянов, работавший заместителем заведующего отделом. Традиционно замзав назначался из недр самого отдела. Поэтому нетрудно представить те тайные муки, бесчисленные пересуды, полунамеки, зыбкие предположения и достоверные слухи, которые наполняли жизнь отдела в декабрьские дни.

Наконец руководство обкома остановило свой выбор на инструкторе Архангельском Владимире Александровиче, вероятно, посчитав его наиболее достойным. Надо заметить, что наряду с теми, кто считал себя в глубине души обойденным, был один человек в отделе, который не скрывал своего неудовольствия и с горечью говорил об этом товарищам. Этим человеком был Нефедов Владимир Дмитриевич — инструктор и член парткома обкома. Последнее обстоятельство возвышало Нефедова среди других инструкторов. Тут требуются определенные разъяснения, ибо человеку, не искушенному в тонкостях партийной структуры, немыслимо переварить словосочетание «партком обкома». Тем не менее все высокие партийные организации — от райкома до ЦК — только с одной стороны — руководящие. А с другой — первичные, со своим партбюро или парткомом — в зависимости от многочисленности. Понятно? Ну, вот пример. ЦК КПСС руководит всей партийной жизнью страны. В то же время работой аппарата на Старой площади руководит партком ЦК, подчиняющийся Бауманскому райкому КПСС, который, в свою очередь, подотчетен Московскому городскому комитету партии, а тот — ЦК КПСС. Такое богатство коллизий — хоть роман пиши. Скажем, вызывает секретарь того же Бауманского райкома инструктора или даже завотделом ЦК и отчитывает его, как мальчишку. И грозный завотделом, перед которым трепещут секретари обкомов, стоит навытяжку и держит ответ. Вы скажете, что такого не бывает. Конечно, не бывает. Но в принципе **демократическим** механизмом партийной структуры предусмотрено...

Итак, инструктор и член парткома обкома Нефедов находился в самых расстроенных чувствах, когда получил приглашение на товарищеский междусобойчик 21 декабря по случаю ухода Ульянова и назначения Архангельского. В ту пору, до эпохального похода против пьянства и алкоголизма, подобные перемещения в партийном аппарате, как правило, отмечались летучим застольем. Партработникам возбранялось посещение ресторанов и других злачных мест. Другое дело — в своем кругу... в родных стенах... вечером... после трудового дня... с водкой, селедкой и взаимными поцелуями. По-нашему, по-пролетарски.

Нефедов от участия во встрече отказался, сославшись на семинар в ВПШ, где он тогда учился. Повод был достаточно убедительным, хотя подлинные причины отказа — обида на руководство и неприязнь к Архангельскому, триумф которого переворачивал душу Нефедова — оставались, так сказать, за кадром.

В тот же вечер Нефедов позвонил Шутову, буквально умоляя выручить: привезти конспект в Таврический дворец — помещение ВПШ, так как без этих записей он, дескать, не может появиться на семинаре. Шутов з это время находился на больничном и, естественно, стал отказываться, поминая больную спину, радикулит и трудности передвижения. Но Нефедов проявил такую настойчивость, так просил и убеждал, что в конце концов пришлось уступить. Ругаясь и кряхтя, Шутов спустился во двор и сел за руль автомобиля.

«Это был роковой шаг!» — сообщили бы мы читателю, если бы занимались сочинением приключенческого романа. Но поскольку мы пишем очерк партийных нравов, то воздержимся от беллетристических штучек, а расскажем, кем же был в то время Шутов и каким образом его судьба оказалась столь тесно связанной с Ленинградским обкомом.

...Юрий Титович Шутов вот уж пятый год работал первым заместителем начальника Ленгороблстатуправления. Фигура достаточно значительная не столько по привычной аппаратной табели о рангах (оклад, служебная машина, «вертушка», казенная дача, номенклатура ЦСУ СССР), сколько по тому положению, которое занимало статуправление в деятельности советских и партийных органов. Текущие оперативные и перспективные вопросы, решаемые в обкоме (а мы знаем, что партийные, профсоюзные и комсомольские работники с утра до поздней ночи «решают вопросы»), пленумы, конференции и совещания требовали цифр и данных статистики. Вот почему Шутову было вменено в обязанность ежедневно появляться в Смольном и давать ответы на поставленные любым отделом вопросы. В зависимости от специфики отдела речь могла идти о цифрах, отражающих производственный потенциал предприятий, успехи полеводов и животноводов, о числе больничных коек, об уровне школьного образования или количестве пенсионеров в Ленинграде. Таким образом, Шутов был вхож в большинство кабинетов Штаба Революции, со многими их хозяевами имел дружеские отношения и, как человек доверенный и облеченный, носил в кармане постоянный пропуск в Смольный в виде обкомовского удостоверения.

Особенно крепкие узы связывали Шутова с отделом планово-финансовых органов. Во-первых, профессиональная близость и непосредственная функциональная подчиненность. Во-вторых, начальник Ленгороблстатуправления В. Н. Старинский до своего назначения на этот пост (одновременно с Шутовым) работал в обкоме партии замзавом именно вышеназванного отдела. И, в-третьих, заведующий отделом В. И. Мелещенко не только весьма высоко ценил профессиональные качества, деловую хватку и напористость молодого руководителя, но и считал его своим выдвиженцем еще со времен работы Шутова в Смольненском райкоме. И даже заводил с ним разговоры о переходе на постоянную работу в аппарат обкома.

Теперь, надеемся, понятно, почему Шутов тоже был приглашен на проводы Ульянова. Однако принять участие в служебном междусобойчике отказался по причине больничного и радикулита. Надо заметить, что немотивированный отказ от таких летучих пирушек в стенах высокого учреждения рассматривался как нарушение неписаного регламента аппаратной жизни и мог иметь далеко идущие последствия. Нерушимое единство должно было соблюдаться даже в мелочах, а человек, нарушающий монолитную сплоченность, вызывал естественное подозрение. Подчиненность сверху донизу предполагала не только безусловное выполнение официальных решений вышестоящих инстанций, но и следование жестким правилам поведения функционера. Аппаратчик не имел права разводиться, носить бороду, ходить без галстука, заводить случайные знакомства, привозить друзей детства на обкомовскую дачу. Впрочем, и сейчас, в пору партийных дискуссий, плюрализма мнений, обсуждения новой Платформы КПСС, неписаные законы поведения партийных руководителей остаются столь же незыблемыми. И сколько бы ни ходили функционеры «в народ», сколько бы ни «советовались с людьми», эта скрытая демаркационная линия создает большее отчуждение между аппаратом и «простым советским человеком», чем высокая зарплата или купленный по дешевке «мерседес»...

Итак, два «отказника» встретились у дверей Таврического дворца около восьми часов вечера. Забрав конспекты, Нефедов попросил Шутова довезти его до Смольного, где у него, мол, книги и брошюры, совершенно необходимые для подготовки к семинару. «Меня эта просьба удивила,— вспоминает Шутов.— В отделе были проводы, от участия в которых мы оба отказались, и наше появление в Смольном могло быть двусмысленно истолковано. Но Нефедов был очень настойчив, сказал, что пройдет тихонечко в свой кабинет, возьмет книги и сразу назад. Тут недалеко, мол, что тебе стоит, и прочее...»

Они подъехали к пятому подъезду в начале девятого. Этот подъезд в ту пору был входом в обком комсомола, но, кроме того, через него можно было попасть «с тыла» в обком партии. Шутов остался на вахте с дежурным прапорщиком, а Нефедов зашагал по гулким коридорам, удаляясь в глубину здания. Минут через двадцать Нефедов вернулся со стопочкой каких-то брошюр и тетрадок. Они сели в машину, вернулись в ВПШ, где распрощались, и хозяин автомобиля наконец отправился домой.

Через два дня Шутов закрыл больничный и вышел на работу. Первый телефонный звонок был из обкома, из родного отдела спешили поделиться новостью: «Слушай, у нас потрясающее ЧП. На проводах народ так напился, что после их ухода пожарная команда Смольного тушила в 143-м кабинете огонь. Идет расследование... Ты понимаешь, чем это может кончиться для всех!..»

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ

«На нем еще горит веселый отсвет
Зари социализма развитого».

Ленинград жил обычными предновогодними заботами. На площадях ставились огромные елки, приветливо мигающие огоньками, многочисленные Деды Морозы и Снегурочки заканчивали последние репетиции, полнились людскими потоками сотни секций Гостиного двора. И лишь Смольный, всегда спокойный и незыблемый флагман коммунистической эскадры, замер в беспокойном ожидании. Страсти подогревались отсутствием официальной информации. Однако в аппарате доведено до высочайшей степени совершенства умение читать между строк, слышать то, что говорится за закрытыми дверьми, просчитывать без помощи компьютера всевозможные расклады и варианты.

Исход событий аппаратные прорицатели видели довольно отчетливо. Рушилась карьера организаторов вечеринки Ульянова и Архангельского. Под ударом оказывалось прочное до тех пор положение заведующего отделом Мелещенко. В щекотливой, мягко говоря, ситуации оказались все работники отдела планово-финансовых органов. Да и остальные работники обкома чувствовали себя не вполне уверенно, так как председатель парткомиссии Смогилиенко, проводивший расследование, славился умением превращать самые пустяковые проступки и мелкие прегрешения в показательные и масштабные кампании с политической подоплекой.

А тут еще по обкому пополз слух, будто от кабинета № 143 пропал ключ, а пожарные и замуправделами Богданов при осмотре помещения обнаружили две полуобгоревшие таблетки сухого спирта. Таким образом, возникала новая версия происшедших событий: не просто случайное возгорание от брошенного по пьянке окурка, а злонамеренный поджог святая святых, Штаба Революции, хрестоматийного символа победившего пролетариата. Тут уже пахло не просто отстранением от работы... Тут явно была видна рука классового врага, а может, и мохнатая лапа мирового империализма... Стены Смольного помнили убийство Кирова, под этими сводами прозвучали последние шаги уходящего на расстрел Кузнецова... Конечно, времена не те, но противные мурашки бежали по коже хозяев жарко натопленных кабинетов...

Сразу после Нового года Шутову пришла фантазия помыть автомобиль, что он делал довольно редко. К величайшему своему изумлению, в правом кармане передней дверцы он обнаружил... исчезнувший ключ от кабинета № 143 и вскрытую стандартную пачку таблеток сухого спирта без двух штук. То есть полный набор улик, свидетельствующих неопровержимо: в Смольном произошло не случайное возгорание, а умышленный поджог.

Несколько дней Шутов пребывал в сомнении. Он анализировал и сопоставлял разрозненные факты, наблюдал за поведением обкомовских работников, пытаясь понять, кто же затеял достаточно сложную и хитроумную интригу. Подозрение вызывал Нефедов, затеявший не очень убедительно объяснимую поездку в тот злополучный вечер. Было подозрительным и то, что в дни расследования ЧП он ходил повеселевшим. Хотя причин для его хорошего настроения имелось по крайней мере две. Во-первых, он избежал присутствия на неудачном междусобойчике. А во-вторых, назначение Архангельского в его начальники аннулируется, как только будет закончено расследование.

Разумеется, Нефедову была более выгодна версия со случайным загоранием бумаг по неосторожности. Тут парткомиссия вывела бы стройную схему: пьянка в отделе — брошенный окурок — потеря контроля над своими действиями — компрометация безукоризненно чистых партийных рядов — отставка виновника. Но случайное загорание — это судьба, оказия, которую можно ждать месяцы и годы. А времени ждать у Нефедова не было. Ходить в инструкторах еще полтора-два года?! Можно и переходить. Ограничения по возрасту отсутствуют лишь для самых высших партийных эшелонов — первых секретарей обкомов, ЦК союзных республик, членов Политбюро. Оттуда люди не уходили, их выносили, точнее, вывозили с почестями на траурных катафалках. А вот место замзавотделом можно было получить лишь до 40 лет. Потом сиди хоть до пенсии или спокойно подыскивай себе кресло в исполкоме, на предприятиях города, закидывай удочки в столицу. Но не дай Бог переходить в инструкторах. Завязнешь, и спихнут тебя потихоньку на какую-нибудь малозначащую должностишку, не пыльную, конечно, но лишенную заветных атрибутов значимости и власти: «вертушки», машины, дачи, пайка.

...Шутов понял, что Нефедов не стал ждать милостей от природы. Разумеется, поджог Смольного — штука поопасней подсиживания партийного коллеги каким-нибудь ловким рапортом или справкой, поданной через голову непосредственного начальника. Поджог — это уже нечаевщина, бесовщина. Но кто же решится предать случившееся огласке? Ленинградский обком, который утвердил за собой ранг партийной гвардии? Его лидер Григорий Васильевич Романов? Как бы не так! Это вам не поджог рейхстага, когда Георгий Димитров был оправдан в открытом судебном заседании. Такие пассажи не пройдут в «колыбели Революции». Немедленно вон осквернивших партийное знамя, сомкнуть ряды и — вперед к победе коммунизма!

Если поджог и обнаружится, не в меру активный Шутов предстанет как поджигатель и злокозненный проходимец. Жаловаться и требовать разбирательства он не пойдет: не маленький, должен понять, что и своей головы не сносить. Правда, он приятель, друг... Что ж, борьба за власть и привилегии, именуемая для народа классовой борьбой, выше интеллигентских химер чести, совести, порядочности. Революции в белых перчатках не делаются. Что значит судьба какого-то Шутова! Как говорится, шут с ним...

Шутов совершает роковую ошибку. Встретившись с Нефедовым, он говорит: «Володя, ты подонок. Ты подставил меня и других, сделал так, чтобы пострадали все, кроме тебя. Я этого допустить не могу».

— Дай мне две недели сроку,— попросил Нефедов.— Я найду работу и подумаю, как лучше представить все дело начальству.

И Шутов соглашается, предупредив, что через две недели он сам расскажет парткомиссии, кто виновник ЧП в Смольном.

Но нечаевщина не ведает джентльменских соглашений. В течение двух недель в ЦК поступает более 30 анонимок. В них освещаются все стороны мерзкой и подлой жизни Юрия Шутова. Сообщается, что он вообще-то и не Шутов вовсе, а сын белоэмигрантов. Родился в Америке, через Тихоокеанское побережье попал на Колыму, был старателем на приисках, завладел документами Шутова, инфильтровался в центральные районы России и, наконец, обосновался в Ленинграде, чтобы вести активную шпионскую деятельность...

Вспоминает Ю. Т. Шутов: «Когда миновали две недели, Нефедов сказал, что он никуда не собирается уходить. Мол, за это время он все взвесил и считает, что я никакой опасности для него не представляю...»

Вспоминает В. И. Мелещенко, ныне член бюро обкома и председатель Ленинградского КНК: «Не хотелось бы возвращаться к тем печальным событиям. Сейчас в партийный аппарат кидают камни все кому не лень... Ну, если вы настаиваете... Авторство Нефедова по части анонимок на Шутова, на наш отдел и других работников обкома было установлено очень скоро. Но когда Шутов пришел ко мне с ключом от комнаты № 143, с таблетками спирта и сообщил, что поджог в Смольном — дело рук Нефедова, я ему не поверил... Да как я мог поверить! Такой поступок работника аппарата — нелепица, абсурд...»

События разворачивались стремительно. Сомневающийся Мелещенко докладывает тем не менее о новой версии происшествия председателю парткомиссии Смоглиенко. Тот — Романову. Получена команда провести тщательное закрытое расследование **преступления** в Смольном. Следственный эксперимент: из полусотни охранников Смольного Шутов безошибочно определяет дежурившего в тот вечер в пятом подъезде. Нефедова вызывает секретарь обкома А. П. Думачев и предлагает ему уволиться...

Как видим, руководящие пожарные хотят погасить разбушевавшееся в обкоме пламя страстей и интриг с минимальными потерями. Зеваки не должны видеть огонь в Смольном. Но огонь обладает коварным свойством: залитый в одном месте, он вспыхивает в другом... Есть, правда, испытанный пожарный метод: накрыть весь очаг брезентом, как колпаком. Может быть, при этом сгорит кое-что лишнее, но здание будет спасено...

Нефедова арестовали... за малолетних. Теперь от левого берега Невы, где высится Смольный, его отделяет не только водная преграда, но и мощные кирпичные стены «Крестов». Все? Порядок наведен? Но Шутов... Не виноват, но слишком много знает... Шутова арестовали 1 сентября 1981 года.

КАК МЫ САЖАЛИ ДРУГ ДРУГА

«Я не спешу в ладошки хлопать,
ибо
иная вызревает аксиома:
не сломленных во время перегиба
не перегнешь во время перелома».

В томе 6, на странице 80 уголовного дела, покоящегося ныне в архивах, есть «Постановление о продлении срока содержания под стражей», датированное 16 февраля 1982 года. Вот что там написано: «Следователь по особо важным делам при прокуроре Ленинграда юрист I класса Корнилова В. К., рассмотрев материалы уголовного дела № 47978, установила: ...Всего таким образом обвиняемым Шутовым Ю. Т. при соучастии Камигунова А. Д. было за указанный период совершено хищение государственных средств и госимущества на сумму 9.191 рубль».

Итак, молодой и перспективный руководитель, председатель депутатской комиссии Куйбышевского райсовета, свято веривший в ту пору в прочность и незыблемость существующего порядка вещей, низвергается с голубых аппаратных высей в тюремную одиночку питерских «Крестов» с 501-й изоляцией — так именуется содержание особо опасных преступников.

Вспоминает Ю. Т. Шутов: «Понимая всю дикость и нелепость происходящего, я отказался от показаний вообще. Но вскоре понял, что никто и не жаждет получить их от меня. Корнилова сказала на первом же допросе: «По поводу вас есть указание прокурору города Соловьеву — посадить. Будете давать показания или нет, особой роли не играет...». К счастью, если это слово уместно, меня не обвинили в каком-либо преступлении, которое, помимо уголовного, носило бы еще и неприличный оттенок. Сначала я подозревался как американский шпион, затем «повесили» хищения в особо крупных размерах. Грех жаловаться!..»

Кстати, версия о шпионстве проверялась органами госбезопасности весьма рьяно. Ведь в анонимки были весьма умело вплетены реальные детали. Шутов прыгал с парашютом (значит, заброшен!), стрелял в армейском тире на пари (прошел огневую подготовку!), водил автомашину, как гонщик, разбирался в двигателях любой конструкции (специальное обучение!). В деревню, где жила мать Шутова, приехали «люди в штатском» и, показывая фотографию, стали выяснять у односельчан: сын или не сын? После этих невинных опросов мать перебралась в город. Шпионство скоро отпало не только как безнадежно липовое, но и чреватое неприятными последствиями: шутка ли, сообщить в Москву, что шпион был вхож во все кабинеты Смольного. Куда надежней обыкновенная уголовка. Да и какой руководитель может существовать в условиях нашей экономики без нарушений? Надо копать, копать и копать!

Следователь Корнилова копала 9 месяцев. Рожденное за этот срок девятитомное дело всей своей тяжестью должно было, как рок, обрушиться на Шутова, не оставив ему надежды на политическую, общественную и семейную жизнь. Нет нужды вдаваться в подробности и тонкости следовательской изобретательности. Хотя тонкость и тщательность, логическая выстроенность и убедительность как раз отсутствовали. На суде дело разрушилось именно потому, что было грубо сколочено, схвачено на живую нитку. Позаботься она о качестве состыковки, пусть и вымышленных, деталей, эпизодов, подсудимый мог бы и до сих пор пребывать в местах не столь отдаленных.

И тут нам видится не легкомыслие следователя, а прямое действие системы социального заказа: обком ставит задачу перед прокурором Соловьевым, тот — перед начальником следственного отдела Васильевым (ныне заместителем генерального прокурора СССР), а начальник отдела поручает следователю. Корнилова здесь — лишь маленький винтик грозной машины задуманного (конечно, из высочайших соображений!) оговора.

Вспоминает судья Е. С. Ершов: «Напор на суд был чудовищный. Замзавотделом административных органов товарищ Лапин требовал «рассмотреть покороче да побыстрей». За этим делом тянулся шлейф высокой заинтересованности. Я не знал подоплеки, да и сейчас не знаю. Дело было надуто. Корнилова при мне обрабатывала свидетелей, ежедневно мне звонила, навязывая свое мнение. Я уж не говорю, какой она мне скандал устроила после суда... И это следователь, который не имеет права входить в контакт с судьей. Впрочем, для нее никаких процессуальных законов не существует...»

Мы побеседовали с десятком свидетелей по этому делу. Все, кто отказался лжесвидетельствовать против Шутова, поплатились исковерканными судьбами, порушенными семьями, загубленной карьерой. Ход следствия был прост, как сталинский «Краткий курс». Внезапный обыск, допрос, еще допрос, поиск «слабого места» у свидетеля, удар по «слабому месту». «Ах, у вас сын — аллергик. Какая жалость! Сегодня его оперируют? Да-да, вы скорее должны дать показания... Вы ювелир? Это интересно. Откуда у вас этот крестик без государственного клейма? Впрочем, меня это не интересует. Вы знакомы с Шутовым? Это хорошо... Вам предлагают работу гостренера в Болгарии? Боюсь, вы туда не поедете. А может, и вообще не найдете работу в Ленинградской области...»

Главным свидетелем обвинения (и соучастником) был избран заместитель начальника вычислительного центра (организации, подведомственной статуправлению) Камигунов. Человек, страдающий эпилепсией, легко сломленный Корниловой — как он сам рассказал на суде — на дачу ложных показаний. Не только на Шутова, но и на себя. Как же это случилось?

В ВЦ существовал безлюдный фонд, который Камигунов в течение пяти лет использовал на цели, не предусмотренные планом. Например, если в организации нет грузчиков, то безлюдный фонд должен тратиться на погрузку-разгрузку. Но жизнь не укладывается в рамки инструкций. Допустим, сломался кран. Как платить сантехнику? Оформляется погрузка-разгрузка, а сантехник получает десятку к взаимному удовольствию сторон. Стандартное финансовое нарушение, широко распространенное по всей территории Союза.

Камигунов не был исключением. Но он вел журнал, куда скрупулезно записывал исполнителей работ. Корнилова очень быстро убедилась, что Камигунов выплачивал деньги одним лицам, а оформлял на других. Хотя журнал свидетельствовал, что Камигунов в карман деньги не клал, само оформление на подставных лиц на юридическом языке называется хищением.

Как рассказал Камигунов на суде, Корнилова при нем порвала журнал и сказала: «С этого момента нет документа, подтверждающего, что вы потратили деньги по такому-то назначению. С этого момента вы их похитили. Кроме того, при обыске в вашем сейфе обнаружены письма женщины интимного характера. Стоит показать их вашей жене, и вы просидите в лагере долгие годы без передач и писем. И третье. Ваш семнадцатилетний сын имеет приговор за кражу в школе с отсрочкой исполнения. Завтра же в порядке надзора прокурор напишет протест, и сын окажется в тюрьме...»

После этого Камигунов начинает давать показания по схеме, разработанной Корниловой. Схема проста: подставным лицам выплачиваются деньги из безлюдного фонда. Деньги отдаются Камигунову, а тот несет их Шутову. В дни, соответствующие датам кассовых ордеров. Последнее обстоятельство помогло разрушить схему и исключить из обвинения тысячи рублей. Еще знакомясь с делом, Шутов обратил внимание на даты: по крайней мере в 14 эпизодах из 17 Камигунов не мог вообще передавать деньги Шутову, так как последний находился в эти дни вне Ленинграда или даже за пределами страны. Подтверждающие документы — счета гостиниц, справки ОВИР и т. п.— были переданы суду прямо в зале заседания...

И тем не менее, отринув 90 из 95 позиций обвинения, суд не смог вынести оправдательного приговора. Судья Ершов так нам объяснил: «Мы сделали максимально возможное в тех пределах, в которых могли действовать. В ту пору вопрос стоял так: либо ты судья, либо — человек на улице, если не прислушиваешься к мнению Смольного. Это мы только мечтаем о право́вом государстве, а тогда (да и до сих пор) имели пра́вовое. А право дано Смольному...»

ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ

«Все стали, перестроившись, другими,
Все стали ликвидировать отсталость...
Прекрасно, что слова сменились
в гимне,
Но музыка-то старая осталась».

Зачем мы рассказали эту нетипичную историю? Тут и поджоги, и предательство друзей, и упрятывание неугодных свидетелей в казематы. Шекспировский разгул страстей! Не желая покушаться на каноны соцреализма, признаемся: да, в подавляющем большинстве обкомов, горкомов и райкомов подсиживание коллег по борьбе за светлое будущее проходит изящнее и интеллигентнее. И в тюрьму не каждого ослушника сажают.

Но смеем утверждать, что описанная история характерна для замкнутой партийной структуры — с поправкой на характеры конкретных людей, масштаб области, климат и т. д. Потому что такие структуры не подчиняются законам свободного развития.

В нашем обществе когда-то были заданы светлые цели, провозглашенные Коммунистической партией. Потом цели куда-то подевались, а номенклатура и критерии подбора людей остались в окарикатуренном виде. Само понятие «партия» было перенесено с миллионов так называемых рядовых коммунистов на аппарат партийного управления. А аппарат, как и всякая бюрократическая структура, имеет свойство по достижении определенной величины замыкаться на себя. Как искусственный спутник, запущенный с планеты, обретает самостоятельную жизнь, так и аппарат, рожденный некогда в недрах партии, отчуждается от нее, становится «над» и «сверх».

Сегодня мы, как малые дети, радуемся коллективной отставке очередного обанкротившегося партийного бюро, смещению секретаря обкома, уличенного в покупке дешевого "мерседеса" или незаконном получении квартиры. Мы мечтаем заменить «плохих» руководителей «хорошими», старых — молодыми, властолюбивых — демократами. Еще чуть-чуть, поменяем прежних на новых, «ваших» на «наших» — и жизнь наладится, воцарится царство добра, мира и справедливости. Наивные мечты!

Мы — пленники общественной модели, а жизнь противится, когда ее хотят построить по придуманному и заранее заданному образцу. Проблема не в частных привилегиях, а в том, у кого привилегия обладать властью. На февральском Пленуме ЦК намечены пути ограничения пространства партийной власти, разрыва партии с авторитарно-бюрократической системой, намечен идеал — гуманный, демократический социализм...

Приведенные нами мысли принадлежат Юрию Шутову. Неужели каждому из нас, чтобы поумнеть и избавиться от иллюзий, надо пройти через тюремную камеру?!

Ленинград — Москва



урнал «Театр» опубликовал, а Московский академический театр сатиры поставил пьесу Владимира Войновича «Трибунал». Года два-три назад это стало бы сенсацией. Год назад мы бы праздновали еще один прорыв гласности за частокол цензурных ограничений. Сегодня это нормальный факт нашей культурной жизни. Так, во всяком случае, казалось, когда вслед за спектаклем появились первые рецензии, спокойные и взвешенные. Лев Разгон в «Вечерней Москве» поделился радостью, что режиссер Валентин Плучек дождался-таки времен, когда «смог сделать то, что хотел», поставил пьесу, где «не только рассказал о прошлом, но и дал впечатляющую картину настоящего, заставил задуматься о будущем». Другой рецензент — П. Кузьменко — отметил на страницах «Советской культуры» традиционность спектакля (но традиционность «в рамках вполне устоявшегося стиля этого театра»), «крепкую, жесткую режиссуру Валентина Плучека», актеров, подающих каждую репризу «выпукло, броско, колко».

Короче говоря, еще одна московская премьера. Еще одно возвращение из русского зарубежья (нет, не имени, В. Войнович, слава Богу, опубликован уже не только в толстых журналах, замечательную книжку успело выпустить издательство «Московский рабочий») еще одного произведения, ставшего нам наконец доступным. Впрочем...

Впрочем, мы рано успокоились, решив, что время пушек прошло, что наступило время муз.

Первым залпом командовал майор А. Бондаренко. В «театральных заметках» на страницах «Красной звезды» «Трибунал» продолжается?» он причислил В. Войновича к тем «многим «диссидентам», которые «сделали карьеру на скандальном своем выезде из СССР». Что касается литературных талантов Войновича, товарищ майор отметил у него, во-первых, «какое-то нездоровое пристрастие к физиологии», во-вторых, «мерзость» некоторых сцен, в-третьих, негодование корреспондента вызвало слово «жопа», позволившее ему заключить, что «уровень рассуждений» в пьесе, «как в прусской казарме». Что касается слова «прусской», здесь, вероятно, произошла ошибка. Наборщик добавил к началу слова букву «п», а майор этого не заметил, хотя он-то уж наверняка знает, в каких казармах какие выражения употребляют.

Что касается идеологической направленности пьесы «диссидента-карьериста», то это просто «прямой плевок» в наши святыни.

Кроме того, пьеса негуманна. Актер Г. Менглет, играя Председателя, спародировал жесты и ораторский стиль К. У. Черненко. Корреспондент «Красной звезды» шокирован: «На Руси издавна принято относиться к хворым и убогим с состраданием, жалостью». То есть, если завтра авторитетный консилиум признает Л. П. Берию сексуальным маньяком, то и здесь мы будем должны проникнуться состраданием и воздержаться от оценок всей его деятельности? Разве патология, убожество лидера — не наглядное свидетельство патологии и убожества системы, вытолкнувшей подобного человека на пик пирамиды власти?

...Следующим залпом командовал генерал-лейтенант в отставке Я. Майоров, адресовавший секретарю парторганизации Театра сатиры такой документ:

Члены Военно-научного общества при Центральном Доме Советской Армии имени М. В. Фрунзе, обсудив статью «Трибунал» продолжается?», опубликованную в газете «Красная звезда» от 11 ноября 1989 года, и содержание пьесы В. Войновича «Трибунал», опубликованной в журнале «Театр» № 3 1989 года,

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Осудить публикацию в журнале «Театр» и постановку Московским академическим театром сатиры пьесы В. Войновича «Трибунал», оскорбляющей нашу страну, достоинство советского народа, его священную память о советских людях, отдавших жизнь за свободу нашей Родины в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., являющейся злостной клеветой на советский общественный строй и Советское правительство.

В. Войнович призывает советских людей к неповиновению власти, решив, очевидно, посмеяться над всеми советскими людьми за имевшие место деформации в нашей стране. В. Войновичу чужды патриотизм и беззаветная преданность советского народа своей социалистической Родине, особенно проявившиеся в Великой Отечественной войне. Он без зазрения совести издевается над светлой памятью погибших на войне славных дочерей советского народа Зоей Космодемьянской и Лизой Чайкиной, оскорбляет мужественную дочь испанского народа Долорес Ибаррури, сын которой погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками. И эту пьесу редколлегия журнала «Театр» называет талантливым литературным даром писателя, а артисты Театра сатиры воспроизводят ее содержание на сцене с некоторыми изменениями.

Это не первое произведение В. Войновича, в которых он шельмует советский народ — народ-победитель, разгромивший немецко-фашистских захватчиков, принесший свободу многим народам Европы.

Популяризировать произведения В. Войновича — это значит оскорблять наш народ, наше Отечество.

2. В связи с вышеизложенным актом выразить недоверие редколлегии журнала «Театр», руководству Московского академического театра сатиры и актерам, участвующим в антисоветском и антиперестроечном спектакле «Трибунал».

3. Целиком и полностью одобрить содержание статьи «Трибунал» продолжается?», опубликованной в газете «Красная звезда».

4. Считали бы необходимым, чтобы Идеологический отдел ЦК КПСС и Министерство культуры СССР более решительно выступали против антисоветской пропаганды и шельмования советского народа в средствах массовой пропаганды и культуры, оказывающих отрицательное влияние на настроение советских людей, их отношение к труду, порождающих у них недоверие к партии, чувство безысходности.

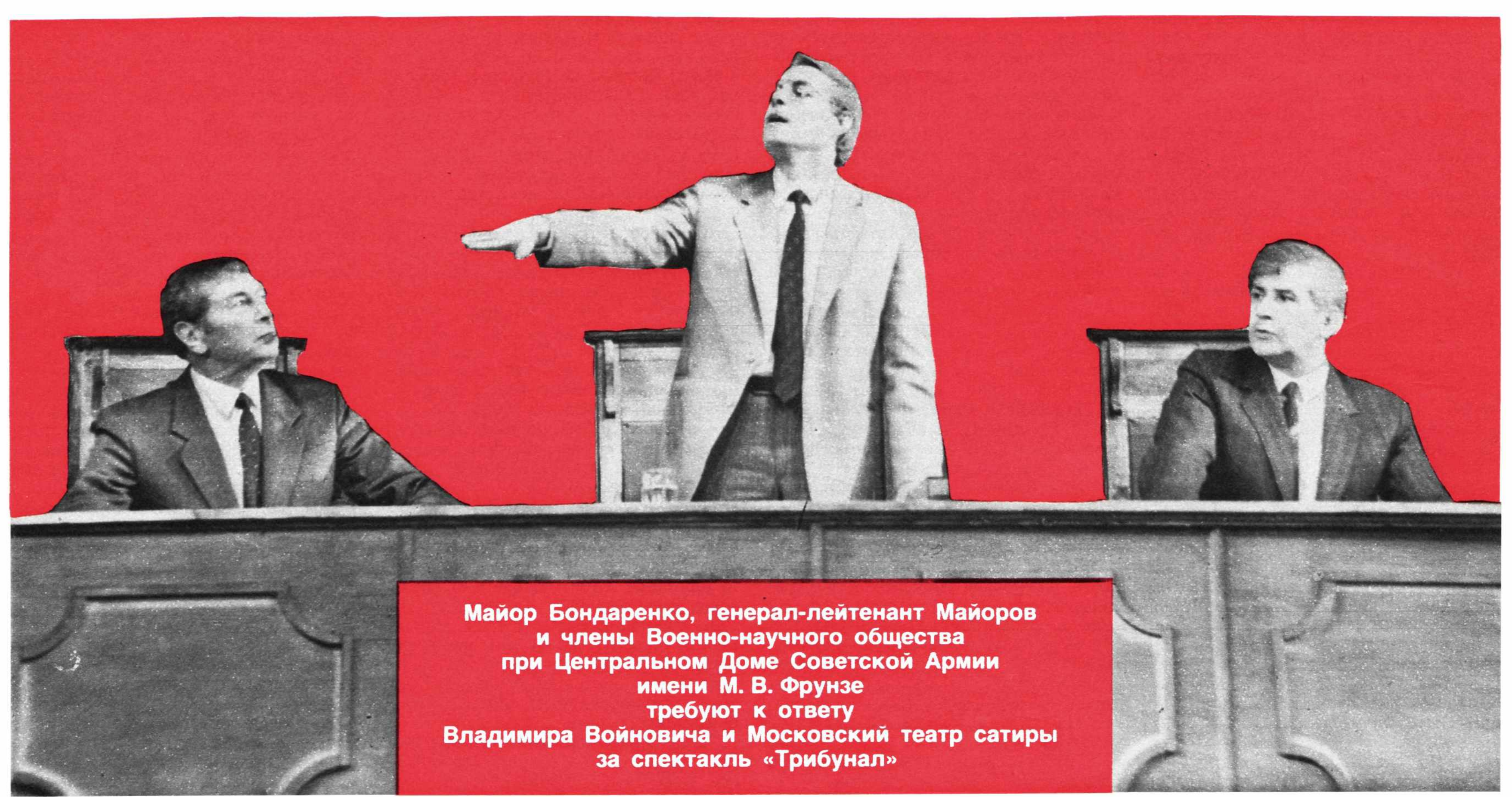
5. Поручить Президиуму Совета ВНО направить это решение в Идеологический отдел ЦК КПСС, Министерство культуры СССР, партийные организации журнала «Театр» и Московского академического театра сатиры.

Члены Президиума Совета
Военно-научного общества при
ЦДСА имени М. В. Фрунзе
9 подписей

Мы не хотим комментировать это постановление. Оно достаточно красноречиво. В ожидании следующего залпа стоит, однако, напомнить нашим уважаемым защитникам небольшой фрагмент из выступления депутата Е. А. Евтушенко на втором Съезде народных депутатов СССР: «Я глубоко уважал и уважаю многих честных политработников, но давайте признаем, что еще со сталинских времен завелось особое подразделение идеологических пожарников. Это своего рода генералы, которые неблагодарно поливали изо всех шлангов лучшие книги о войне: «В окопах Сталинграда» Некрасова, «За правое дело» Гроссмана, «Мертвым не больно» Быкова, военные дневники Симонова.

Тем временем, чуть не сбив золотые кресты Василия Блаженного, на Красную площадь преспокойно уселся нахальный заграничный аэрокуренок, весьма довольный тем, что наши идеогенералы вдохновенно посвятили себя полностью литературно-критической деятельности».

Отдел искусства



Майор Бондаренко, генерал-лейтенант Майоров и члены Военно-научного общества при Центральном Доме Советской Армии имени М. В. Фрунзе требуют к ответу Владимира Войновича и Московский театр сатиры за спектакль «Трибунал»

ТРИБУНАЛ ПРОДОЛЖАЕТСЯ?

СЧАСТЛИВЧИКИ

Александр
МИНКИН



Фото
Юрия
ФЕКЛИСТОВА

*— А-апку, а-апку!..
Но поздно.
Уже ничего не надо.*

Господи Боже! Какое счастье, что все это в прошлом!

На сцене «Современника» сидит бездарный писатель и ваяет очередной отвратительный лживый роман из жизни советских рыбаков. Траулер качается на штормовых волнах. У судового врача приступ аппендицита. Рядом Канада, но туда нельзя. Высокосознательный врач-комсомолец не может допустить, чтобы из-за его слепой кишки потратилась валюта и завалился план по спинке минтая. (А куда девается минтайский животик — по сей день абсолютная и, может быть, страшная тайна.) Сейчас врач стиснет зубы и с помощью капитана начнет сам себя кромсать. «Давай, батя! Смелей!» — восклицает врач. «Не дрейфь, сынок! Я раньше на разделке работал!» — восклицает капитан.

В зале непрерывный хохот. Все узнаваемо, все памятно. Мы, смеясь, расстаемся со своим прошлым и все никак не расстанемся.

Памятны такие романы про рыбаков, сталеваров, доярок, кубанских казаков, секретарей райкома, кавалеров Золотой Звезды — все на одно лицо. Памятны интонации героев фильмов, радиотелетеатральных спектаклей — всегда героические, всегда восклицающие, ничем *по сути* не отличающиеся от интонаций пионеров, приветствующих очередной съезд:

*За счастье жить в Отчизне
лучезарной,
За мирный труд,
за светлую мечту —
Мы партии любимой
благодарны,
Спасибо Леониду Ильичу!*

Господи, кто же это сочинял?

Господи Боже! Какое счастье, что все это в прошлом!

Как мы жили — непонятно. Как мы изворачивались — страшно вспомнить. Чтобы не писать слово «Бог» с маленькой буквы, я всеми силами старался начать фразу с него. Никогда «Ради бога» — всегда «Бога ради». Но ведь были редакторы, маниакально вычеркивающие даже самого маленького божка...

Бездарного писателя Ефима Рахлина талантливо играет Валентин Гафт. Писатель Рахлин — глубоко порядочный человек, фронтовик, 20 лет в Союзе писателей, 11 книг, щепетильно честный, обидчивый, ранимый.

Что ж это за жизнь у романиста! Работать мешает мающийся с похмелья брат-писатель, курить надо на лестничной площадке и стряхивать пепел в консервную баночку, а тут откуда ни возьмись другой брат-писатель ненавидяще цедит:

— Не курите на лестнице, Ефим Симхович!

— Я — Ефим Семенович!

— По справочнику вы — Симхович!

Боже мой! Сколько унижений! Как мы живем!

А судьба тут как тут: в Литфонде шапки дают. Секретарям — ондатра, лауреатам — нутрия, шантрапе — кролик. Рахлину кролик полагается. Шапка у него есть. Просить противно. Булгакова вспоминает: никогда и ничего не просите, сами предложат и сами все дадут. Не тут-то было. Жена понуждает (жена очень симпатичная, Зина Кукушина, совершенно русская и по паспорту, и так). Иди, иди, сыну шапка нужна. Пошел. Вернулся оскорбленный. Кролика не дали, попытались кошку всучить.

И пошло-поехало — «Я 20 лет в Союзе, 11 книг...». Повторяет в Литфонде, повторяет на приеме у секретаря СП (в прошлом — чекиста), повторяет жене и знакомым — «20 лет в Союзе, 11 книг... я не за шапку, я из принципа!»

Правда. Чистая правда — он ходит, жалуется, пишет заявления — из принципа. Он обижен, он оскорблен как человек и писатель.

Господи, Господи! Где же были ваши принципы, гражданин писатель, когда шельмовали великих и вышвыривали сперва из Союза писателей, потом из Союза Советских Социалистических Республик? Что ж вы тогда не возвысили голос протеста, не написали заявления?

Страшно. Вот и весь сказ. Протестовать по-крупному? Придут санитары, всадят шприц сквозь пиджак и рубаху, и — адью. И что будешь потом писать — записки сумасшедшего? Если буквы вспомнишь.

Но жажда протеста прорывалась, конечно. И шла советская творческая интеллигенция на бой кровавый за «книгу жалоб», чтобы написать в кои-то веки правду: «Меня обвесили на 17 грамм и обсчитали на 13 коп.» Дорогой мой! Вас обвесили на жизнь, обсчитали на счастье, превратили в мелкого агрессивного склочника.

На сцене скандал. Писатель Рахлин, не помня себя от бесконечных унижений, укусил знаменитого писателя, лауреата, депутата, защитника мира, которого сам Горький «открыл» (и который по пьянке сам о себе говорит: «Из меня писатель, как из говна пуля»). И про этот укус, про террористический акт, вражеский голос немедленно сообщил.

Мечется по комнате Рахлин с транзистором в руках — ищет такое положение антенны, чтобы сквозь свист и вой глушилки кое-как расслышать «Свободу».

Кончилась жизнь писателя и его жены — сотрудницы Гостелерадио. Остался страх. Звонок в дверь, звонок телефона, квадратик телеграммы — падает сердце, перехватывает дыхание — все может быть началом конца. И никто не поможет. И никто не вступится. Ведь и ты никогда ни за кого не вступался. Да и некому заступиться. Секретарь-чекист не простит. Члены секретариата не хотят мараться: кому Италия светит, кому — двухтомник.

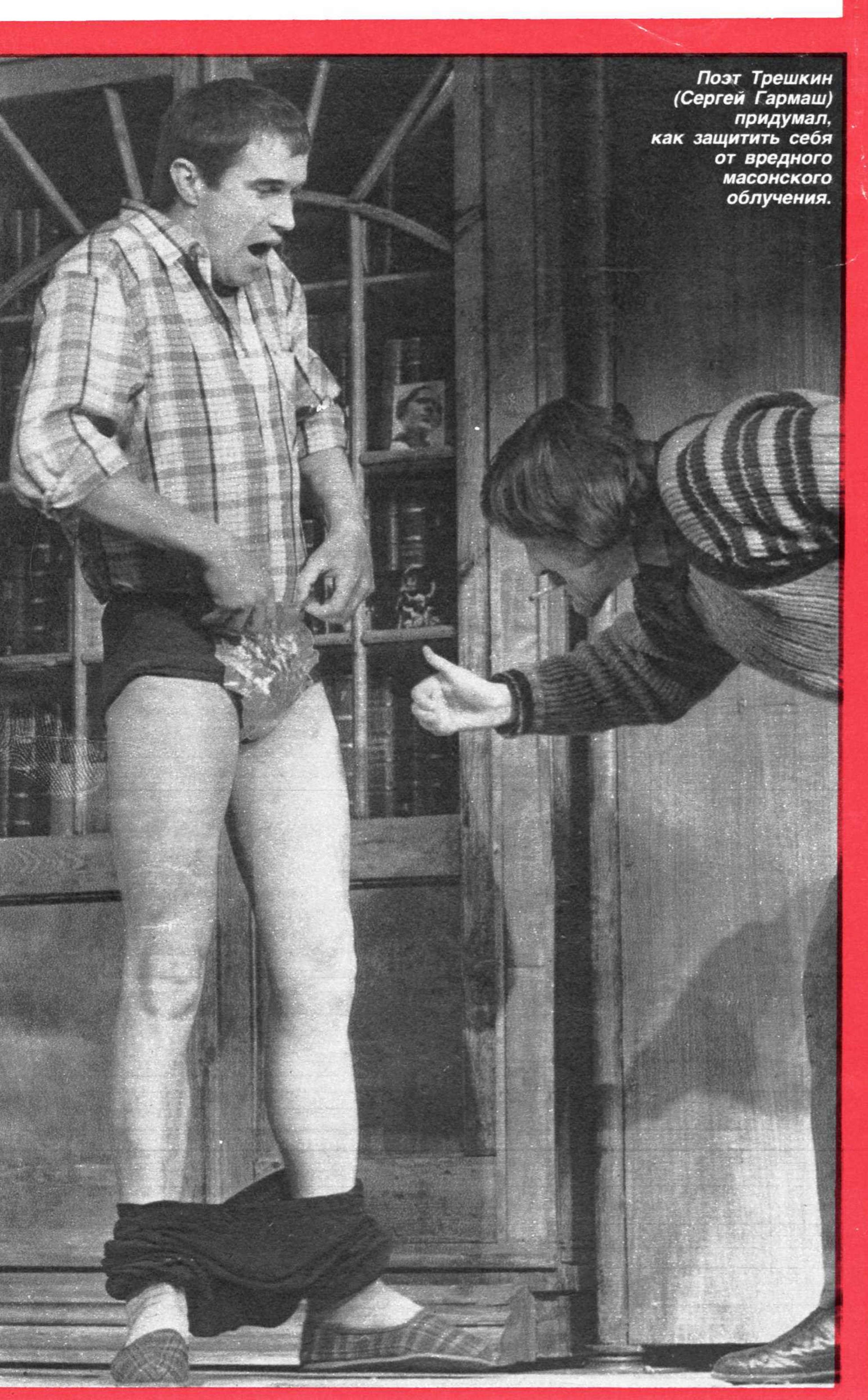
Жуткий писательский мир: одни распределяют шапки, другие клянчат шапки, и все с ужасом смотрят на молчащий телефон. Он хоть и молчит, а все слышит. Правда, по сосед-

**На сцене «Современника»
идет спектакль Игоря Кваши
«Кот домашний средней пушистости» —
пьеса Григория Горина
по повести Владимира Войновича
«Шапка». Сценография Бориса Биргера.
Музыка Эдисона Денисова.**

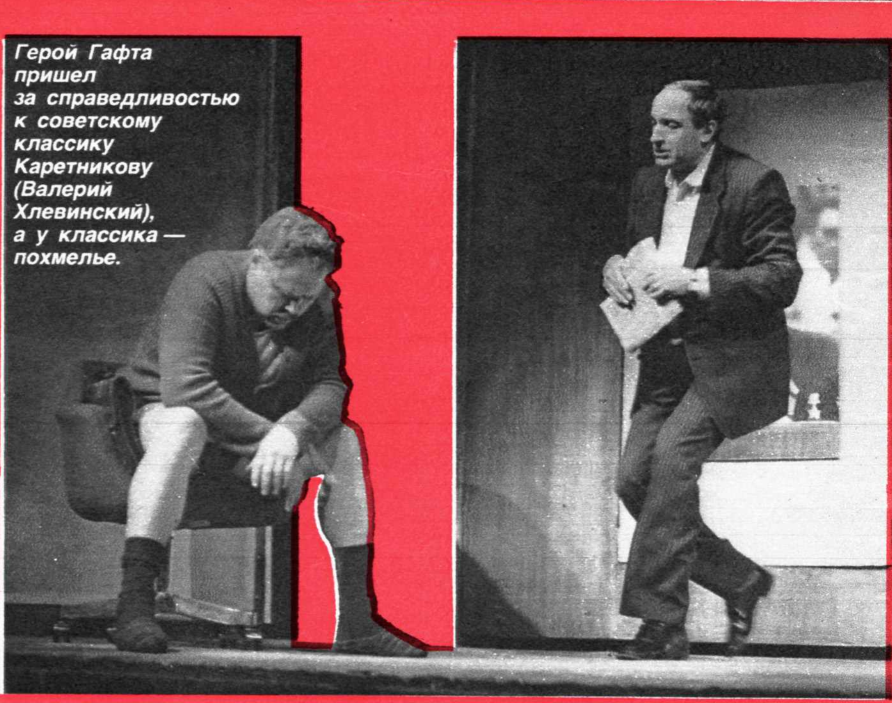
ству живет писатель-диссидент (тоже вполне бездарный), но от его заступничества только хуже будет — это и ежу понятно. Вон, гляди-ка, в пустую диссидентскую квартиру входят слесаря, которых никто не вызывал, свет не зажигают, краны не чинят, шасть с фонариками к письменному столу — телефон, видимо, чинить пришли, двое в ватниках, а третий аккуратист, при галстуке, с пробором, очки блестят. Он и на секретариат придет, сядет скромно чуть в сторонке, и каждому члену вдруг захочется встать и громко сказать что-нибудь лояльное, патриотическое, и украдкой оглянуться — отметил ли визитер? Мертвые писатели, мертвые инженеры человеческих душ.

Боже! Как грустна наша Россия! Кажется, Пушкин сказал. Кажется, после того как Гоголя прочел. Гоголь-очернитель вывел на сцену одних монстров — трусливых, лживых, лицемерных, а ни Пушкина, ни Кюхлю, ни декабристов — не вывел.

Дело в том, что талант живет в ином мире. Кажется, что в нашем, а по сути — в ином.


Поэт Трешкин (Сергей Гармаш) придумал, как защитить себя от вредного масонского облучения.




Герой Гафта пришел за справедливостью к советскому классику Каретникову (Валерий Хлевинский), а у классика — похмелье.


Кукушина-Рахлина собирается на бой за своего Ефима (замечательная работа Марины Хазовой).



Бывший чекист, ныне секретарь СП Лукин (Геннадий Фролов) дает отказ.

Дело, вероятно, в том, что существует некий неизвестный и, слава Богу, не подвластный нам механизм, мешающий таланту страстно погрузиться в распределение шапок, путевок, в сыск и перлюстрацию.

Чепуха! Талант так же хочет и есть, и пить. Он так же мелок и подл, как мы. Врете! Не так! Иначе! Впрочем, это опять Пушкин...

И вот — пожалуйста — докричался Рахлин Ефим Симхович до инсульта. Через минуту — на тот свет, а он костенеющим языком, почти нечленораздельно молит:

— А-апку, а-апку!

Шапку, значит. М-да. Гадкий, жалкий, мелкий случай. Из-за какой-то шапки, из-за какой-то дряни — умирает.

И другой, помнится, умирая лепетал:

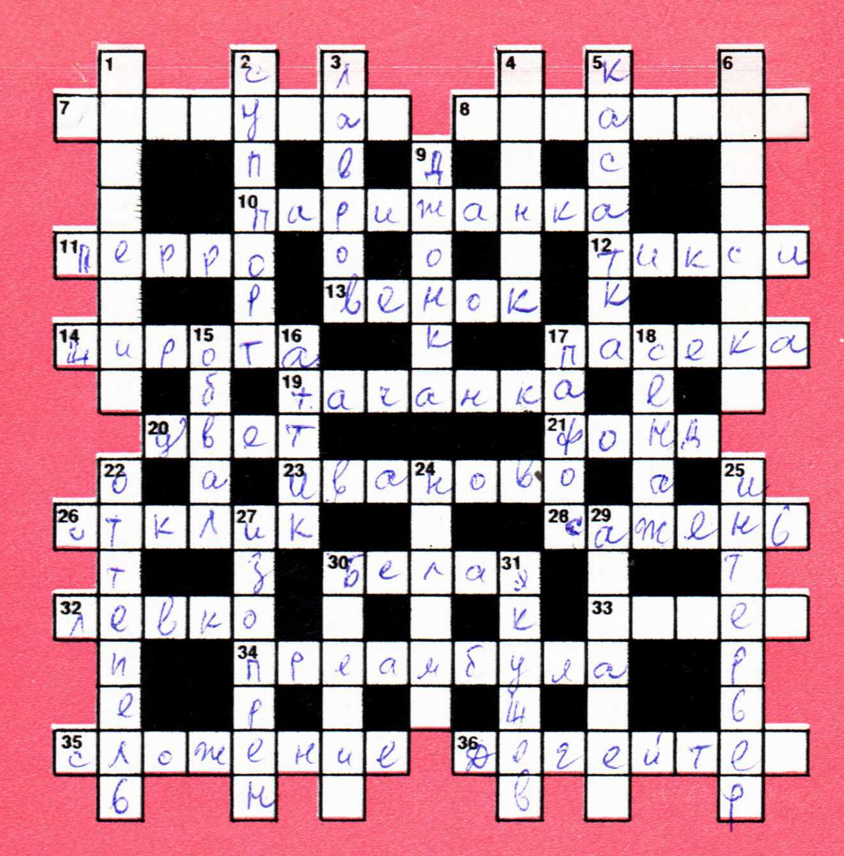
— Изль, изль!

Шинель, значит. Бездарный чиновник, идиот (простейшего письма сочинить не мог, только копировал), всего боялся, на Сенатскую не пошел, за декабристов не вступался, против казней и ссылок голос не подымал. А из-за дряни, из-за шинели, на начальство восстал.

Господи! Какое счастье, что все это в прошлом! Мы, смеясь, расстаемся с ним, а оно прощается и не уходит.



Разволновали начальника писателей, расстроили.



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Участник первой пролетарской революции. 8. Французский живописец, автор картины «Свобода, ведущая народ». 10. Стихотворение В. В. Маяковского. 11. Французский писатель, автор сказок «Кот в сапогах», «Золушка», «Синяя борода». 12. Морской порт в Якутии. 13. Сплетенные в кольцо цветы, листья. 14. Географическая координата. 17. Пчельник. 19. Картина М. Б. Грекова. 20. Окраска, световой тон. 21. Организация, оказывающая материальную помощь. 23. Город, где создан первый в России Совет рабочих депутатов. 26. Ответ на обращение, призыв. 28. Русская мера длины. 30. Приток Камы. 32. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 33. Вечнозеленые леса влажных тропиков. 34. Вводная часть международного договора. 35. Арифметическое действие. 36. Автор мелодии «Интернационала».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Романс М. И. Глинки. 2. Основной узел металлорежущего станка. 3. Автор перевода на русский язык французской революционной песни «Марсельеза». 4. Герой гражданской войны, один из руководителей Союза молодежи в Москве. 5. Деревенская ласточка. 6. Путешественница. 9. Грузовое парусное судно в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. 15. Стихотворение А. С. Пушкина. 16. Стенка, завершающая триумфальную арку. 17. Воодушевление, подъем, энтузиазм. 18. Провяленная трава, корм для скота. 22. Погода зимой и ранней весной с таянием снега и льда. 24. Промысловая лососевая рыба. 25. Внутреннее пространство здания или вестибюля, комнаты, зала. 27. Бесцветная жидкость, сырье для получения синтетических каучуков. 29. Представитель основного населения государства в Юго-Западной Азии. 30. Французский авиаконструктор и летчик, один из пионеров авиации. 31. Советский хоккеист, двукратный чемпион Олимпийских игр.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. «Псковитянка». 8. Пиренеи. 9. Капелла. 10. Тонга. 13. Айбек. 15. Эдельвейс. 16. Манул. 18. Флуер. 19. Ковалевская. 22. Нерча. 24. «Салют». 25. Фаворский. 26. Озеро. 28. Пихта. 31. Маслова. 32. «Баядера». 33. Турчанинова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Октет. 2. «Анчар». 3. Пьеса. 4. Импульс. 5. Анета. 6. Пианино. 7. Эльбрус. 10. Тимошенко. 11. Нежданова. 12. Хельсинки. 14. «Курсистка». 17. Лукка. 18. Фаянс. 20. Аргедас. 21. Глухарь. 23. Фронтон. 27. Омлет. 28. Пудра. 29. Свирь. 30. Капор.



Рисунок Алексея МЕРИНОВА




40 коп. Индекс 70663